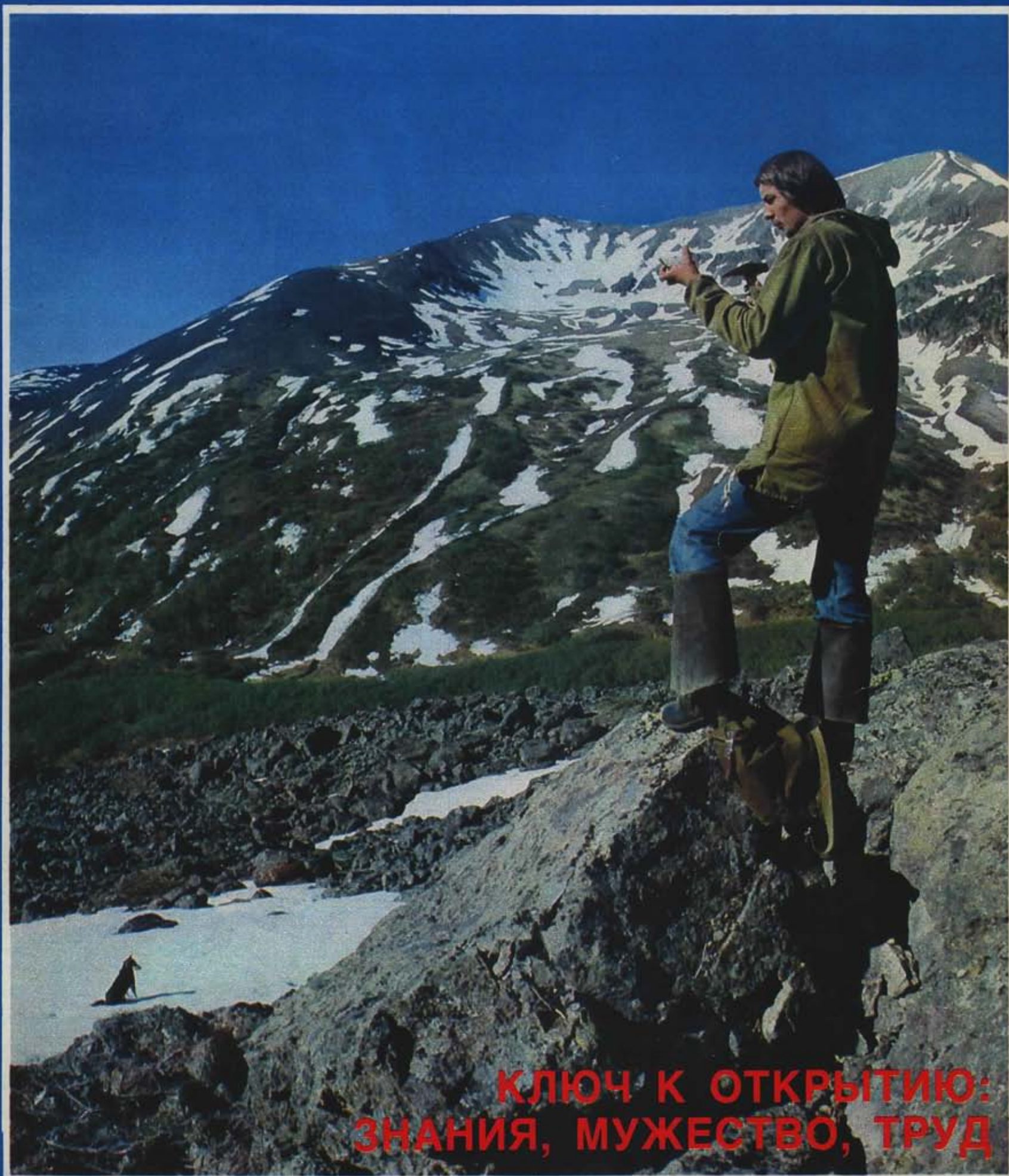

ОМЯНА

№ 3 ФЕВРАЛЬ 1979

**КЛЮЧ К ОТКРЫТИЮ:
ЗНАНИЯ, МУЖЕСТВО, ТРУД**

ГИДРОШАХТА

Волну активности на шахте вызвало необычное обстоятельство. Всесоюзная знаменитость — бригада Героя Социалистического Труда, члена Президиума Верховного Совета СССР Геннадия Смирнова, — выполняя наставнический долг, решила помочь комсомольско-молодежной бригаде Евгения Мусохранова выбраться из безнадежного прорыва.

Кроме откомандировки на десятый участок нескольких комбайнеров и мониторищиков, смирновцы дали возможность подопечным нагнать недостающую выработку за счет своих ресурсов — временно предоставили им собственный «золотой» пласт...

Это, так сказать, официальная сторона нашествившего события. Подробности же представляются гораздо значительней...

Бригада Смирнова три года подряд с поразительной воображением эффективностью вырабатывала исключительно благоприятный по условиям двадцать девятый пласт. Толщина угольных залежей — около четырех метров, не требующее крепи минимальное горное давление.

Конечно же, кроме отличных для шахтерской работы условий, смирновцы располагали отборнейшими кадрами, четкой системой организации труда, строго соблюдали дисциплину, берегли репутацию каждого члена бригады. Так что достигнутый ими рекорд годовой добычи угля в полтора миллиона тонн был итогом создания дееспособного коллектива.

Заслуга смирновцев заключалась в том, что они доказали экономическую выгодность гидродобычи по сравнению с традиционной «сухой». Бригада Геннадия Николаевича Смирнова произвела фурор в шахтерском мире. Если, допустим, средняя месячная производительность одного горнорабочего равняется 200 тоннам, то на шестом участке «грозы» за месяц добывает 1400 тонн угля.

Именно смирновцы способствовали выявлению преимуществ гидродобычи. Пожалуй, благодаря им возникло представление о перспективе масштабного использования воды в рудничном деле. Они вплотную приблизились к разрешению проблемы охраны окружающей среды — при колоссальной выемке угля из недр окружение шахты остается свободным от чудовищных терриконов из пыльной породы, не загрязняются стоками водоемы.

Если, скажем, некоторое иностранное оборудование для гидрошахт представляет для нас известный интерес, то отечественная технология разработки угольных пластов водой явно устраивает компании за границей. А это уже и результат профессионального мастерства шахтеров с «Юбилейной».

Вот что представляет из себя бригада Геннадия Смирнова. Как тут расценить значение «золотого» двадцать девятого пласта? Очевидным тогда, в ноябре семьдесят шестого года, представлялось одно: временно делясь с комсомольско-молодежной бригадой выгодным во всех отношениях пластом, смирновцы лишили себя многого.

А мусохрановцы что ж? Мусохрановцы горячо взялись за дело. Некоторые откровенно ринулись зарабатывать после десятилетнего тарифного прозябания. Увы, прозябания. Но и она двигала людьми, да еще как двигала.

Тот период до сих пор вспоминают в

ИДЕТ УГОЛЬ! В ЗАБОЕ — БРИГАДА ЕВГЕНИЯ МУСОХРАНОВА.

Фото Юрия УСТИНОВА

бригаде с оживлением. Любопытная особенность. Волна энтузиазма подхватила и такую публику, без которой раньше не обходилось ни одно заседание совета бригады по разбору всевозможных «персоналок». Кое-кого начало смущать собственное прошлое.

— Мансур, вот ты меня в «Комсомольском прожекторе» изобразил с красным носом и бутылкой, а я, между прочим, передовик производства. Пожалуйста, черным по белому в «молнии» написано. Неувязочка получается, товарищ комсорг.

Действительно, среди фамилий горнорабочих, перевыполнивших план, значился и этот шустрый парень с медалью на цепочке.

— Ну что ж, поздравляю, — сказал Галиев. — Как говорится, желаю дальнейших трудовых успехов.

— Э, нет, Мансур. Меня громкими словами не околпачишь. Как мониторищик мониторищику, тет-а-тет: может, столкнемся?

— О чем?

— О восстановлении доброго имени человека.

— По-моему, доброе имя человека вполне восстановлено. Сообщение «молнии»...

— Ты у меня красный нос когда-нибудь видал? Нет, скажи: видал?

— Ладно, чего хочешь, говори скорей.

— Хочу официального опровержения красного носа в стенойной печати...

В ноябре добыча угля десятим участком достигла такого уровня, что обогатительная фабрика не успевала про-

пускать шахтную продукцию и отключала воду.

Работа останавливалась. Мусохранов ходил по забоям.

— Хлопцы, вы чего разлеглись?

— Мертвый час, бригадир. Не кантуй.

— А подтянуть узлы комбайна? А масло кто за вас будет заливать? Дадут воду, зарубитесь, подшипники ж поплавайте.

— Это точно, Женя, — согласился машинист. — Ну-ка, салага, вставай, бери посуду и хромой за маслом. Не скажешь, сам не догадается.

Молодой помощник нехотя поднялся, взял красный бачок огнетушителя и, постукивая им о выступы породы, ушел по штреку. Мусохранов скользнул лучом по лицу машиниста. Вместе когда-то получали награды. Знакомы семьями.

— Как он, справляется?

— Ни рыба, ни мясо, честно! Набрал ты их, Женя, на свою голову. Выгадал сороковку за бригадирство, а мороки себе прибавил на сотню. Конечно, с двумя детишками...

— Было двое, будет трое, — усмехнулся Мусохранов.

— И молчал! Товарищ, называется. Как Нина?

— Полнеет, дело известное. Только насчет сороковки зря ты. Помнишь себя в возрасте этого салаги? Все же хотелось научиться, все испробовать. Казалось, горы своротил бы.

— Ветер в голове гулял, вот и маялись дурыю.

— Не скажи. Счастливая была пора. Я так думаю, что в это время человек

находит смысл всей своей жизни... А парень у тебя сачковать привыкает.

— Во-он как заговорил! В начальство выбился? На Генкину славу позарился, да промашку дал. Гена Смирнов зубров собрал, спецов по первому сорту, а ты? Комсомольско-молодежную бригаду! Вот и тащат тебя с ней за уши, чохом на-гора миллион выдают.

Мусохранов молча осматривал комбайн. То, о чем говорилось в последние месяцы у него за спиной, над чем втихомолку кругом посмеивались, товарищ высказал в глаза. Обидный, несправедливый бросил упрек. Но так на шахте думали многие, очень многие.

— Не по-нашему, не по-рабочему, Женя, получилось. Языком вздумал уголь добывать — не вышел. Уголек, он руки трудовые любит.

— Иной и уголек добывать может... Поддай-ка ключ... И почет, говорю, заслужил, но для сменщика комбайн никогда не подготовит.

Подтягивая болты, гайки, бригадир сохранил насмешливо-доверительный тон. Скофуженный машинист безмолвно посвечивал Мусохранову под руки...

...Помощника машиниста Мусохранов разыскал сидящим на сложенных однорезках. Яркий свет фонаря помешал парню сразу узнать бригадира.

— Притомился, милко?

— А?.. Портянки перематывал, ноги сбил. Не верите?

— Бывает.

Мусохранов поднял наполненный маслом баллон огнетушителя. Парень вскопчил.

— Ни к чему, Евгений Сергеевич!
— Так ноги ж сбил. Отнесу, не трудно.
— Юмор уловил, Евгений Сергеевич!
Парень подхватил баллон с маслом и ушел в непроглядную темень. От торопливости он спотыкался, слышался плеск под ногами, глухой стук огнетушителя...

Происходившее на «Юбилейной» в ноябре семьдесят шестого, — пожалуй, еще не имело аналогий. Безнадежно отстающая бригада с помощью другого коллектива заканчивала месяц, чуть ли не вдвое превышая план.

...От комбайнов, гидромониторов стремительно текла пульпа. Прежде чем попасть в русло, составленное из металлических желобов, вода с углем проходила по пробитым в пластах ходам — пульпопечам. Иногда там забучивало уголь.

Застрелвало сначала несколько крупных кусков, потом помельче, уровень пульпы в запуске поднимался иногда довольно высоко. И когда преграду прорывало, поток несся по темным штрекам, захватывая все на своем пути.

Под конец ноября Сергей Богоявленский шел за прокладками для стыковых труб. Наверху подбутило пульпу, и вот-вот за спиной должен был послышаться шум настигающего потока.

Чтобы не набрать воды в сапоги, достаточно взявшись за привинченную к своду крепь, поджать ноги и повисеть, пока не пройдет первый вал.

Навстречу, покачиваясь, приближался свет фонаря. Сергей уступил путь доставщику с однорезкой на плече. Рядом находилась ниша, куда он наверняка тащил ношу.

Вскоре Богоявленский уловил сзади шум пульпы. Повернувшись к ней, Сергей изготовился и в нужный момент повис на крепи.

Кипящий углем вал оказался довольно высоким. В свете фонаря промелькнуло бревно. Сергей вмиг догадался: под ним пронесло однорезку, которую нес доставщик. Следом за однорезкой появился мигающий огонь. Рабочего тянуло потоком. Не отпуская крепи, Богоявленский почти по пояс погрузился в увлекающее густое течение пульпы, схватил бедолагу. Доставщика могло уволочь вниз, где пульпа все больше наращивала скорость.

Когда вал схлынул, они вдвоем, мокрые, добрались до ниши. Парень не мог произнести ни слова. Выливая из сапог воду, Сергей ободоряюще спросил:

— Руки-ноги целы?
Отплевавшись, отдышавшись, доставщик неожиданно вежливо ответил:

— Спасибо... Я вам, кажется, обязан жизнью... Мы незнакомы... Вячеслав. Можно просто Слава... Еще раз спасибо.

— Оставь церемонии, Слава. Просто протасило бы дальше, сильнее намаяло бока, больше нахлебался бы. А вообще будь осторожней. Недавно на шахте?

— Представьте, уже почти год... Просто не везет... Почти все время работал на поверхности... Я ведь кандидат в комсомольско-молодежную к Мусохранову. Пожалуйста, не говорите никому о сегодняшнем. Репутация, понимаете...

Уходя, Сергей пообещал. Он сам недавно устроился на «Юбилейную». Правда, в сравнении с вымокшим до нитки парнем Богоявленский чувствовал себя зрелым человеком. После окончания горного факультета служил в армии, командовал танковым взводом.

Чудаковатый доставщик напомнил Сергею одного солдата-первогодка, поначалу беспомощного и нелепого. Потом из него удалось сделать первоклассного механика-водителя, а комсомольский экипаж стал лучшим в роте.

Экипажи с таким званием отличались особой спаянностью, и Богоявленский, поступив теперь в комсомольско-молодежную бригаду горнорабочим, ясно видел, что она не использует потенциального заряда.

Десятый участок выходил из прорыва благодаря самоотверженности бригады Смирнова. Подобно другим шахтерам

мусохрановской бригады, Сергей расценивал ноябрь как удачный месяц. А ощущение зыбкости подвалившей удачи, ее случайности не проходило.

Разговор с доставщиком долго не выходил у Сергея из головы. Несмотря на неудачу, бригада продолжала привлекать молодежь.

Не дожидаясь собрания, Богоявленский завел разговор с комсоргом о танковых комсомольских экипажах, соревнованиях между ними в стрельбах, техническом уходе за машинами. Предложил активизировать и ребят бригады.

— У нас другие условия, — подумав, ответил Мансур. — Гидрошахта несет в себе слишком много нового. Она меняет не только привычную технологию, но и дробит коллектив, индивидуализирует труд. Тут как бы вступает в особую силу роль личности. Бригада Геннадия Николаевича Смирнова — собранные воедино личности. А наша? Квартет дедушки Крылова.

— Думаешь, не сыграемся?
— Думаю, сначала нужно каждому научиться играть. Ребята должны скорее набираться мастерства. Для гидрошахты это, Сергей, главное.

Смирновцы продолжали помогать комсомольско-молодежной бригаде людьми, но «золотую жилу», двадцать девятый пласт, прикрыли для доступа посторонним. Иными словами, наставники постепенно приучали подшефных к ожидавшей их «суровой действительности».

Полмесяца выработка по звеньям бригады Мусохранова держалась на достигнутом в ноябре уровне. Сводки ежесуточной добычи со дня на день приближались к миллиону. И вот 16 декабря 1976 года в 15 часов дежурный диспетчер шахты «Юбилейная» распорядился перекрыть воду на двадцать девятый и тридцатый пласты.

Примерно к этому времени обе бригады должны были выдать последние сотни тонн угля в счет обещанных миллионов.

К событию заранее подготовились. На поверхности шахтеров ждал духовой оркестр. Из города приехало руководство.

Начало зимы выдалось бесснежное, дул студеный ветер. Корреспонденты с фото- и кинокамерами, портативными магнитофонами зябко прятались от него за стеной шахтного здания.

Наконец забухал барабан, залязгали медные тарелки. Приезжая публика пришла в движение. А за железнодорожными путями появились красное полотнище транспаранта. Под ним от выхода с двадцать девятого пласта двигалась небольшая кучка людей в грязных робах и касках. На каждой желтел огонек невыключенного фонаря.

— Смирнов, Смирнов со своими! — зашевелились журналисты.

— Где, где он? Какой из них Смирнов?

— Да в центре идет. Высокий, в блестящей каске... А вон и молодежная показалась. Кто знает в лицо Мусохранова?

Со стороны дальнего выхода из шахты, тоже с красным транспарантом, приближалась более многочисленная группа.

Началось зачитывание рапортов. Смирнов читал спокойно, не обращая внимания на подставленный репортерский микрофон. Мусохранов, с отросшей за смену черной щетиной на лице, — волнуясь с непривычки и недостаточно громко.

Потом были аплодисменты, вручение цветов, посвящение пионерских галстуков и прочее.

Торжество справлялось заслуженное. Еще никогда в стране на одной шахте одновременно не появлялось двух бригад-миллионеров. Это превосходило все известные достижения.

Комсомольско-молодежная бригада Евгения Мусохранова, что называется, вышла на орбиту. О ней начали писать в газетах, передавать по радио. Объек-

тивно рассуждая, мусохрановцы сотворили невозможное. Они не просто официально поднялись вровень с недостижимой бригадой Геннадия Смирнова. Они первопроходцами начали разрабатывать второй горизонт «Юбилейной», первыми в гидрообьёме встретившись с незнакомыми горными условиями.

Так что бригаду вполне справедливо определили победительницей социалистического соревнования среди комсомольско-молодежных коллективов страны. В нарядной десятой участка появился выпел ЦК комсомола. А к концу 1976-го бригада Мусохранова дала сверх миллиона еще 114 тысяч тонн угля.

— Эй, фотограф! — окликнул Четвергов молодого помощника.

Пригибая голову в каске, Тишин подошел к машинисту. Высокий рост мешал ему выпрямиться в этой части заходки.

— Бури тут шпур. И тут. Закрепимся, станешь на пульт. Посмотрю, чему тебя там в ПТУ научили.

Николай Федорович Четвергов был из числа тех, кого год назад послали на укрепление комсомольско-молодежной бригады. Он, как и остальные бывшие смирновцы, в условиях нового, глубже залегающего, испытывающего большее горное давление тридцатого пласта показывал высокое мастерство.

При нарезке здесь штреков главная трудность заключалась в необходимости часто останавливать комбайн и вдвоем крепить кровлю.

— Это тебе не фотографировать, — поучительно приговаривал Четвергов. — Что ни шаг, то упираться. В газете, говорят, снимал?

— В га... зете, — с натугой ответил Володя.

— За длинным рублем в шахту полез?

— И за ним тоже. Но в принципе... человек должен искать дело... по характеру. Иначе жизнь... бессодержательна.

Четвергов опустил гайкокрут и направил луч фонаря в лицо помощника.

— Ишь ты.

Тишин, продолжая напряженно подпирать лесину головой, сбивчиво излагал собственное кредо: труд должен приносить, кроме материальной заинтересованности, и моральное удовлетворение. Он лично стремился попасть на гидрошахту потому, что здесь интересно работать...

От усилия Володя прерывался все чаще.

— Хватит держать, — остановил Четвергов парня. — Доворачивай.

Четвергов размышлял о том, что бригаду не скомплектуют никакие организационные ухищрения. Они с Мусохрановым не раз говорили об этом. Давний товарищ по работе, ставший бригадиром, нуждался не в умных советах, а в деловой помощи.

Как-то оба возвращались с шахты электричкой в город. Четвергов и говорит:

— Похудел, однако, ты. Мотает она, бригада, тебя крепко.

— Не до жиру... Знаешь, чего у нас нет?

— Знаю. Двадцать девятого пласта.

— Пласты есть разные, и все придется одолевать. Нет у нас еще бригады. Народу полно, а бригады не видно.

— Отказываться собираешься?

Мусохранов покачал головой. Проступившие на похуевшем лице скулы выдавали его усталость. Глядя в окно, он жестко заговорил:

— Когда-нибудь у нас будут учиться брать углубленные пласты. Обязательно будут. Но сейчас наша задача — дельта из этих сосунков шахтеров...

— Что ж, их за ручку водить по штреку?

— А ты попробуй проведи разок. Так, чтоб парень почувствовал твою руку, чтобы увидел в тебе человека. Большое это дело. И с него нужно начинать...

Вот Четвергов и начинал. Когда помощник окончательно закрепил гайками

на своде деревянную крепь, машинист разрешил ему поработать самостоятельно. Володя просунул руки в лямки «баяна», ошупал пальцами кнопки пульта дистанционного управления.

Управляя комбайном, Тишин заметно торопился, кое-где оставлял «сопли». Машинист лучом фонаря указал на невзятый бугорок. Володя кивнул, переключением кнопок «баяна» заставил шарошку вернуться, исправить огрех.

Если «в короне шебаршит», время не замечается. Четвергов возвращался к заходке с очередной нарезкой на плече. Появилось бескоюное ощущение, будто заходка уклонялась в сторону.

Машинист подошел к помощнику, выключил электродвигатель. Приказал сбегать перекрыть воду. Когда тот вернулся, Четвергов кивнул перед собой: — Нафототграфировал!..

Тишин непонимающе осмотрел забой. Нарезал он не меньше восьми метров. Не было часов, но Володя чувствовал, что времени на пройденное расстояние затратил ненамного больше, чем опытный машинист.

— Иди глянь направление.

Тишин отпирался выполнять приказ. Поднятая над комбайном шарошка находилась метрах в полутора от оси створа.

Подошел машинист. Посмотрел вдоль отвесов и выругался.

— Я ведь ни разу не нажимал кнопку поворота, — удивился Тишин. — Комбайн двигался только по прямой, Николай Андреевич.

— Врезать бы тебе по прямой!

— Я работал, как меня учили.

— По книжкам всему не выучишься... Шарошка в какую сторону крутится?

— Ну, влево.

— А комбайн куда норовит сдвинуться? Вправо. Вот его, пока ехал, и вывернуло.

— Значит, что-то на манер девиации? По физике...

— Такую авиацию ни в какой физике не узнаешь, парень. Сейчас сдадим назад, по-новой нарежемся, а в этом месте параллельно подкрепимся.

— Спасибо, Николай Андреевич, — проникновенно сказал Тишин.

Как и год назад, май месяц оказался для мусохрановцев критическим. Приближалось лето с парной подземной теплыней.

Именно к этому трудному периоду Мусохранов после долгих «примерок» скомплектовал пары из опытных и молодых шахтеров. Николай Андреевич Четвергов — Володя Тишин. Виктор Яковлевич Сурудин — Коля Калинин. Юрий Степанович Обрядин — Сергей Богоявленский. Анатолий Георгиевич Златовецкий — Владимир Шестаков... Бригада превратилась в неофициальный учебно-производственный комплекс.

Основным направлением оставалась повышенная добыча. Начали работать без простоев.

Зачинщиком ненароком стал «фотограф» Володя Тишин. Под конец смены собрались в заходке, завели беседу о дельтапланеризме, водили пальцами по углю, спорили о форме крыла самодельного летательного аппарата. Тишин и говорит:

— Дельта — это греческая буква. Вот, треугольник. Крыло, значит, должно быть таким. Но все равно надо запрашивать чертежи, а то загремишь, костей не соберешь... А вообще кабеля не мешало бы принести.

— Для дельтаплана?

— Ребятам во вторую смену наращивать. Крепь, трубы таскать придется. Хоть кабель принесем.

— Мы им не доставщики.

— Сидишь ведь! Ерундой занимаешься!

— Дельтаплан, Тишин, не ерунда. Это то, к чему всегда стремились люди. Взлететь, парить над землей, подобно птицам.

— Гораздо важнее сделать лучшей жизнь на земле, а не парить над ней. Да

НАША ОБЛОЖКА:
ГЕОЛОГИ ПРИШЛИ
В ГОРЫ
КАМЧАТКИ.

Фото
Сергея
ПЕТРУХИНА.

(Репортаж
«Наше поле—горы...»
читайте на 12-й странице).

1 РАБОЧАЯ ПОВЕСТЬ «СМЕНИ».
Владимир ФРАНЮК. «ГИДРОШАХТА». Окончание.

4—6 НАВСТРЕЧУ VII ВСЕСОЮЗНОМУ СОВЕЩАНИЮ
МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.
Стихи Олега БЕЛИКОВА.
КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОЮ МОЕ
ОТЕЧЕСТВО».
НОВОЕ ИМЯ.
Рассказ Сергея АЛЕКСЕЕВА «КЛЕЩ».

10 КОММУНИСТЫ.
Георгий БАЖЕНОВ. «МУЖЕСТВО».

12 Генрих ГУРКОВ, Сергей ПЕТРУХИН.
«НАШЕ ПОЛЕ—ГОРЫ...».

14 ПИСЬМА ИЗ РАЙКОМА.
Борис ДАНИУШЕВСКИЙ. «ПРОСТОР ДЛЯ ДЕЛА».

16 «КАРАТЭ—ПУСТАЯ РУКА». Диалог заслуженного артиста
РСФСР Анатолия КУЗНЕЦОВА и заместителя председателя
федерации каратэ СССР Алексея ШТУРМИНА.

18 ПРОШУ СЛОВА! «ПРАВО НАЗЫВАТЬСЯ ОТЦОМ».

20 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
Юрий НЕМЦОВ, Игорь КОНСТАНТИНОВ.
«ГОРОД МАСТЕРОВ».

22 ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЮ.
Юрий РЮРИКОВ. «ЛЮБОВЬ: ТЕРРА ИНКОГНИТА».

24 ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ.
Дементий ШМАРИНОВ, народный художник СССР.
«ВСЬ МИР В ДУШЕ ЕГО ВМЕЩАЛСЯ».

26 АВТОБИОГРАФИИ.
Виктор ГЛУШКОВ, академик. «АЛГОРИТМ ЖИЗНИ».

29 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Петер АДАМС. «ЗАГАДКА ЗАМКА КАРЕНТИН».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов, Технический редактор Л. И. Курлыкова.

и стыдно, наверное, людям иметь
птичьи интересы.

— Bravo-браво!

— Эх ты... дельтаплан.

Тишин принес тогда в заходку бухту
электрокабеля. Но ничем особенно не
примечательный эпизод привлек внима-
ние. В шахте высшим мерилom всему
служит готовность товарища прийти на
помощь.

Словом, разнеслась по бригаде мол-
ва: Мусохранов, дескать, завел новый
порядок—работать без простоя. Спра-
шивают у бригадира, что это значит, тот
пожимает плечами.

— Идея добрая. Правда, я тут ни при-
чем, поверьте. От кого хоть слышали?
— Все говорят.

— Ну, раз все,—улыбнулся Евгений
Сергеевич,—так и я «за».

Достоверно известно одно. Та смена,
для которой Тишин подготовил электро-
кабель, оставила после себя заготов-
ленный крепежный материал. Их смен-
щики сразу подкрепили кровлю и двину-
ли комбайн дальше. Эти, очевидно, то-
же постеснялись уходить из забоя, не
притащив лишнюю трубу. Так и пошло.

В шахте есть канатно-кресельная до-
рога—«канатка». По ней спускаются и
поднимаются шахтеры. Двигаются одни
навстречу другим по уклону подвесные
сиденья. Садятся на них верхом и вста-
ют на ходу. Чтобы седло не раскачива-
лось, от каждого по дощатому настилу
тащится шлейф из толстой резины. По-
этому среди мусохрановской молодежи
такое сиденье прозвали «бабой-ягой».

Верхом на «бабе-яге» ехать с полки-
лометра. При спуске смены навстречу
движутся огоньки фонарей отработав-
ших шахтеров. По пути обмениваются
информацией:

— Саня, сколько прошли?

— Зарубились метров на двадцать
пять. Вам наращиваться. Трубы мы при-
тащили...

— Человек, Саня, человек!

Мусохранов, тот себе помалкивал. Ев-
гений Сергеевич хитроумно и мудро
(такое как угодно можно назвать, глав-
ное результат) делал вид, будто все
происходящее в бригаде—стихийное
движение. Его это вполне устраивало.
Бригадир уже знал, за кем нужен глаз.
Чаще навевался в заходку. Придет,
посмотрит, подскажет. Некоторых ре-
бят его надзор нервиловал.

Один машинист из «новоиспеченных»
не вынес бригадирского недоверия:

— Евгений Сергеевич, либо снимайте
с комбайна, либо не стойте за спиной.
Вот так!

— А зачем тебя снимать? Хорошо
машину чувствуешь, умеешь работать.
— Чего ж караулите? Я в караульщи-
ках не нуждаюсь, из заходки не убегу.
— Кто тебя знает,—усмехнулся Му-
сохранов.

На том разговор и кончился. Но чутье
бригадира не обмануло. Подошел как-то
снова к тому машинисту и по звуку
комбайна определил ненормальность
нарезки. Проходя верхом, шарошка яв-
но касалась породы, комбайн начинало
встряхивать. Мусохранов дал знак оста-
новиться.

— Бьет помаленьку, Евгений Серге-
евич. Может, смещается пласт?

Получилось вот что. Уменьшался на-
пор воды, она не полностью вымывала
нарубленный уголь, молодой машинист
продвигал комбайн по нему, естествен-
но, забурился в кровлю. Нюанс, профес-
сиональная тонкость.

Мусохранов не успокоился. Однажды
совсем отключили воду, он пришел к
тому машинисту и предложил порабо-
тать вместе.

— Как, без напора?

— Попробуем.

То, что продемонстрировал бригадир,
походило на фантастику. Без напора
вода поступает в забой самоте-
ком—лется небольшой струей. Мусох-
ранов через паузы состругивал ровно
столько угля, чтобы собравшаяся вода
превратилась в пульпу...

Взять того же гидромониторщика Ни-
колая Громова. Ведь немислимые по

профессиональным понятиям проделыв-
вал вещи. Пробивал струей воды вось-
миметровую толщу угля для отверстия-
сбойки, куда потом направлялась пуль-
па. Как всякое подлинное искусство, это
умение не поддается объяснению. Та-
кую способность в человеке старые
люди называют искрой божьей.

Возникла нужда в ребятах, именно
наделенных «искрой». Мусохранов про-
явил завидную прозорливость. Он не-
приметно для остальных занялся пере-
мещением людей из звена в звено,
из экипажа в экипаж, с нарезки на по-
гашение, с комбайна на монитор, и
наоборот.

Без лишних слов, с собственной мер-
кой к людям, бригадир постепенно сби-
вал рабочий коллектив. Руководство-
вался Мусохранов простейшей форму-
лой: каждый человек на своем месте.
Великое это дело—работа в охотку,
когда она, кроме усталости, приносит и
удовольствие.

Именно такой труд выявляет из массы
отдельных людей. Именно по такому
принципу некогда произошел естествен-
ный отбор горнорабочих в бригаде
Смирнова.

В сентябре семьдесят седьмого ком-
сомольцы бригады избрали нового
секретаря. На смену мониторингу
Мансуру Галиеву пришел помощник
машиниста комбайна Сергей Богояв-
ленский.

Изменились условия работы, ском-
плектовался бригадный состав, возник-
ли новые задачи, увеличилось число
комсомольцев. Мансуру пришлось сек-
ретарить в начальную для бригады по-
ру. Богоявленский пришел сюда позже,
на работу с комсомольцами у него был
другой взгляд, соответствующий сфор-
мированному коллективу. Мягкий в об-
щении, секретарь располагал к себе
каждого.

Добыча на погашении связана с постоян-
ными обрушениями. То и дело начина-
ет «капать»—горное давление дает о
себе знать осыпанием, отщелкиванием
кусочков угля.

— Жим-жим, Кузбасс!—указал Бого-
явленскому на осыпь машинист.—Аж
кровля плачет! Не боязно?

— Есть немного! Но пускай давит!
Машинист выразительно постучал се-
бя по каске и распорядился:

— Иди перекрывай! Сокращаемся на
две трубы!

Сергей сходил к задвижке, перекрыв
воду, вернулся. Есть на гидрошахте
одна из самых ответственных и трудо-
емких операций: монтаж и демонтаж
става—водоводных труб. Кроме пере-
таскивания тяжестей, трудность состав-
ляет так называемая опрессовка, когда
в смонтированный став под давлением
нагнетается вода.

Щекочущий нервы момент. Трубы на-
чинают устрашающе гудеть, на месте
стыковок образуются твердые вееры
фонтанов. Кувалдами плотнее забива-
ют стальные клинья, поправляют ман-
жеты быстроразъемных соединений.
Еще неприятней проходит демонтаж
става.

При перекрытой воде в трубах накап-
ливается воздух. Начал Богоявленский
расклинивать стык, ударил кувалдой
раз, другой—через расслабленное
скрепление засвистело. Сорвало хомут
соединения.

— От так,—довольно сказал маши-
нист.—Кузбасс ему. Смотрите, хорошо
давит.

— И все же хорошо, что давит. Чем
больше горное давление, тем выше про-
изводительность.

— В институте, что ли, проходили?

— И без института должно быть по-
нятно. Давление способствует лучшему
отслоению угля при выработке. У нас
есть свои преимущества. И не только
связанные с углублением пласта.

О других преимуществах Сергей рас-
пространяться не стал. Про них пока
вслух никто не говорил, но не понимать
происходящего было нельзя.

Выработка становилась стабильно
высокой, народ, хоть по-прежнему и

горячился, работал с умом. Прекратились аварии, уменьшилось число травм.

Безопасности хлопцев бригадир придавал особое значение. За лихачество преследовал беспощадно. Однажды увидел стоящего не за щитом гидромониторщика Лахтина. Пробивает, чертяка, сбойку и стоит открытый.

Напустился Мусохранов на него, а тот показывает: не мешай, мол. В это время забой наполнился свистящим звуком, под ногами иссякла пульпа. Пробил, значит, молодчина, сбойку. И пробил квалифицированно, сквозь толстую стену пласта.

— В доставщики пойдешь! Не хочешь нормально работать — уходи!

Мусохранов знал, чего добивался. На гидрошахте несовершенно еще освещение, очистка воды. Мелкие частицы угля снижают ударность струи монитора, отсюда возникает опасность «обратки». Может, строгость бригадира и убергла того же Алексея Лахтина, впоследствии получившего звание «Лучший по профессии»?

Десятый участок набирал темпы без прошлогодних передряг. Планово и неуклонно.

Не все здесь оставалось прежним. Обновилась руководство участка, выдвинулись на должности мастеров дипломированные рабочие. То, к чему вел людей Мусохранов, проявлялось день ото дня очевидней. Бригада готовилась дать второй миллион тонн угля. Сама, без «золотых жил». И она его дала.

За тот, второй миллион Евгению Сергеевичу Мусохранову присвоили звание Героя Социалистического Труда, тридцать три шахтера бригады получили ордена и медали.

Теперь и на второй горизонт начали спускаться различные гости, делегации. Гидродобыча интересовала приезжих специалистов не уникальностью, а экономичностью.

В январе 1978 года гидрошахта проводила конкурс на звание лучших комбайнеров и мониторщиков. Состязания в рабочем мастерстве проходили на «золотом жилье» двадцать девять пластов бригады Смирнова. Трудно было представить, чтобы верх одержал кто-нибудь, кроме смирновцев.

Тем не менее победила молодежь с десятого участка. Призами служили талоны на покупку автомашин. Поэтому Иван Паршиков и Алексей Лахтин, зайдя после конкурсной смены в нарядную, объявили:

— Есть без очереди «Москвичи», «Жигули»!

— Навались, братва!

Обладателей талонов окружили. Шахтеры — народ состоятельный, приобретает личные машины многие могут. Правда, Паршиков с Лахтиным только становились на ноги. Им пока было не до собственных авто, но чувствовали оба себя в тот замечательный день настоящими горняками.

Пусть одержанный над недавними учителями верх выглядел символически, пусть бригада Смирнова по-прежнему оставалась недосягаемой в выработке, в организационной четкости — пусть... Первое место, занятое мусохрановцами, имело для них гораздо большее значение, чем любое другое отличие...

Впрочем, все это, как говорится, из разряда эмоций. Существо дела на «Юбилейной» определял один безынтересный показатель. В 1977 году 90 процентов угля шахты давали три бригады — Геннадия Смирнова, Евгения Мусохранова и Рима Мингулова. Всего три из десяти бригад!

Две имели титулы миллионеров. Причем первая, смирновская, что называется, породила вторую — комсомольско-молодежную, мусохрановскую. Теперь же, когда возникло закономерное движение за приобщение к двум супербригадам третьей, мингуловской, сам собой определился и путь в «избранное общество».

Рим Хамидович Мингулов, тоже известный здесь бригадир, несмотря на тех-

нологическое отличие разработки пласта щитрым методом, которым пользовались на его участке, решил действовать выверенным практикой способом. На собрании шахтеров, где обсуждались возможности бригады дать за год миллион тонн угля, мингуловцы заговорили о «буксире», вытаскившем комсомольско-молодежную в миллионеры.

Тема старая, но теперь она зазвучала иначе. Никто не упоминал про «буксир» насмешливо или с упреком. Участие смирновцев в судьбе нового коллектива расценивалось как необходимая помощь. Без нее, рассуждали, невозможно преодолеть психологический барьер.

Действительно, бригада Мингулова не нуждалась в поводырях. Достаточно хорошо укомплектованная, известная в Кузбассе высокой выработкой, она отличалась и по технологии добычи угля. Тем не менее на собрании, куда пригласили и мусохрановцев, вопрос был поставлен категорично.

— На миллион нам идти — дело решенное, — сказал весьма авторитетный рабочий. — Только мое мнение такое. Десятому участку Смирнов помогать? Помогать. Вот пускай десятый участок и нам подбросит людей.

Зашла речь о заключении договора на коллективное наставничество. Тут уже схлестнулись принципиально.

— Молоко на губах не обсохло, а их в наставники?

— Обсохло не обсохло, а вкальвают будь здоров, чего зря языком теплеть.

— То-то и оно. Раскочегарят, за ними не угоняться.

— Тебя и надо раскочегаривать, вон брюхо распустил.

Стали на десятом участке отбирать «шефов» для бригады Мингулова. Четко говоря, переходить даже временно на комплекс особым желанием никто не горел. Традиционная для обычной шахты работа — двигать секции механизированной крепи — после гидрозабоя представлялась однообразной, лишенной свободы действия, проявления инициативы.

В числе посланцев оказался и мониторщик Алексей Колесный.

— Со шита пришел сюда, Леша, тебе и передавать на комплексе опыт, — объяснил парню Мусохранов. — Научишь понашему работать и вернешься.

Леша озадаченно почесал затылок.

— Неудобно яхось, Евгений Сергеевич. Ухожил от них доставщиком, а тут, бацьте, учить буду.

— Ладно, — усмехаясь, согласился Мусохранов. — Тебя-то и нельзя туда посылать, забыл совсем.

— А шо такое? — удивился Леша.

— Да врач все требует подослать Колесного в медпункт. Уколы вроде какие-то надо сделать.

— Не, Евгений Сергеевич! Я усех могу научить миллион давать! Когда на щит переходить?

Шахтеры смеялись. Смеялся и сам Леша Колесный, здоровенный добряк, по-детски боящийся уколов. Когда в бригаде узнали, что от них на XVIII съезд комсомола отправится делегат, мониторщика без конца разыгрывали.

— Леха, вот будет комсомольское собрание, предложу твою кандидатуру на съезд. Как смотришь?

— Ну и шо, речуху двинуть не смогу?

— Говорят, Леха, в Москве запузыривают вот по такому шприцу. От гриппа.

— Брехня, — ответил Колесный и, подумав, добавил: — Да и лететь аж куда. Четыре тыщи километров. Дома включил телек — и на съезде.

Кстати сказать, борьба за право ехать делегатом на съезд комсомола шла среди бригадных ребят в условиях упорной конкуренции. Несомненными кандидатами считались трое: Сергей Богоявленский, Николай Андреев и Владимир Тишин.

Выбрали в конце концов Тишина. Чашу весов, говорят, склонила Володина безотказность в общественной работе. Но тут и другое. Тишин был одним из

инициаторов создания на десятом участке комсомольского забоя.

Не все понимали целесообразность такого «отпочкования». Существование на шахте комсомольско-молодежного коллектива, казалось, не требовало дополнительного деления. «Что ж это получается, — недоумевали, — масло в масле?»

А ребята добивались своего. Им хотелось работать по-настоящему самостоятельно, без пригляда заботливых «дядек». Чувство, наверное, не требующее объяснений.

Просто подтверждалась высказанная когда-то бывшим комсоргом десятого участка мысль. В пору неудач бригады Мансур Галиев сравнил ее с кварталом дедушки Крылова. Комсорг считал, что прежде всего каждый должен научиться хорошо играть, то есть проявлять в работе лучшие личностные качества.

И вот профессиональное мастерство шахтеров достигло уровня «солистов». Оно требовало самовыражения, нуждалось в признании. Стремление к добродушному честолюбию и понятное. Его всегда улавливал бригадир. Мусохранов пошел по начальству, «пробил» разрешение выделить молодежи комбайн. И теперь «сто пятнадцатый» для Евгения Сергеевича — гордость, волнение, надежда... Все.

Бригадирова смена всегда первая. Вечно заполненная подготовительными работами, суматошная, она почти не дает возможности спокойно понаблюдать за действиями экипажей других смен. Поэтому Мусохранов, вернувшись с шахты в город, обычно звонил из дома на участок.

Выяснив у сменного инженера обстановку под землей, не забывал спросить о сто пятнадцатом комбайне.

В какой-то выходной бригадир до вечера занимался семейными делами. У Мусохранова их хватает. Нуждалась в отцовском внимании окончившая школу Наташа; случалось, чрезмерно увлеклась хоккейными тренировками шестиклассник Олег; просилась на руки годовалая Мариша. Это не считая подготовки контрольных заданий для заочного горного техникума.

Жена Евгения Сергеевича — страховый агент. Клиентура большая. В тот вечер для ускорения работы Мусохранов возил супругу на «Москвиче» по адресам. Позволил из уличного автомата на десятый участок. Сев в машину, сказал:

— Домой, Нина?

— Заедем еще тут рядом по Луначарского.

— Не могу. Мне нужно на шахту.

— Что-нибудь случилось?

— Да нет, ничего остробного. Сто пятнадцатый стал. Забурились там хлопцы маленько.

— Господи, из-за этого на ночь глядя мчаться на шахту! Женя, ты просто избаловал своих хлопцев. В конце концов они все взрослые люди.

— Ну как не поймешь!.. Послушай, Нина, давай так: у тебя страховые полисы, стихийные бедствия, у меня... Ладно, не будем.

До дома ехали молча. Затормозив у подъезда, Мусохранов выжидающе постукивал пальцами по рулю. Жена продолжала сидеть рядом.

— Иногда мне кажется, Женя, что бригада ближе тебе, чем семья. На уме всегда дело, только дело.

— Это дело, ради которого мы живем. Я, ты, твои страхователи, все. Потому что от него зависит будущее наших детей, вообще будущая жизнь.

— На шахте есть кому заниматься всякими несправностями. Бригадир не дежурный слесарь.

Мусохранов промолчал. Против такого довода не возражал. Медленно подбирая слова, сказал:

— Есть не только дежурные слесари. Есть дежурные начальники участков, дежурные директора шахт... Не хочу быть дежурным. Все, что я делаю, среди чего живу, касается меня всегда. Иначе не умею. А сто пятнадцатый комбайн у

нас нарезает в особом забое. Там сейчас формируется народ, который, уверен, будет завтра двигать вперед гидродобычу. И я должен передавать им, что знаю. Понимаешь, Нина?

Конечно, она понимала. Вздохнула, попросила не задерживаться. Выйдя из машины, постояла, пока красные огоньки не скрылись за поворотом.

Из телефонного разговора со сменным инженером Мусохранов представлял, с какими трудностями столкнулись ребята в забое. Встретилось нарушение пласта, комбайн на неровности стало прижимать к борту. Долго так не проедешь.

Чтобы найти выход из положения, требовалось посмотреть обстановку. Пока бригадир мчался от города до гидрошахты, в его голове один вариант проводки комбайна сменялся другим. Приехав на «Юбилейную», Мусохранов быстро переделелся, прихватил в ламповой самоспасатель, поясной аккумулятор, фонарь.

Не дожидаясь кондуктора электровоза, пошел длинным спуском в шахту. Тишину лишь нарушали хлопанье воды да шум ветра — с такой мощностью нагнетался под землю свежий воздух.

В бледном люминесцентном свете вентиляционного штрека из души. Но малолюдь в гидрошахте лучший признак того, что работа идет нормально, что нет нужды в ремонтниках, аварийщиках. Если бы вот только комсомольский забой...

Возражая против предоставления «автономии» молодежи, кое-кто как раз и опасался ее незрелости. Потому Мусохранов примчался выручать своих хлопцев. Он верил в них, но эта вера не снимала ответственности за людей, за план.

Лабиринтом штреков бригадир спешил к нужному забою. Где-то погромыхивало, из зияющего чернотой ответвления подземного тоннеля доносился приглушенный гул действующего монитора. Под ногами хлопотал поток пульпы.

Когда Мусохранов убедился, что уголь несло водой из комсомольского забоя, то мысленно похвалил ребят за настырность в работе. Молодцы! Со скрипом, а продвигаются вперед.

Подойдя ближе, Мусохранов с удивлением обнаружил, что сильно наклоненный вправо комбайн классически выдерживает необходимое расстояние до стенки штрека. Недоверчиво посветил под гусеницу. Так и есть!

Ай да «охламоны»! Ай да молодцы! Научились, значит...

Этот рабочий прием Мусохранов демонстрировал ребятам. При скошенной почве на нижнем ее крае оставался уступ, служивший боковой нижней опорой комбайна. Прием, требующий профессионального мастерства. И вот хлопцы сами применили его.

Молодой машинист с пультом дистанционного управления на груди стоял в бурлящей пульпе, опершись спиной на толстый вентиляционный рукав. Посветил на бригадира, наверное, не сразу узнал. Подозвал напарника, передал ему «баян».

— Что, вызвали с выходного, Евгений Сергеевич? — прокричал сквозь грохот. — Выручать нас?..

Мусохранов отрицательно качнул головой. Указал на уступ под правой гусеницей комбайна, на самого машиниста, на подменившего его помощника и выставил большой палец. Парень сделал широкоохватывающий жест и показал большие пальцы обеих рук.

Звездный час бригадира. Мусохранов почти по колено стоял в стремительной, сдавливающей резинные сапоги пульпе. Шел уголь. Нестерпимо вдруг захотелось тут же взять у парней пульт дистанционного управления комбайном и продвигаться, продвигаться все дальше вперед...

Уж такая она есть, эта гидрошахта.

Навстречу VII Всесоюзному совещанию молодых писателей

Олегу Беликову не нужно выдумывать стихи. Поэзия и его жизнь взаимосвязаны, крепко согласованы, можно сказать, что они рифмуются друг с другом. Электрослесарь на донецкой шахте, комсомолец, студент-авиатор, комиссар студенческих строительных отрядов на целине— вот факты его биографии, начало его стихов.

Впервые Олег Беликов напечатался в 1975 году в нашем журнале, в рубрике «Новое имя». Владимир Цыбин, представляя молодого поэта, писал о нем: «...Итак, жизнь— работа— творчество— вот основные тематические координаты его лирики, что и определяет его мироощущение и состав его стиха. Стих его всегда конкретен, достоверен, не отвлекается на образные излишества. Это стихи очевидца, стихи— свидетельство об увиденном и пережитом».

Прошли годы. Жизнь и поэзия Олега набирали высоту. На Всесоюзном литературном конкурсе 1978 года, проходившем под девизом «Молодая гвардия Страны Советов», за рукопись стихов Олег Беликов был удостоен премии имени Николая Островского.

В этом году в издательстве «Современник», в серии «Новинки», выходит первая книга молодого поэта — «Солнечные встречи».

Сегодня в преддверии VII Всесоюзного совещания молодых писателей мы предлагаем вниманию наших читателей новые стихи Олега Беликова, поэта, который дебютировал на страницах журнала «Смена».

Олег БЕЛИКОВ

Теплота

Дождь пошел, похолодало—
Осень в август забрела,
Сразу серо, сыро стало...
Людам хочется тепла.

Потянулись к югу птицы
Клином в два больших крыла.
Пестрой, шумной вереницей—
Птицам хочется тепла.

Ищет лето птичья стая,
Бросив гнезда над прудом.
Птичья логика простая:
Где теплее, там и дом.

Ну, а я в родную землю
Врос корнями, как ветла,
Не пойму и не приемлю
Жизни в поисках тепла.

Не ищу я жарче печку
Или климат подобрей.
От берез, глядящих в речку,
И от речки мне теплей.

Согревает светом солнца
Память давнего жилья:
Белый домик в три оконца,
Сад, подсолнухов семья...

Согревает верность близких,
Нежность женщины одной
И портрет на обелиске—
В каждой черточке— родной.

Согревает все в Отчизне...
Свет зари, снега, жнивье...
Ни тепла, ни даже жизни
Не представить без нее.

Вновь стою на площади костровой,
Где мальчишкой
много лет назад

Я— худой и стриженоголовой—
Выходил по горну
на парад.

Так же ало вспыхивали стяги.
Небывалый чувствуя подъем,
Так же дружно

пионерский лагерь
Пел о детстве солнечном своем.
Вспоминаю детство

как истоки:
Отремела только что война,
На следы шагов ее жестоких
Насмотрелись мы тогда сполна.
Не успели сгладиться воронки,
Затянуться раны у бойцов,
Дети,

не поверив в похоронки,

Звучит грозы глухая канонада,
И хлестко струи ливневые бьют,
И люди льнут

к деревьям и оврадам—

Надеются на призрачный приют.

И молнии сверкают синевой,

Как орудийный залп, спят глаза,

Их трассы между небом и землею

Прочерчивает летняя гроза.

Идет гроза

размашисто,

протяжно,

След былого

На фотографии— вокзал.

И мы вдвоём, и нам— по двадцать...

Тебе я, помнится,

сказал:

«Давай не будем расставаться».
Я впрямь уверовал тогда,
Что не разнять сердца

и руки...

Вновь уходили поезда
И приходили вновь разлуки.
Незыблемого

в мире нет,

Все может круто измениться...

Былого след— как звездный свет:

Звезды уж нет, а свет струится.

Продолжали ждать с войны отцов.

Родина вставала из развалин.

Шла вперед, стирая гарь боев...

И мужал для подвига Гагарин,

Сутками работал Королев.

Но важней важнейших дел на свете,

Как во все года и времена,

Оставались, безусловно,

дети—

Сбереженной поросли волна.

Мы— Алеши, Даши, Юры, Светы—

Каждый ясноглазый сверстник мой—

Были все вниманием согреты

И заботой Родины самой

Гроза

Озоном дышат люди и поля,

Смывает пыль и утоляет жажду

Неутомимый труженик— Земля.

Гремит гроза— природным потрясеньем,

А я в ней слышу музыки азы...

Дай, жизнь, мне гроз— и летних

и весенних!

Военной только б не было грозы.

Трасса Макат— Актау

Солнце нещадно палит.

Грунт, как наждачный камень.

Рвемся в земной монолит

Взрывами и кирками.

Надо— за шагом шаг—

Рельсов тугие плети

Класть через весь Мангышлак,

Сквозь обжигающий ветер.

Пусть будут стройки важней,

Все же мы вправе гордиться

Этой, сегодняшней— в ней

Молодости крупнца.

...В лагерь забрел верблюдо.

Замер горой у входа,

Видя, как люди пьют,

После работы воду.

Октябрь

Палитра осени бледнеет.

И выцветает небосвод.

И все пронзительнее веет

Дыханьем северных широт.

Все реже солнечные блики

Резвятся утром на стене.

И лес, как труженик великий,

Устало замер в полусне.

Месяц пик

Август— это на Кубани

Месяц пик! Воображай:

Жарко в поле, словно в бане.—

Убирают урожай.

Гость, знаток парилок русских,—

Он приехал помогать—

Шутит, потный,

на погрузке:

«Тут не веничком махать!»

Гул стоит во всей округе

Мощной музыкой страды.

Перегрелись от натуги.

Трактор требует воды.

Ясно всем, куда он клонит:

Отдышаться, мол, пора...

Тракторист— не из ладоней—

Поит трактор из ведра.

Сам он жадно пьет из крынки—

Со светилом сладу нет:

Кепки, волосы, косынки

Красит солнце в белый цвет.

Красит руки, красит лица

И под бронзу, и под медь,

И под золото— пшеницу

Любо-дорого смотреть.

Но на солнце не пеняют

Хлеборобы в знойной мгле—

Приросли, не изменяют,

Словно суженой,— земле.

Олеся

Олеся, Олеся—

Принцесса Полесья

С профессией неромантичной:

С утра и до ночи

Олеся хлопочет—

Готовит рабочим отлично.

Усталость в движеньях,

Но без напряженья

Входящим она улыбается...

Во сне продолженья

Дневного круженья,

Во сне— в бригадира влюбляется.

Ну чем не принцесса:

Дворец под навесом

И свитой— котлы серебристые...

С улыбкой Олеся

Встают над Полесьем

Рассветные зори

лучистые.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Вячеслав СЕМЕНОВ,
электротехник,
Москва

Колыбельная

Вновь я слышу в час ночной
тихий голос за стеной.
Что-то грустное он мне навеивает.
За стеною, не спеша,
мать качает малыша,
колыбельную ему напевает.
За окном зима, мороз...
Это — время детских грез
и простых чудес, как та песня,
под которую опять
долго буду засыпать
с тем соседским малышом вместе.
Все объято светлым сном,
тает синее окно.
Месяц рогом зацепился за раму.
За окном зима, мороз...
Сам-то я без мамы рос,
не хватало мне всегда мамы.

На сухие листья снег ложится,
сберегая теплоту земли.
Снег ложится, чтобы утвердиться
первооткрывателем зимы.
Первый снег! Он может и погибнуть,
почернеть, растаять без следа.
Но за ним придут снега другие —
сильные, высокие снега.

Любовь НИКОНОВА,
журналист,
Новокузнецк

Под знаком любимой звезды
я расту. Я беру свои соки
из речной и озерной воды,
из болот торфяных, из осоки.
Я расту из земли, как трава.
В подорожнике я, в молочае.
Я — шумящая летом листва,
я — зима, я — весна, я — молчанье.
Я с деревьями к небу тянусь,
я ветвями сквозь Марс прорастаю,
на Юпитере льдом становлюсь,
на Венере теплою и таю.
И при этом мне больше дано,
чем воде, небесам или веткам.
И природа твердит мне давно,
как ответственно быть человеком.

В дупле ветлы свернувшись, я глядела
спокойно, безмятежно в небеса.
И синева струилась без предела
в распахнутые для нее глаза.

Ветла стояла на большой равнине,
открытой всем ветрам — со всех сторон.
Над нею только коршуны парили —
прекрасный, но угрюмый легион.

Вдали река равнинная блестела,
меж берегов свой долгий путь вела.

Евгений КОХАН,
токарь,
Хабаровск

Тепло

Ползет туман по перекатам
И прячется на сопке в щель —
Такой густой и горьковатый,
Как из черемухи кисель.

А за рекой, у сонных елок,
Лучом пронзило солнце мглу,
И, словно к матери ребенок,
Вся зелень тянется к теплу.

Детство

Стреляли в нас.
Нас жгли, бомбили.
Казалось, детства не спасти...
Ну что ж вы, лебеди, забыли
Тогда нам счастье принести?

А мы вас ждали, долго ждали,
Не зная за собой вины.
Нам снились солнечные дали
Без боли, пепла — без войны.

И не могли мы наглядеться
На сень лесов, на ширь полей...
Война, война, отдай нам детство,
Верни нам белых лебедей!

Возвращение космонавтов

Чернозем, перегной, солончак.
Мы вернулись на родину, в юность.
Вновь пылает старинный очаг.
Снова в сборе семья. Мы вернулись!

Набирается красок весна.
Пробуждаются ветки и почки.
Скоро зелень пойдет, как волна,
и покроет канавы и кочки.

Будет дождь! Будет запах цветов!
Будет жизнь с муравьями и мхами!
Будет бульканье бойких ручьев!
Снова наша Земля перед нами.

Есть к чему возвращаться, друзья,
есть о чем вспоминать нам в разлуке,
потому что у нас есть Земля,
ее запахи, краски и звуки.

И широко и мощно шелестела
огромная ветвистая ветла.

Баюкая меня в глубоком чреве,
она шептала мне: «Ребенок мой!
У женщин всех, мужчин, деревьев
есть бурный возраст молодой.

Лежи во мне. Любуйся этим небом.
Передохни и подкрепишься в жару.
И всем скажи, кто здесь ни разу не был,
что есть на свете я, что я живу...»

Иван КРЮЧКОВ,
электрик,
Рыбинск

Кочегары

Клубы дыма коптят поднебесье.
Черной тучей туманится взгляд.
Это было. Меняют профессию
кочегары. Я искренне рад.

С кочегарами угольной пылью
я дышал, мазан сажей не раз.
Вдруг мечта их становится былью —
вместо угля сжигается газ.

В помещеньи уютно и чисто.
И цветов, как на выставке, ряд.
Я б включил здесь и музыку Листа —
отвлекает, нельзя, говорят.

Занялся уже лес позолотой.
Колос шепчет мне:
«Не просрочь».
Чутко слышу.

Эту заботу
не гоню я от сердца прочь.
Каждый год,
получая отпуск,
уезжаю в родной колхоз.
И, поскольку крестьянский отпрыск,
мчусь по травмам
в сверкании рос.

Свежим духом пшеничных зерен
на колхозном току лечусь.
Я курортом своим доволен.
Будь же хлебом богата, Русь!

Юрий МЕЗЕНКО,
студент,
Киев

Колесо

Плес ленивой речушки, Полесье.
Лес, проселок, поселок, лесок...
Костылем закрепляю железным
на засохшем стволе колесо.

Говорил мне отец, улыбаясь
сквозь летучий табачный дымок:
«Если рядом поселится аист,
ты запомни: то к счастью, сынок...»

Но по свету меня замотало,
закружило, вело напролом.
И от бед не всегда укрывало
черно-белым парящим крылом.

Я вернулся и в старом сарае
колесо от телеги нашел...
Понудобней приладить стараюсь,
чтоб сиделось на нем хорошо.

Чтобы аист с травинкою в клюве
аистенку рассказывать мог:
«Если рядом поселятся люди —
это к счастью, запомни, сынок...»

Анатолий АНСИМОВ,
гидротехник,
Ростов-на-Дону

Говорят: «Голубиная кротость...»
Говорят: «Лебединая верность...»
Поднимавшим в атаку роты
незнакомо качество первое.
Но за это их не судили
даже собственных душ трибуналы.
Из санбатов они уходили
без согласия медперсонала.
И опять поднимали роты.
И не каждый дошел до Берлина,
ничего не узнав про кротость,
что зовется людьми голубиной.
Превратились в ромашки и вербы,
стали светлой майскою синью
те солдаты, знавшие верность —
лебединою верность России.

Было былью, стало небылью.
Сорок-горькие года...
В небе — клином гуси-лебеди,
под окошком — лебеда.
Ах, как страшно пацану-то!
Спотыкаясь на ходу —
с самолетом птицу спутал! —
я ныряю в лебеду.
Жду... А бомбы все не падают.
Я сгораю от стыда.
Провожает меня взглядом
пыльных листьев лебеда.
Были былью, стали небылью
Сорок-горькие года...
Клин гусиный в ясном небе.
Не воротится беда.

Сквозняк

Друзья — по дороге прямой!..
А я закрутился как белка.
И в школу вернулся: ремонт
от СУ-49. Побелка.

Стена под рукой холодна,
и мел пахнет сыро и вкусно.
Чтоб ровно ложился — искусство.
Какая большая стена!

Мне можно в прыжке потолок
мазнуть пятерней веселой.
Мне можно! Грохочет звонок
в заснувшей до осени школе...

Но грустно в углу тишина
сидит за поломанной партой.
Лишь кисть густо чавкнет. Запарка.
Какая большая стена!

Во дворик окно распахну,
где пчелы гудят полусонно
на клумбах, уставших от солнца,
и теплого ветра глотну.

И мастер окликнет меня:
— Не время мечтать о загаре!
Зачем ты устроил сквозняк?..
— Чтоб стены быстрее просыхали.

Ирина НАБИЕВА,
учительница школы
рабочей молодежи,
Москва

Прийти на предрассветный зов,
Послушать птиц речитативы,
Списать мелодию без слов
Не выплававшей слезы ивы...

В гостях у вечности побыть,
Озерной синевы напиться,
О неразгаданном спросить
И сокровенным поделиться...

Переосмыслить, оценить
Природы каждое движенье
И заново ее открыть
В любом порыве и мгновенье...

Наполниться ее красой
И чистой ее дыханья,
И внять раскованной душой
Урокам мудрого сказанья...

Живая тайна бытия
Манит своими чудесами
И ждет, когда сумею я
Сказать о ней ее словами...

Памяти Шукшина

Уходят лучшие, как будто мир им тесен,
Как будто он не в силах их понять,
Уходят лучшие, не спев последних песен,
Осиротив родную землю-мать...

Мы перечитываем созданное ими,
И жжет глаза горячая строка...
Уходят лучшие, свое оставив имя,
Утраты боль и память на века.

И до сих пор в их недописанную повесть
Пытаемся мы проторить пути...
Уходят лучшие, и мучает нас совесть,
Как будто бы могли мы их спасти.

Сдаем экзамены на зрелость.
А что мы знаем, кроме школьных истин?
А жизнь сурова к тем, кто легкомыслен,
И не прощает неумелость.

Сдаем экзамены на зрелость,
А не мешало бы на смелость,
На доброту, порядочность и честность,
На цельность, неподдельность, полновесность...

Ведь жизнь потребует ответа
Без подготовки—по ее билетам.
И выставит отметки не словам—
Тобою сделанным делам.

«Дивлюсь я на небо,
Та й думку гадаю,
Чому я не сокіл?
Чому не літаю?...»

Ее душа, парящая, как сокол,
И пламенная, как степное солнце,
И нежная, как трепетные думы
Сказительницы-странницы бандуры...

Я помню, дед певал мне песню эту
И говорил, что лучше песни нету.
Он пел ее светло и упоенно,
Не голосом, а сердцем вдохновенным.

Распахнутость лирической стихии
Ее сроднила с песнями России,
Порыва необузданная сила
Ее с душою русскою сроднила...

Что в этой песне так его пленило,
Задело за живое, захватило?

Уж деда моего на свете нету,
Но помню и люблю я песню эту...

Моя профессия

Иные должности мне прочили,
Манили поприщем иным,
Но выбором горжусь моим:
Ученики мои—рабочие!

Они, притихшие, усталые,
Спешат на школьные звонки,
И знаю я, как нелегки
Часы учебы запоздалые...

Они заботы и сомненья
С открытым сердцем мне несут

И от меня с надеждой ждут
Совета, помощи, решения...

Не просто вечерами долгими
Стоять в раздумье у доски...
Спешу на школьные звонки
С словами теплыми и добрыми...

Иные должности мне прочили,
Но для меня—моя важней,
Горжусь профессией своей:
Ученики мои—рабочие!

Береза умирала стоя
И свято, мир не беспокоя...
Ушла в себя и затаилась
И в думы тихо погрузилась...
И вот перед лицом заката
Береза вспомнила солдата...

Он защищал ее, березу,
От вражых пуль, от вражых глаз,
Он обнимал ее, березу,
В последний свой, предсмертный час.

Она его похоронила
Сурово, на военный лад,

От бурь собою заслонила,
Чтобы спокойно спал солдат...

И мысли, полные печали,
И несгорающая боль
С тех пор березу повенчали
С солдатской праведной судьбой...
Береза видела солдата
И умирала так же свято.

Дождь позвала—дождем умылась
И с тем, что дорого, простилась...
И горькой правдой увяданья
Коснулась тайны мирозданья.

Навстречу VII Всесоюзному совещанию молодых писателей

Сергею Алексееву двадцать шесть лет. В 1974 году он окончил Томский геологоразведочный техникум и ушел с поисковой партией на Ангару. Затем в составе Полярной экспедиции работал на Таймыре. Другой судьбы для себя и не мыслил. Север, познание суровой и прекрасной его жизни—это пробудило в Сергее желание творчески осмыслить виденное, выразить в словах «нерв» своего пусть еще небольшого, но опыта. И когда Алексеева пригласили работать в газету, не было для него большей радости.

Теперь в качестве корреспондента отдела нефтяной и газовой промышленности областной газеты «Красное знамя» Сергей Алексеев часто встречается с молодыми рабочими томского Приобья, поисковиками и добытчиками черного золота, взволнованно пишет о них. Ему есть о чем рассказать.

Марк Твен считал, что всякой искусственности в описании жизни, всякой надуманности в изображении событий противостоит личный опыт—«... это ваш желудок. Он пустит корни, и дерево, хотя бы оно росло и цвело до самого неба, будет настоящим, невидуемым».

Мне кажется, у Сергея Алексеева есть свой «желудок» опыта, а трудному, но благодарному писательскому труду он учится самоабвенно и, главное, хочет учиться. Сергею, верю, предстоит еще прекрасный путь.

НОВОЕ
ИМЯ

Сергей
АЛЕКСЕЕВ,
Томск.

Сергей ЗАПЛАВНЫЙ

КЛЕШ

РАССКАЗ

I

Вадьку Старухина определили помбуром второго разряда к усатому бурильщику Ганькину.

— Помом, да еще второго разряда...—досадливо протянул Вадька.
— А ты с техникумом прямо в мастера метил, парень, а?—насмешливо спросили его в кадрах.

На том разговор был окончен. И вместо «млечного пути» служебного восхождения пришлось Вадьке выбирать путь посуше, который только можно выбрать через болото, чтобы пройти в венгерских башмаках на платформе к палаткам буровиков. Как ни старался Вадька, все же начерпал в ботинки густой коричневой грязи и по колено испачкал новенькие джинсы.

В палатке усатый Ганькин спал на раскладушке, затянутой пологом, храпел, словно в носу у него стоял клапан: вдох—звучно и раскатисто, выдох—со свистом и шипением. Вадька по-хозяйски отдернул край полога и сказал, нажимая на первую букву:

— Здорово!
Ганькин перестал храпеть, сонно вздохнул, раскрыл один глаз и сел.
— А второй?—спросил Вадька.
Ганькин пошарил рукой на раскладушке, отыскал черную повязку и приладил ее на голову, спрятав закрытый глаз.
— Откуда ты взялся такой?—без любопытства спросил Ганькин и стал обувать сапоги.

— Прислали. Помбур второго разряда Вадим Старухин,—представился он.
— За романтикой, небось?—ехидно спросил Ганькин.
— За ней самой,—с вызовом, дав «петуха», ответил Вадька.

Ганькин хмыкнул, цепким единственным глазом пробежал по пижонистому наряду парня и спросил:
— Времени сколько?
Вадька глянул на часы и с прежним гонором сказал:
— Шесть без четверти, старик.
Уселся на чурку около стола и снял башмаки.
— Тоска тут у вас. Платформа не выдерживает.
— На смену готовься. В ночь пойдем,—буркнул Ганькин.
— Мне смокинг в порядок привести надо...
— Хорош балабонить!—прервал его Ганькин.—Если работать приехал—перодевайся!

...На буровой двое мужиков колотили кувалдами подвешенную на тросе трубу—выбивали керн. Один из них, увидев Ганькина с Вадькой, бросил кувалду и облегченно сказал:

— Вот и смена пришла.
Ганькин деловито обошел станок, потрогал рычаги, ручки, сосчитал стоявшие в кучке трубы, спросил коротко:
— Сколько?

— Сорок,— ответил тот же мужик.— Рыхлатина кончилась, коренные идут. А кого это ты привел?— спросил он, разглядывая Вадьку.
— Вадим Стариков. Помбур второго разряда,— серьезно объяснил Ганькин.
— Старухин,— с достоинством поправил Вадька.
— А чего он, как на бал, явился?— полюбопытствовал мужик.
— А для меня работа — праздник,— лихо отпарировал Вадька.
Мужики довольно рассмеялись.
Работа не заставила себя ждать, и тут Вадькина романтическая приподнятость схлынула.

Ганькин стоял за рычагами, то и дело визжал трос, тарахтел дизель, станок дрожал, а Вадька здоровым ключом закручивал трубы, и, как только очередная труба скрывалась в скважине, его обдавало тугой струей раствора. Вадька отпрыгивал, пытался грязными руками почистить одежду, но Ганькин взмахом головы показывал, чтобы он крутил трубу, и Вадька крутил, испуганно поглядывая в единственный глаз напарника. И за все время ни разу не остановились, не перекурили. Вадька суетился, не зная, что делать, какой взять ключ, в какую сторону крутить. Ключ был скользким от раствора, и доски под ногами — тоже, а пучок труб убывал медленно, и элеватор бегал вверх-вниз, норовя стукнуть по голове. Невозмутимый Ганькин словно не замечал этого и время от времени, когда Вадька заходил в тупик, коротко, одним словом, объяснял, что делать.

Когда окончили спуск и Ганькин включил вращение снаряда, Вадька сел на пустые керновые ящики и с ужасом оглядел себя, уже не пытаясь очиститься.
— Ничего,— подбодрил его Ганькин,— это поначалу сурово,— оботрешься. Сам-то откуда?

— Из Риги я,— устало ответил Вадька.
И только сказал, как вспомнил Ригу, себя там и что это было совсем недавно, вспомнил свою компанию, все: пляжи, кафе, Людмилу, Венькин «Жигуленок»...

II

...Вадька жил в двухэтажном старом доме между высокими новыми. Окно его комнаты единственное выходило во двор и зияло, как снарядная пробоина, в красной, выщербленной от времени стене. Квартира осталась от матери, Вадька жил несколько лет один, приходил сюда только ночевать и редко когда приглашал к себе. Обычно после работы обитал у Веньки, где часто собиралась веселая компания. Летом всегда выезжали на пляж или в лес, вечером шли в кафе или опять же к Веньке. Примерно раз в год компания распалась, кто-то уезжал, кто-то выходил замуж или женился и откальвался. Но проходил месяц-другой, созванивались, собирались старые, появлялись и новые — веселые, беззаботные, и начиналось все сначала: Венькина квартира, пляж, лес, кафе, опять Венькина квартира.

Венька часто отдавал машину Вадьке, когда был занят у себя в институте, и Вадька колесил по улицам, катал знакомых и незнакомых девчонок, в небрежно-ленивом тоне врал про дядю-министра и что работает в секретной организации или вообще придумывал невероятные истории.

Часто верили. Она тоже поверила.
Людмила тогда безуспешно ловила такси, было около двенадцати ночи, улицы опустели, и Вадька, заметив ее, остановился. Она долго не хотела садиться, но Вадька убеждал ненавязчиво, даже безразлично, и они поехали.

— Куда? — спросил Вадька.
— Знаете,— говорила Людмила,— я только сегодня приехала и не могу устроиться в гостиницу.

— Что ж, начнем круиз по отелям.
Круиз затянулся. Вадька за это время успел наврать кучу историй, но когда в последней гостинице сказали, что мест нет, зашел в тупик.

— Вы извините,— сказала Людмила,— что я затруднила вас, я вам заплачу.— И стала доставать деньги.
— Не надо,— отказался Вадька.— И куда же вы теперь?

— До утра недалеко, погуляю и уйду на вокзал.
Вадька отчаянно соображал и колебался. Мысль отвезти к себе домой была, но после вранья... А потом машину нужно отогнать к Веньке в гараж.

— Ладно. Я отвезу вас в один дом, там живет мой друг, его сейчас нет, а ключи у меня.
— Что вы! Нет-нет! Я не поеду. Я лучше на улице погуляю.— Людмила хотела выйти из машины, но Вадька осторожно взял ее руку.

— Я же вам помочь хочу,— сказал он,— а вы думаете бог знает что.
Вадька загнал машину в глубь двора, в темноте поднялись на второй этаж. Он держал ее за локоть, шепотом говорил, где нужно пригнуть голову, чтобы не удариться о косяк, и, когда он, пропуская ее вперед, входил в двери, услышал нарочито громкий голос соседки: «Опять девицу приволок!» Вадька испугался, что услышит Людмила, и побыстрее протолкнул ее внутрь.

Она осмотрела комнату, задержала взгляд на отцовском портрете в военной форме, села на край дивана.
— Ну вот,— заключил Вадька.— А так бы вас на улице могли и хулиганы остановить и грабители.

— Я не боюсь ни хулиганов, ни грабителей.
— Ого! — изумился Вадька.
— Дело в том, что мне нельзя бояться их по должности.— Людмила смутилась.— Я — следователь...

Ключ у Вадьки выпал из руки, и чертик, делающий нос, на брелке устался на него злорадными глазами. Вадька нагнулся, кровь толчками ударила в голову, и лицо от этого будто распухло.

— Вы один живете? — спросила Людмила.— У вас чудесная комната!
— Один,— буркнул Вадька.— А вы надолго к нам?
— В отпуск. Всего на месяц. Первый раз отправилась путешествовать, и видите, как не везет... Впрочем, почему не везет? Везет! Вот вас встретила. Знаете, а у нас дома раньше тоже стояла такая же старая мебель...

Людмила говорила так, словно с самой первой минуты знакомства знала, что живет Вадька в комнате с дряхлым комодом, один, с злыми соседями, словно он не расписывал ей родственников — министров и знакомых-дипломатов, и что машина у него уже третья по счету.

— Ну, я пойду? — спросил Вадька, глядя в сторону.— Машину отогнать надо... А вы устраиваетесь, вот диван, одеяло и простыни в шкафу...
— А вы где ночуете? — участливо поинтересовалась она.

— Там... — замялся Вадька.— У друга... Чья машина...
Людмила неловко встала с дивана, извинилась и сказала:
— Хулиганов я не боюсь. А одна в чужой квартире — да. Так что не оставляйте меня одну. Коли взялись быть благородным, то уж оставайтесь им до конца. Верьте, вам это идет.

...Когда совсем рассвело, Людмила тихо оделась и хотела уйти.
— Если хотите,— предложил Вадька,— можете жить здесь. В гостиницу все равно не устроитесь: лето, отдыхающих и туристов полно.

— Я вам благодарна за приют на эту ночь,— улыбаясь, сказала Людмила.— Вы добрый человек. Но я лучше буду жить в гостинице.

— Вы, наверное, соседей моих испугались,— засмутился Вадька.— Не обращайтесь внимания. Они всегда такие злые, сколько я помню. Из-за этой квартиры все. Нас с мамкой подсадили сюда, я еще маленький был... Вам в гостинице скучно будет. А я бы вас со своей компанией познакомил. Ребята — во!

— Спасибо, Вадим. Я с удовольствием хотела бы познакомиться, если они все такие, как вы. А жить все же я пойду в гостиницу.

Выезжая со двора, он остановился на углу у телефонной будки, пошел звонить Веньке. Людмила осталась в машине.
— Как улов? — спросил Венька.
— Замолчи, старик,— сказал Вадька.
— В ГАИ попал?

— Нет.
— Гони машину. Мне на работу надо.
— Слышь, тут такое дело,— начал Вадька, но Венька прервал: — Через пятнадцать минут жду.

Вадька повесил трубку, хлопнул дверью будки и заметил, как вздрогнула Людмила.
— Вы не беспокойтесь,— сказала она, когда он сел в машину — я могу и на такси...

— Обойдется,— буркнул Вадька и дал газ.
Людмила устроилась в гостиницу. Вадька проводил Людмилу в комнату и вдруг почувствовал, что не хочет уходить от нее, и если уйдет, то она затеряется, исчезнет.

— Я позвоню вам,— сказал он.
— Хорошо, только вечером, я скоро уйду.

III

Ночью Вадька замерз, особенно когда, сделав очередной подъем-спуск бурового снаряда, присел отдохнуть. Промокшая от пота и раствора одежда не грела, и он дрожал так откровенно, что это заметил Ганькин и заставил развести костер. Ладить костры Вадька научился в лесных прогулках и сейчас быстро справился с этим делом. Когда огонь разгорелся, он так жался к нему, что тут же запахло паленым: штанина замызганных джинсов прогорела в трех местах. Ганькин лишь головой покачал.

Шести утра Вадька еле дождался. Готовя смену к сдаче, откашлялся и, показывая на завязанный глаз Ганькина, спросил:
— А это... как?

— Тросом выстегнуло. Рот разинул — и нет,— нехотя ответил тот.— Ты вот что, топай-ка после смены спянодежду получать.

...Вадька не мог уснуть, хотя все тело ломало от усталости и закрывались глаза. Мешал храп Ганькина и видение: длинные тяжелые трубы, трясущийся станок и ганькинский серьезный глаз. Он крутился в непривычном спальном мешке, думал о Людмиле, вспоминал, как она легко картавила на французский манер, смешно произнося его фамилию — Стар-рухин, как читала Цветаеву, когда оставались вдвоем, и как настороженно, украдкой рассматривала Вадькину компанию...

...Людмила стояла в лоджии, прямая, строгая, и, казалось, с любопытством смотрела на поздние редкие огни ночного города. Вадька появился шумный, привычно ссутулился, облокотившись на перила рядом с ней.

— Дышать тяжело,— не дожидаясь вопроса, пояснила Людмила.
— А-а! — облегченно протянул Вадька.— Я думал, публика не понравилась.
— Публика хорошая,— не оборачиваясь, задумчиво произнесла она.
— Во-во! — обрадовался он.— Хохмачи! Особенно Венька!

— Кто он? — спросила Людмила.
— Менез в институте. Разрабатывает системы радиуправления. Что-то аж с космосом связано. Спец — высший класс! Убедились: в квартире все на автоматике.

— Своими руками?
— До последней кнопки! — уверил Вадька.— Одна свеженькая дама засомневалась: говорит, не верю. Подходит к бару, а он неожиданно открывается и бац ей по носу! Публика в экстазе, дама в истерике...

— Как это — свеженькая? — Пальцы Людмилы, лежащие на перилах, вздрогнули.
— Новая, значит. В нашем обществе все запросто. Пришел сюда — делай, что хочешь. Ну, в смысле там пить можно, на полу валяться, кто хочет, стихи читать, даже посуду бить разрешается. Вот только музыка... по вкусу хозяина. У него, знаете, стереоэффект!

— Какие же у него вкусы?
— Реакционер! — махнул рукой Вадька.— Классика крутит. Труба, орган, скрипка.

Дверь в лоджию распахнулась, и появился невысокий бородатый парень.
— Согрей женщину, тюфяк! — посоветовал он и улыбаясь Людмиле.— У нас в Риге холодно! — пояснил он и, еще раз улыбаясь, исчез.

— Бог города,— объяснил Вадька,— на станции техобслуживания вкальвает. Пять-шесть сотен и тьма поклонников. Телемастерская сейчас — нуль, а вот у кого свои колеса!.. Между прочим, обещает к себе устроить.

— Зачем? — спросила она.
— Как? — не понял Вадька.
— Также хотите стать богом?
— Разве плохо?
— Твое имя произносят с благоговением,— размышляла Людмила,— падают на колени. А ты этакий розовоцекий, довольный и по-божески снисходительный... Заманчиво.

— Вы ведь тоже — богиня.

— Да? Ну, коли так считаете, то мне угодно ехать домой. Проводите. Исчезновения Вадьки и Людмилы в компании не заметили, привычно — каждый занят своим.

Только вышли, как Людмила неожиданно спросила:

— Сколько отсюда до вашего дома?

— Четыре квартала, — удивленно пожал плечами Вадька.

— Идемте.

— Фу! — перевел дыхание он. — Я думал, вы хотели отправить меня домой.

Всю дорогу молчали. В Вадькином темном дворе Людмила остановилась:

— Так почему я богиња?

Вадька что-то оробел. Он забыл свой треп в лоджии и сейчас лихорадочно соображал.

— Красивая ты... — выдавил он наконец, — и какая-то не такая...

— Это еще ничего. — Она зашагала дальше.

— А вы... ты что подумала?

— Всякое. Меня ведь тоже часто просят, молят и на колени готовы упасть.

Вадька зажмурился и съежился. Именно это он имел в виду там, в лоджии.

— Ты взрослый мальчишка, — сказала она еще раз перед самым порогом. — Но это не страшно. Все мальчишки когда-нибудь становятся мужчинами.

...Ребята-буровики через две недели уже забыли Вадькины «пируэты» — что ж, каждому что-то придется делать впервые. И Вадька начал подумывать, что все идет не так уж плохо и жить здесь можно, не навсегда же приехал, год-полтора, и хватит, заработки отличные. Незаметно для себя Вадька поверил, что не такой он уж и неудачник, просто не везло временно. Людмила? Горько становилось от этого имени, иногда чуть ключ из рук не выпадал. А вспомнишь — с Венькой осталась. Он хоть и друг и кричал, что она дура, а перед Вадькиным отъездом советовал плюнуть на нее. Но Венька — это же Венька! Она с Веньки тогда целый день глаз не сводила... Вадька скрипел зубами и злился. «Ну, подождите, я еще вернусь!»

...После отбурки очередной скважины Вадьку отправили готовить площадку для новой и рубить колья для палаток. Он днем раньше уже ходил туда с геологом, который вбил кольешек на берегу реки и сказал, что бурить надо здесь. Это было недалеко, четыре километра, и Вадька, прихватив сухарей и тушенки на обед, топор, лом, чтобы скатить валуны с площадки, отправился вниз по реке.

— Далеко от точки не уходи, — предупредил Ганькин. — А то ищи тебя потом...

— Не бойсь, — успокоил Вадька.

Он прошел на площадку, скинул груз и сел передохнуть. От каменистого берега круто вверх уходил горбатый увал, заросший кривым низкорослым кустарником. На гребне увала под верховым ветром качались редкие молодые сосны, внизу же была тишина, словно в другом мире. Вадька взял топор и полез на увал. Не ставить же лагерь внизу, затопит чего доброго, да и дров близко нет. Он карабкался вверх, пробивая тропу в кустарнике, облизываясь потом, а когда выбрался на гребень — энцефалитка промокла насквозь. Вадька растянулся на хрустящем от сухости мхе, ветер обдувал разгоряченное лицо, ноги гудели, хотелось лежать долго и без движения, слушать толчки крови в теле и по-настоящему чувствовать усталость и отдых. Во рту пересохло и жгло, но воды, по всей вероятности, здесь не было. Мох под руками крошился в беловатую пыль. Вадька перевернулся на живот и поднял голову. Метрах в ста от него, в редком сосняке, стояла большая приземистая изба с подернутой зеленым мхом крышей, обколотыми углами. Два узких окна выходили на реку, даже стекла в них поблескивали. Вадька удивился, что не заметил избу сразу, проворно вскочил и пошел, размахивая топором, забыв про усталость. «Вот и палатки ставить не надо!» — обрадовался он и крикнул:

— Эге! Хозяин!

Никто не ответил. Вадька выдернул штырь и толкнул дверь. За порогом в коридоре без окон было темно, из дальнего угла слышался странный гул. Вадька шире распахнул двери: весь угол под потолком занимало огромное гнездо шершней. Рыжие крупные насекомые сновали по коричневой корке жилища, и создавалось впечатление, что весь угол движется, дышит, как живой. Солнечный свет падал через окна на серый грязный пол, вырисовывая распылчатые рамные переплеты. В избе перегородок не было, слева стояла квадратная печь, дальше — лавки, стол, на нем чугуны, деревянные чашки, у стены — широкая кровать с спрессованной, грязной постелью. Весь передний угол и часть правой стены были увешаны иконами. Он снял одну, протер ее рукавом, повернул к свету. С темной доски на него смотрели два круглых божьих глаза, едва различалась борода клинчником, и сбоку светлыми пятном поднятая рука. Вадька бегло рассмотрел другие иконы и уткнулся в здоровый сундук с железными бляшками и лентами на крышке. На сундуке лежала толстенная книга с деревянными корками. Вадька вначале толкнул ее в сторону, чтобы сесть, но потом взял и раскрыл. На серой толстой бумаге, крепкой, как картон, еле просматривалась замысловатая вязь будто бы нерусских букв с крючками и длинными закругленными хвостиками. «Библия», — догадался он.

И от следующей мысли Вадьке сделалось жарко и душно.

Понаслышке он знал, что были когда-то староверы, которые сбегали в Сибирь и уносили с собой книги, иконы и всякую религиозную дребедень, и даже кто-то из компании ездил летом в экспедицию на поиски таких антикварных вещей. Тогда Вадька просто не обратил на это внимание. А сейчас... В его руках лежала тысяча, может быть, больше. И еще иконы!

Вадька подбежал к стене и начал сдирать закопченные доски с суровыми темными лицами, складывая их на пол. Одна выскользнула — грохот привел его в себя. Вадька замер, испугавшись, что его могут услышать, и присел на корточки. Икон было девятнадцать штук.

«И куда же теперь с этим? Ха! — подпрыгнул Вадька от радости. — Ехать! На фига мне сейчас буровая?»

IV

Вадька в спешке, беспорядочно покидал в рюкзак книги, иконы, одна так и не вошла, и он хотел ее бросить, но передумал и взял в руки. Пока скатился с увала, ободрался весь. У воды хватился, что забыл топор в избе, постоял, махнул рукой и, спотыкаясь о камни, торопливо зашагал вниз по реке.

Куда идти, Вадька не задумывался. Он знал: через сотню километров река впадает в Енисей, а там, на слиянии, поселок, самолеты летают... Он прикинул: хорошо идти — три дня, тушенку с сухарями можно растянуть, хватит. Если бы еще сегодня утром Вадьке сказали: идти пешком в поселок, не пошел бы. Сто километров?! Ко-ош-ма-ар!

...Ночевать расположился у воды. Развел костер, съел сухарь, тушенку открывать не стал, в желудке, понятно, бурчало; натянул кашоной энцефалитки, голову положил на рюкзак и уже было устроился спать, как почувствовал, кто-то по нему бежит и щекочет. Сунул руку, выловил маленькую твердую чешуйку — клец, кинул его в огонь и через минуту уснул.

Сквозь сон он вдруг услышал далекий выстрел — раскатыстый хлопок. «Ищут! — мелькнула мысль. — Надо уходить!» Протер опухшие глаза, быстро собрался и чуть не бегом, прыгая через камни, скрылся за поворотом реки.

Весь этот день Вадька шел, не чувствуя усталости. Правда, несколько раз вспоминал о еде и облизывался. Чтобы отвлечься, думал о том, как придет он в Ригу с целым рюкзаком антикварных вещей и даст Людмиле телеграмму или позвонит, сбегает за Венькой, а когда они соберутся, обязательно начнут ахать и восхищаться. Венька, конечно, станет оценивать и прикидывать, сколько можно взять за все эти деревяшки, если, допустим, сдать в музей или букинистический магазин, а может, найти знающих людей и толкнуть им подороже. Тогда уж и «Жигуленок» купить не проблема, и на кое-что еще хватит, чем Веньку удивить можно будет... и Людмилу.

Вадька запнулся, упал, и чудотворец раскололся пополам. Скол доски был шершавым и красным. По лицевому краю иконы тонкой ниткой светлел слой краски. Вадьку взяла обида. Он сложил обломки в рюкзак, теперь они помещались, и решил переночевать. Ноги ныли, болел затылок, натертая мокрым от пота брезентовым воротником шея горела. Вадька разделся, хлопая комаров на голом теле, побежал умыться. Холодная вода жгла кожу, и от контраста температур у Вадьки захватывало дыхание.

Возвратившись к костру, он хотел одеться, но вдруг на рубашке обнаружил сразу двух клецей: один маленький, коричневый, другой побольше, с красным брюшком. Вадька брезгливо сбил их в костер и вспомнил разговор в отделе кадров экспедиции, где его никак не хотели отправлять в поле, потому что он не проходил курс противэнцефалитных прививок.

Он стал внимательно осматривать живот, руки, плечи, около пояса изловил еще одного, провел ладонями по спине и между лопаток, куда едва доставал один палец, нащупал твердую, присосавшуюся чешуйку клеца. «Вот сволочь!» — выругался он и хотел пальцем выковырнуть его из кожи, но это Вадьке не удалось.

V

Вечером, после того как Вадька ушел готовить площадку, Ганькин завел трактор, буровики зацепили нагруженные оборудованием сани и поехали на новую точку. Они спешили, так как солнце заходило, а еще надо было успеть поставить палатку и сварить ужин.

Около вбитого геологом кольешка Вадьки не оказалось.

— Ну, и сачок же он у тебя! — крикнул Ганькину буровик, который в первый день появления Вадьки хохотал до слез.

Ганькин забеспокоился, но, увидев срубленные кусты на склоне увала, предположил:

— Жерди готовить ушел. На гору залез.

Потом он забрался на вершину увала, нашел избу, сунул было внутрь, но тут же захлопнул дверь: шершней Ганькин боялся до смерти. Походив вокруг, он вернулся к мужикам вниз, рассказал про избу, шершней и то, что Вадька был наверху, так как кем-то недавно расчищен проход к двери, но других следов нет.

Буровики начали ставить палатку, договорившись, что подождут Миссионера до утра и уж тогда сообщат начальнику партии.

Утром Вадька не пришел. Буровики растеряли два десятка патронов, сорвали глотки и, убедившись в бесполезности своих усилий, сели на трактор и поехали к лагерю партии. Ганькин всю дорогу материл себя и Вадьку...

Через день вызвали вертолет, но оказалось, что из-за большого расстояния горячего хватает только туда и обратно, на поиски же остается десять минут времени. Ганькин облетел с пилотом прилегающую к лагерю территорию, но безрезультатно. Решено было завести большим вертолетом топливо в лагерь и лишь после этого делать облеты. Но таких вертолетов в ближайших пяти днях ждать было нечего, и Ганькин, взяв ружье, продукты, ушел в тайгу.

А Вадька в это время усиленно пытался оторвать впившегося клеца, облизываясь холодным потом, заламывал, выкручивал назад руки, но лишь едва трогал пальцем сосущего паразита. Попробовал вытащить сучком, до крови разорвал кожу вокруг — все напрасно. Терся голый спиной о дерево — то же самое. Уже не чувствуя укусов облепивших его комаров, Вадька Старухин сидел на земле, и его поменьше охватывал ужас. «Говорят, — вспоминал он, — что заражение энцефалитом происходит в момент укуса. Слюну он какую-то запускает, заразную. Потом должна заболеть голова, будет рвота, головокружение... Значит, я уже заражен, поэтому и болит затылок». Он вскочил, взял за лямки рюкзак и побежал, плохо соображая куда. Его сокровища грохотали, тряслись по камням, но Вадьке уже было не до них. Чувство, что ему в спину впился заразный клец и сейчас медленно высасывает кровь, заполняя жилы ядом, подстегивало, гнало вперед. Вадька бежал и ждал мгновения, когда должен ударить обещанный паралич. Это, наверное, будет, как выстрел в спину: ожидаемый, но прогремевший все-таки неожиданно. Вадька должен остолбенеть вначале, словно ударившись всем телом о стену, и упасть прямиым, негнущимся, твердым, как закаменевший на морозе. Так Вадька представлял паралич.

Он потерял ориентир — реку — и теперь уходил в сторону, в редкие низкорослые пихтачи, карабкался на какие-то горы, переходил вязкие болота, остановился лишь, когда стемнело и идти было некуда: высокий каменистый обрыв отвесно уходил вниз, а там, затянутая туманом и мраком, шумела на пороге неизвестная речушка.

Голову и тело разламывала боль, будто Вадьку долго колотили чем-то тяжелым и гибким. Он понял, что заблудился, и вовсе обессилел. Страшная мысль о смерти уже не была такой страшной, как в первую минуту, когда он обнаружил клеца. Навалились отупение и вялость, какие бывают, если сильно хочется спать и кто-то мешает.

Вадька подтянул к себе рюкзак, обнял его и, свернувшись калачиком, замер в полусне-полубреду. Ему чудилось, что он все еще бежит по тайге, большой, сильный, удачливый, и будто навстречу ему идет кто-то, Людмила, кажется, и не одна. Венька за ней плетется, лохматый, обросший, изодранный весь, одичалый, глаза страшные, кричит что-то, а что — не поймешь, рот только открывает, руки корявые, грязные; и будто не Вадьку, а Веньку клец укусил: вот он упал, зарывается в мох, стонет, хрипит...

Вадька очнулся, с трудом распрямился и понял, что не Венька стонет и хрипит,

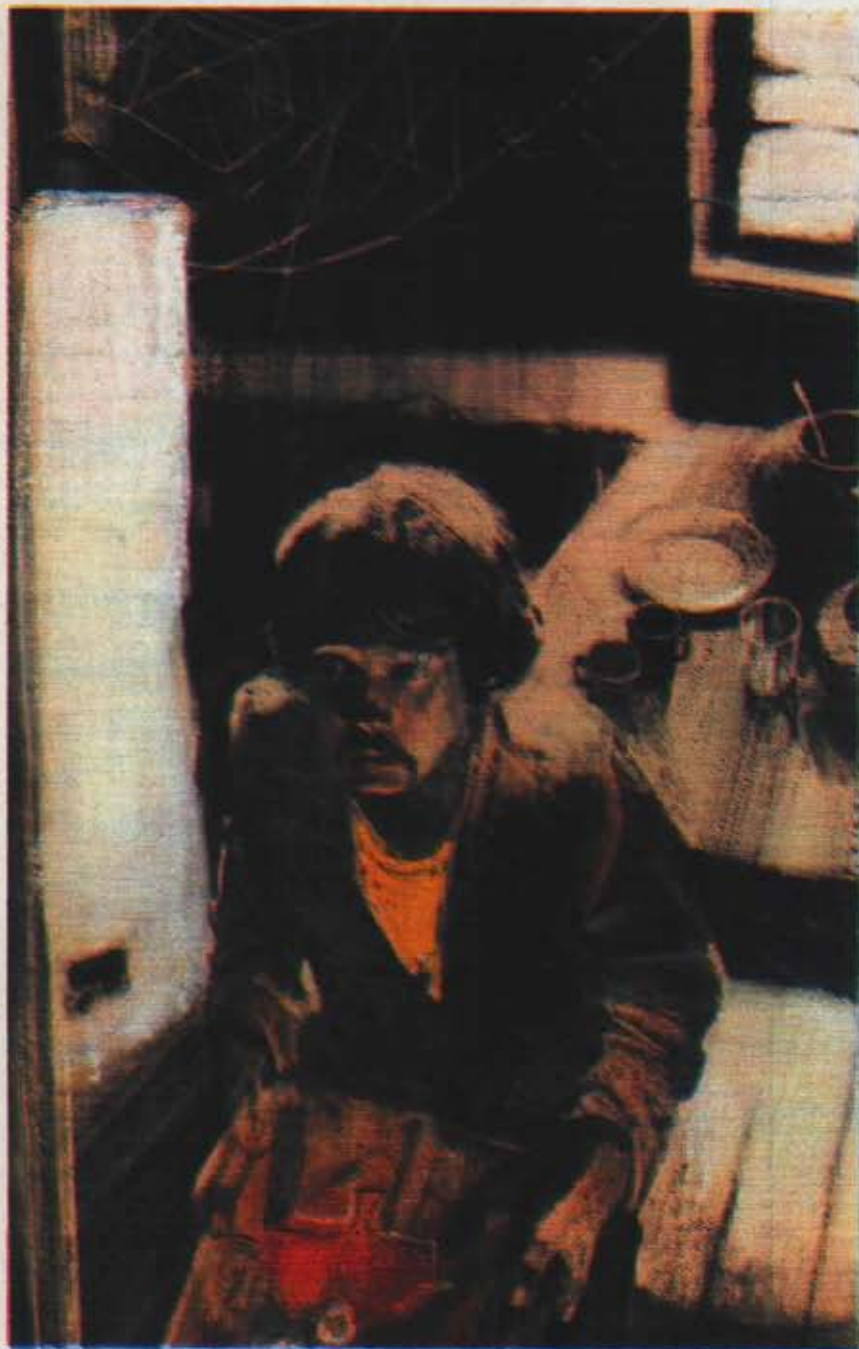

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

а он сам, и рядом нет никого. Вадьке стало обидно, что он умирает здесь один, никому не нужный, брошенный, а все его друзья живут и еще долго будут жить, ездить на пляжи, пикники, беззаботно и весело смеяться, пить, радоваться...

Вадька закрыл глаза. В ушах стоял звук, словно колотили по тонкому осеннему льду, и звук то удалялся, то накатывался. Перед глазами вновь возникли давно прошедшие события, люди, лица...

Вот идет Вадька по городу, идет продавать иконы, и все завидуют ему, восхищаются. Вадька открывает рюкзак, выкладывает бережно находку и видит: не иконы это вовсе, а карнавальные фонарики, маски, рисунки клещей. Вадьке делается ужасно стыдно, а Людмила отбирает весь этот хлам, выхватывает из рук, бросает на пол и пытается увести Вадьку.

Едва отвызался Вадька от кошмара, испариной покрылся, взмок. Сколько он валялся на голой земле у обрыва, не помнил. Утро это было или вечер, так и не определил он. Солнце над горизонтом, птицы поют, порог внизу грохочет, увалистая тайга вокруг. Боль разламывала тело, и вся правая часть плохо слушалась, словно Вадька разделился надвое.

Отряхнулся он от кошмара, однако где-то в глубине сознания все еще продолжались видения, только теперь реальные, осмысленные.

Вадька увидел себя на буровой. Станок трясется, дизель урчит, ведущая штанга-квадрат весело вращается, а с сальника наверху легким искристым веером разлетаются брызги промывочной жидкости. Ганькин видит, что сальник подтекает, но станок не останавливает, чтобы подтянуть гайку, а тоже задрал голову вверх и лобуется. И глаз у него строгий, но добрый. На буровой пахнет маслом, соларкой и крепким чаем, который готовит Вадька. Где-то в глубине алмазная коронка режет твердую породу, хорошо режет, штанга на глазах в землю уходит. Не верится даже: коронка гладкая совсем, а такие камни бурит! Поднимут они с Ганькиным снаряд, вынут столбик керна из колонковой трубы, а он словно отшлифованный, аж блестит.

— Вот здорово!— удивился Вадька, когда в первый раз такое увидел, и долго разглядывал узоры кварцевых прожилок на круглых кусках породы.

— Ты вот лапаешь руками,— говорит ему Ганькин с гордостью,— а не знаешь, что самый первый держишь эту породу, никто до тебя ее не касался. Земля еще только родилась, не было вообще людей, а камни эти уже были. Понял?

— Ого!— сказал Вадька и хотел засунуть керн в карман. Но Ганькин молча отобрал и кинул обратно в ящик.

— Бери ключ, спуск делать будем.

И вот Вадька будто снова на буровой. Сидит около костерка, чай варит. Засыпал пачку грузинского в засмоленный от сосновых дров чайник, пустую пачку, как полагается, на носик надел и закрутил, чтобы пропарилась заварка как надо. Будто Ганькин Вадькой доволен, что тот научился первейшей помбуровской обязанности— чай варить, и ключи теперь не путает с подкладной вилкой, и все муфты во время спуска успевает автолом смазать, и даже насос включать научился. Соскочит трос с разношенного кронблока на самой верхушке вышки— не ждет Вадька, когда мастер объяснит, в чем дело. Сам, как кошка, по отвесной лестнице заберется, поправит трос и кричит Ганькину: готово!

Тот радуется, что у него помбур стал разворотливым, и Вадька радуется.

— Расскажи-ка мне про Ригу!— говорит Ганькин и наливает чай в кружку.

Руки у него мазутные, и кусочек сахара в пальцах кажется белее обычного. Вадьке не хочется больше вспоминать Ригу, даже душу не щемит, как было раньше. Уютнее на буровой кажется.

— Чем там люди живут?— продолжает мастер и глотает чай.

Вадьке отвечать неохота: не о Венкиной же квартире и лениво проскальзывавших без какого-либо следа в памяти вечеринках рассказывать.

Крутится штанга, брызги летят, дизель урчит, коронка где-то в глубине породу режет. А породу ту еще никто из людей в руках не держал...

И вдруг нахлынуло на Вадьку чувство какое-то, прямо нестерпимое, подкатило к сердцу, щемящей тоской отозвалось... Стыд за мелочность, за то, что жизнь свою по узенькой тропочке идти заставил, а не по дороге...

Хорошо Вадьке на буровой! Но что это? Тело ломит от боли, в затылке стучит... А! Его же энцефалитный клещ укусил! Буровая, Ганькин и запах крепкого чая— все привиделось!

И уж не будет больше Вадька сидеть у костерка, и варить чай, и смотреть, как станок бурит крепкую, никем не тронутую породу... Ага! Но зато Вадька несет в рюкзаке свое будущее. Нужно только выйти из тайги... Он с Людмилой на собственном «Жигуленке» поедет на взморье. Вдвоем они будут бегать по пустынным песчаным дюнам среди сосен... Но тоскливо-то на душе почему?!

«Как же так?— зло и растерянно думал Вадька.— Ганькин же говорил, что в тайге все стерильно. Откуда же клещи эти берутся? На такую большую стерильную тайгу нашелся всего один-единственный заразный клещ и укусил именно меня! За что? Не укусил же он Ганькина, который полжизни в тайге прожил!»

«А с чего это ему меня кусать?— сказал Ганькин над ухом.— Сдался я ему!»

«Спаси меня!— безмолвно закричал Вадька, и распевавшие вокруг птицы замолкли и слетели с деревьев.— Ты же добрый, Ганькин! Я помню, как ты меня от мужиков защищал, когда они смеялись надо мной! Ты же обещал научить меня за рычагами стоять! Найди меня!»

«Ищу,— сказал Ганькин,— третий день хожу по тайге. Да где же мне отыскать тебя. Я ведь в избу-то не заглядывал и не знаю, что ты с иконами краденными убежал. Если бы знал, то по реке бы пошел, а я совсем в другой стороне ищу. Ты же сказал, что за романтикой приехал, я и верю, дурак, думаю, блажь в голове у тебя. А ты, видишь, какой оказывается. Потому и клещ на тебя отыскался. Тайга, Вадька, грязи не терпит. Она из себя быстро всю заразу вытравит».

...Не мог Вадька определить, сколько он был в полубредовом состоянии. Окончательно пришел в себя ночью. Встал, по кромке обрыва прошелся. Ночь светлая, холодная, туман над водой.

Вадька подошел к рюкзаку, пощупал выпирающие сквозь брезент уголки икон, и то, что рюкзак был перед ним, удивило его. Он потянул шнур-завязку, расширил горловину и вынул расколотого чудотворца. Составил половинки— не сошлись и, размахнувшись, швырнул их в реку.

«Молодец,— одобрил Ганькин,— соображать начинаешь. Говорю же тебе, сложности тут никакой. Медведя и того научить можно. Лишь бы желание было. Тяжело только поначалу!»

Вадька вспомнил, когда говорил эти слова Ганькин. Тогда Вадька впервые не спутал ключ и взял из десятка висящих на перекладине нужный.

По-прежнему на четвереньках Вадька подтащил рюкзак к обрыву, заглянул вниз, улыбнулся— глубоко! И столкнул рюкзак в реку. И удовлетворенно подумал: «Вот и легче идти станет!»

VI

Звук мотора Вадька не услышал, а лишь едва различил двоящееся очертание лодки и фигуру человека. Лодка шла против течения, медленно выбирая путь между торчащими из воды камнями. Вадька замахал руками, хрипло и бессвязно закричал. Человек в лодке заметил и повернул к берегу.

— Здорово!— крикнул парень из лодки, причаливая к каменистому мыску.— Ты чего? Загораешь?

И, наверное, рассмотрев Вадьку как следует, уже испуганно и недоверчиво спросил:

— А ты случаем не Старухин?

— Ага! Я, я...— прохрипел Вадька.

Парень свистнул и стал закуривать.

— Меня клещ укусил, умираю я,— с трудом сказал Вадька.

— Клещ?— переспросил парень и выпрыгнул из лодки на берег.

Вадька кое-как завернул на спине энцефалитку и ждал, когда подойдет спаситель.

— Куда?— Парень дышал тяжело и отрывисто.

— Между лопаток... чуть ниже.

— Ничего не вижу!

— Там... смотри.

— Хэ! Так это же родинка!

— Клещ это...

— Обыкновенная родинка!— обрадовался парень.— Большая, коричневая. Тут и клеща-то сроду не было! Чудак ты, Старухин!

Вадька встал на ноги и ошалело уставился на парня.

— Ты давай беги в поселок. Тут рядом, двести метров,— сказал тот весело и пошел назад. Столкнул лодку на стремнину, сел и крикнул:

— А то тебя по всей тайге ищут! Вчера милиционерка откуда-то приехала, тоже ищет! Красавица— о-о!

Внебольшом оконце был виден изгиб узкой улочки, по которой текла пестрая толпа горожан Вадо-Лигуре и шумливых иностранных моряков. Александр Петрович смотрел в окно, пил кофе и невольно вспоминал Одессу.

— Сеньор капитано! Сеньор! Александр Петрович обернулся на голос и увидел в руках хозяина магазина телефонную трубку.

— Момент!—понятливо улыбнулся Александр Петрович и подошел к итальянцу; владелец магазина любил русских моряков, в них было что-то от итальянского характера—открытость, простота, сердечность,—и всегда широкой улыбкой приветствовал русских в своем магазинчике.

— Саша!—В трубке звучал голос капитана танкера Меркулова.—Ожидаетесь шторм...

— Понятно. Выезжаю.—Александр Петрович быстро расплатился с хозяином, который, сочувствуя, покачал головой: мол, что поделаешь, море есть море, и проводил взглядом заспешившего из магазина русского моряка.

Было около семи вечера, 10 ноября.

Шторм налетел сплошным шквалом, в мгновение: порт Вадо-Лигуре прида-

помочь. А ведь на «Новороссийском партизане» остались невыходными еще десять-одиннадцать тысяч тонн нефти,—а ну, как взорвется такая махина?

— Экипажу занять свои места! Приготовиться к отшвартовке!—Капитан Меркулов принял твердое решение: отходить от причала в открытое море.—Старшему помощнику обеспечить отшвартовку кормы!

— Есть обеспечить отшвартовку!—Александр Петрович Ушатый поправил на шее ремешок спикера—почти игрушечного транзистора, с помощью которого передавал команды, и твердым голосом приказал:

— Отдать швартовки!

На корме не хватало матросов, часть из них осталась на берегу, пришлось на ходу перестраивать налаженный до автоматизма ритм работы; хорошо, стармех Березкин выручил, послал на корму нескольких мотористов, хотя моторист—это, конечно, не палубный матрос: здесь, у кнехтов, работа иная, чем у машины, требует особых навыков и сноровки. И еще сложность заключалась в том, что концы тросов отдавали не на причале, как обычно, а здесь, на палубе; на каждом палубном кнехте, за который крепился трос, нужно было дать ход морским узлам—восьмеркам, чтобы трос, постепенно

бросила от буксирного кнехта старпома Ушатого. Лил страшный дождь, с моря на палубу летели огромные волны, закипая на палубе бурлящей пеной, трудно было разглядеть и понять, что случилось, и Саша Марков просто рванулся к старпому Ушатому, который, завалившись набок, лежал у заградительных перильцев в набрякшем длиннополом дождевике; глаза у старпома были открыты.

— Кажется, это конец,—твердо сказал он.

— Что?—не понял Саша. Он не сразу заметил кровь на дождевике Ушатого и, откинув полы плаща, похолодел. У старпома не было правой ноги.

— Слушай меня, парень,—сказал старпом, медленно, но четко выговаривая каждое слово.—Передать моим...—Он задумался на несколько секунд, что же передать родным, потому что передать хотелось очень многое, а как выразишь все в нескольких словах? Но так и не смог ничего сказать, застонал, до крови прикусив губу, и только тут Саша Марков выпшел из столбняка, закричал во весь голос: «Эй, ребята, сюда! Ребята!..»

Через несколько минут матросы несли старпома на носилках в лазарет, и Александр Петрович, может быть, только сейчас почувствовал боль, ко-

затягивать. На всякий случай Ушатый уменьшил цифру вдвое и велел Саше Маркову через каждые десять минут отпускать жгут и с появлением крови снова намертво затягивать.

Было около десяти вечера, 10 ноября.

Четыре часа, через каждые десять минут, Саша Марков затягивал и отпускал жгут. Четыре часа нечеловеческих болей. Четыре часа мужества и воли.

Около двух ночи первым к «Новороссийскому партизану» подошел «Профессор Рыбалтовский»—учебно-производственное судно Ленинградского пароходства. Радист с танкера запросил о помощи еще четыре часа назад, но никто не мог приблизиться к ним из-за бушевавшего шторма. С «Профессора Рыбалтовского» высадить доктора на танкер было почти невозможно: борта двух судов сильно «плясали» вверх-вниз. И все равно капитаны решились на этот труднейший, ювелирный маневр: человек, истекающий кровью, нуждался в неотложной помощи.

Был третий час ночи, когда, наконец, на «Новороссийский партизан» поднялся доктор Яблонов. Вместе с ним на танкер пришла надежда.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ УШАТЫЙ

Георгий БАЖЕНОВ

МУЖЕСТВО

вила иссиня-черная туча, с северо-запада рвался на город ураганный ветер, шторм на море разыгрался до шести баллов. Корма танкера, как ни надежна была швартовка, заходила по волнам вверх-вниз, вправо-влево, швартовые концы натянулись как струны, гудели якорные тросы, и корма под напором урагана стала наваливаться на причал.

— Подобрать якоря!—Голос капитана Меркулова звучал сухо, напряженно.

— Есть подобрать якоря!—Боцман Бабенко приказал матросам слегка выбрать якорные концы на носу танкера.

Корма танкера под мощным натяжением швартовых тросов на мгновение словно зависла в воздухе. Но ураган продолжал давить, нейлоновые тросы хоть и пружинили, а все же давали небольшую растяжку, и корма вновь пошла на причал... «Если не отшвартоваться, может быть большая беда...» Казалось, эта мысль витала над всем экипажем. Но как отшвартовываться в таких условиях? Море бушует, волны с грохотом разбиваются о борт танкера. К тому же часть экипажа застряла на берегу—сильнейшая качка не позволила матросам перебраться на борт «Новороссийского партизана»: воистину шторм обрушился на порт Вадо-Лигуре в одно мгновение. И главное—неудобный причал для отшвартовки. На рейд в порту встали три дня назад, кормой строго перпендикулярно к причалу—нос, казалось, стрелой рвался в море. И вот теперь, выбирая якорные цепи на носу, экипаж как бы оттягивал корму от причала, иначе танкер мог навалиться на пирс и... Авария, которая произошла бы сейчас на причале, могла унести многие жизни, да и сам танкер мог затонуть: были случаи, когда судно гибло в нескольких метрах от пирса, и никто не в силах был ему

разматываясь с кнехтов, стравливался с палубы в воду. Танкер, освободившись от тросов и выбрав якоря, свободно ушел бы в море...

И вдруг старпом увидел, как на буксирном кнехте, по которому еще мгновение назад змеисто струился нейлоновый трос, заело одну из восьмерок. «Только бы не лопнул...—подумал Ушатый.—Иначе...» Сила натяжения настолько велика, что лопнувший трос своим свободным концом мог бы скосить, как бритвой, палубных матросов,—такое в мировой практике мореплавания случалось...

Ушатый буквально впился глазами в буксирный кнехт, еще надеясь в глубине души, что трос сам справится с запутавшимся узлом. Но нет, узел был мертв.

Старпом даже не задал себе вопроса: «Что делать?» Непредельно были вопросы. Он твердо знал: никто, кроме него, не видит беды. И послать кого-нибудь из мотористов к буксирному кнехту он тоже не мог—не мог рисковать жизнью матроса. Оставалось одно—самому перерубить канат. Последствия он представлял: лично для него они могут быть страшные. Но он был опытным моряком, двадцать лет бороздил моря и океаны и знал, по какой невидимой линии должен стремительно полететь канат, если его перерубить топором. Он знал траекторию «выстрела» каната. Раздумывать было некогда. Он широко расставил ноги, левая нога—чуть впереди, правая—сзади, для упора, и топором, который всегда находился при кнехте, мощно ударил по нейлоновому концу...

В следующее же мгновение танкер оторвался от причала и, медленно набирая ход, устремился в открытое море...

И никто, кроме одного человека—матроса Саши Маркова, не видел, как в то же мгновение какая-то страшная, неподвластная человеку сила от-

торая буквально жгла его, раздирала на части, а до этого он был словно в шоке, хотя ни на секунду не терял сознания,—он просто думал, что это конец, и эта мысль была сильней и значительней боли. Он даже с каким-то холодным удивлением подумал, что не боится смерти, а просто жалеет, что не умирает придется в общем-то совсем молодым, тридцати восьми лет; многое еще нужно было сделать и успеть, но, думая сейчас об этом, он не жалел, что поступил именно так, как поступил,—иного выхода не было, это был единственный способ избежать аварии танкера.

В лазарете его положили прямо на пол—не было времени готовить специальное место: старпом истекал кровью, к тому же выяснилось, что врач остался на берегу вместе с другими матросами, которые не смогли перебраться на судно из-за начавшегося шторма. И именно в это мгновение, когда, казалось, сама судьба пошла против Ушатого, он и решил про себя: «Ну нет, я так просто не дамся... Я не дамся, черт побери! Ноги нет, это правда, но кто сказал, что я должен умереть? Шал-и-ишь!..» И среди всеобщего замешательства и молчания раздался именно его голос, старпома Ушатого:

— Саша, возьми жгут... Жгут, говорю, возьми, слышишь?! Та-ак... Перетяни ногу. Сильней. Сильней...

Саше Маркову помогал кто-то из матросов. Пришел в себя стармех Березкин, вытаскивал из медкафчика шприц и, как мог, сделал Ушатому укол против столбняка, а сам Ушатый начал мучительно вспоминать все, что он почерпнул из медицинской науки за те двадцать лет, что бороздил воды,—в море всякое случалось, приходилось быть и «врачом» и «сестрой»,—и вспомнил, что жгут как будто нужно отпускать каждые двадцать минут и, лишь только потечет кровь, снова туго

Лицо доктора казалось непроницаемым. Приходилось сдерживать себя: рана была страшная, ногу оторвало на уровне выше колена. Из железа он сделал, что ли, этот парень? Лежит без наркоза и молчит. Еще и смотрит прямо в глаза. Откуда столько сил у этого человека? Доктор делал свое дело, перетягивал один за другим сосуды в районе седалищного нерва—это главный болевой нерв, прикосновение к которому—ожог молнии,—и непрестанно удивлялся выдержке и терпению старпома Ушатого.

В пять утра доктор Яблонов сделал последнюю перевязку, кровотечение было остановлено. «Новороссийский партизан» пошел в Геную, где по радиодоговоренности советскому моряку должны были сделать операцию: шторм потихоньку усмирнялся, и в порту Генуи можно было относительно легко пришвартоваться к причалу.

— Доктор, если не дотянем до Генуи, делайте операцию сами. Здесь.—Ушатый так и не сомкнул глаз и говорил ясно и твердо.

— Дотянем.

— Если что, дайте мне стакан спирта и режьте. Я усну.

— Ты дотянешь,—сказал доктор.—Я верю.

Операция продолжалась несколько часов. И только для самого Ушатого, который находился под сильным наркозом, эти долгие часы были если не мгновением, то как бы прочерком в жизни—они проходили без его собственного участия, а он не привык к этому, и, очувшись к вечеру следующего дня в белоснежной палате Главного травматологического центра Генуи, он никак не мог понять своего состояния, потому что боль была тупая и далекая, восприятие приглушенное, время остановилось, и сама жизнь, казалось, теплилась в нем едва-едва, текла слабым, легким ручейком.

В тот же вечер жизнь все-таки начала брать верх. С танкера пришли навестить старпом матросы, и он нашел в себе силы, попросил радиста передать жене и детям в Одессу радиogramму:

«Мои дорогие, в связи с травмой ноги остаюсь в госпитале Генуи. До скорой встречи. Обнимаю, целую, папа».

Через день Александр Петрович получил ответную телеграмму от жены и детей:

«Дорогой папочка, здравствуй, очень волнуемся за твое здоровье. Дома все хорошо, все здоровы. Не волнуйся, желаем тебе быстрого выздоровления, крепко целуем. Алла, дети».

Они еще не знали всей правды. Они даже не представляли ее.

13 ноября «Новороссийский партизан» взял курс на Одессу. Старпом танкера Александр Петрович Ушатый остался в Генуе. И только глуховатый его голос, записанный на магнитофонную пленку, поплыл вместе с экипажем в Одессу, чтобы рассказать жене Алле и деткам Лоре, Олегу и Оленьке всю правду о случившемся.

«Мои дорогие, я вам сообщил о травме, но это не совсем так. К сожалению, мне ампутировали ногу. Чувствую себя, конечно, неблагостно. Но что поделаешь, жизнь есть жизнь. Буду лежать здесь, а позже теплоходом или самолетом прибуду к вам. Вот такие мои дела. Очень скорблю, конечно, хотел большего добиться в жизни, больше сделать для дома, для семьи, и вот так все получилось... Но, я думаю, жизнь еще впереди, мы свое возьмем, я еще буду плавать. Мои дорогие, вы сильно не переживайте, все будет нормально... Пишите мне, я очень жду от вас весточки. Ваш папа».

Он наговорил этот текст на магнитофонную ленту в тот вечер, 11 ноября, когда его сразу после операции навестили матросы, когда он чувствовал себя между жизнью и смертью—такое у него было ощущение,—и все-таки уже тогда в нем говорила жизнь и вера в самого себя, в свое будущее.

В первые дни, лежа пластом в травматологическом отделении, он упорно заучивал итальянские слова и целые выражения: «у меня бессонница», «я плохо себя чувствую», «мне немного нездоровится», «я сплю хорошо», «сильные боли в ноге», «схватила судорога», «нужно сменить повязку»...

Через полтора месяца он уже свободно написал итальянскому доктору: «Дорогой синьор профессор! Поздравляю Вас с Новым годом, желаю счастья, здоровья, успехов в работе, благодарю за заботу и лечение. С уважением—советский моряк Ушатый».

Почти каждый день газеты Генуи писали о мужестве русского моряка. Называли его: храбрый, бесстрашный, благородный, сильный, скромный, волевой, непобедимый, загадочный, непонятный, мужественный, стойкий. Не было дня, чтобы к нему не пришли какие-то совершенно незнакомые ему люди, простые итальянцы: рабочие, докеры, матросы, крестьяне. И все несли передачи, и каждый хотел лично переговорить с «синьором русским матросом», который спас тысячечтонный танкер, жизнь десятков людей, предотвратил аварию на причале, а значит, и спас частичку самой Италии. Не всех, но многих пустили к Ушатому, и он, как мог, старался объяснить улыбающимся, кивающим головами, но так и не понимающим сути дела итальянцам, что он не русский, а украинец, что там, в его любимой стране, есть Россия и есть Украина, что это две братские, суверенные республики.

«Ну, как вам объяснить... вот у вас есть Венеция, есть Генуя и есть Рим, это все разные города и в то же время это Италия». «Ну, да, да,—согласно кивали итальянцы,—мы понимаем, правильно говорит синьор русский капитан, все это наша Италия, спасибо...»

Добровольными переводчицами в разговорах обычно были две девушки-итальянки, Жанна и Диана, работницы смешанного советско-итальянского морского агентства «Долфин», которое взяло на себя все заботы по лечению старпома Ушатого. Каждый день Жанна и Диана приходили в госпиталь и поочередно дежурили около постели больного. Каждый день приходил еще один человек—Эудженио Кристино, или Женья, как его позже стал называть Александр Петрович,—итальянский коммунист, простой рабочий-слесарь, активист общества «Италия—СССР», бывавший в Советском Союзе. К Александру Петровичу у него было особое отношение: когда-то жене Эудженио в автомобильной аварии оторвало руку, и Эудженио прекрасно понимал состояние Александра Петровича, который к тому же был далеко от Родины, от близких, от семьи...

«Мои дорогие, милые, получил ваше письмо, очень рад. У меня все нормально, с восемнадцатого ноября начал ходить. Сейчас свободно хожу по всем коридорам этажа, температура нормальная, сняли швы, через пару дней перейду в другую больницу, здесь лечение заканчивается. Начинают готовить протез, срок—один месяц. Обо мне не беспокойтесь, здесь мне уделяют очень много внимания, ходят наши ребята с теплоходов, а также местные, знакомые и совсем незнакомые итальянцы. Привет всем, пишите чаще. Крепко обнимаю, целую, скучаю, папа».

Но по ночам ему было плохо. С некоторого времени стал пропадать сон—одолевали думы о будущем. В детей и в жену он верил, хотя и понимал, что что-то должно измениться, не может не измениться, будет иная жизнь. Конечно, как и прежде, она будет честная и прямая—лишь бы только не жалостливая, лишь бы не было недомолвок и растерянных прачущихся глаз. Да, в жену, в детей он верил... А вот что делать с самим собой? Куда девать самого себя, если ты с детства мечтал стать моряком, таким же, каким был твой дед Андрей Филиппович Ушатый, долгие годы своей жизни отдавший морской службе в Кронштадте? Ты мечтал стать моряком уже тогда, когда по-собачьи барахтался в родной Сибири—речушке на Черниговщине: однажды мать твоя Евдокия Калениковна, не успев и охнуть, увидела, как ты, не умеющий плавать, вдруг бросился в воду и поплыл, поплыл сразу, не потонул. Ты дал тогда себе слово испытать себя на храбрость, а иначе какой из тебя получится моряк? Повзрослев, ты уехал из родного села Займища в далекий портовый город Одессу и поступил в мореходное училище, и с тех пор судьба твоя была накрепко связана с морем. Двадцать лет ты плавал по морям и океанам, не считая портов, стран и городов, в которых тебе удалось побывать, ты прошел суровую школу ученичества на море—от рядового матроса до старшего помощника капитана. Было время, тебе предлагали самостоятельное капитанство на одном из танкеров, но ты отказался, потому что решил пройти все возможные ступени на танкере «Лозовая», на котором плавал с первого дня его рождения—в шестьдесят третьем году ты летал в Японию принимать «Лозовую» со стапелей,—и с тех пор лишь на один год расставался со своим танкером—когда надо было в Ираке обучить морско-

му искусству экипаж иракского теплохода «Румейла».

И вот сейчас ты во второй раз расстался со своим танкером: тебя попросили сходить несколько рейсов на «Новороссийском партизане», и ты согласился. И здесь, в Италии,—уж так сложились обстоятельства—тебе пришлось спасать танкер и причал от аварии, и ты сделал это, не задумываясь...

Неужели теперь ты расстался с морем навсегда?

Эта мысль не давала ему покоя, она тревожила и мучила душу больше, чем болью исходящая нога, особенно по ночам, когда он оставался один на один с самим собой и своими мыслями, и это было самое большое испытание человеческого духа, и он терялся от душевной раздвоенности: нет, никогда он не жалел о том, что совершил, но и никак не мог представить себя вне моря.

Это было все равно что представить себя вне жизни.

Во втором госпитале, куда вскоре перевели Александра Петровича и где ему сделали первый протез, он неожиданно прослыл шутником. Однажды старший фельдшер Пино, здоровяк двухметрового роста, так перетянул застезки на протезе у старпома, что тот невольно вскрикнул: «Осторожней, elephant!» Так и прижилось это английское слово за фельдшером—«слон», и иначе, как «слон», его никто уже больше не называл. В другой раз, когда больным, по итальянскому обычаю, разносили перед обедом сухое вино, Александр Петрович будто невзначай обронил: «Вот итальянцы! У них и антибиотики особенные...» И не было дня после этого, чтобы больные, весело посмеиваясь, не кричали Александру Петровичу перед обедом: «Эй, синьор капитано! Антибиотики несут!...»

В обычной жизни Александр Петрович не был ни весельчаком, ни шутником, а тут вдруг прослыл острым на язык... Трудно ему было в те дни как никогда, но ведь известно, как много сокровищ в запасниках человеческого духа—в трудную минуту сильный становится вдвойне сильнее,—и болезнь лечила шутка, к которой, казалось, душа у него не лежала совсем.

...И настала, наконец, такая минута, когда он, обливаясь потом, скрипя зубами, сделал несколько шагов на протезе. Боль в культе была нестерпимая, но он твердо ставил протез на пол и, чуть не плача, шел дальше, беря настырностью и каким-то внутренним озлоблением, словно перед ним был лютый враг и его надо во что бы то ни стало победить.

Именно тогда, в те минуты, он твердо решил для себя: все превозмогу, все преодолею, научусь ходить лучше любого ходячего, пройду все комиссии, но буду плавать, буду!

«Эрнст Кренкель», научно-исследовательское судно, дав прощальный сигнал, медленно отвалило от генуэзского причала. Сотни итальянцев махали на прощание человеку, имя которого стало легендарным в Генуе: сразу после Нового года старпом Ушатый уплывал на Родину. Он сам, без посторонней помощи, без костылей поднялся по трапу, и когда, уже весь мокрый от счастья и сильного физического напряжения, улыбаясь, прощально махал фуражкой, глаза у многих людей на причале невольно увлажнились...

А через несколько дней его встречала Одесса. Встречали жена и старшая дочка Лора. Они поднялись на судно и, когда вошли в капитанскую каюту, увидели его таким, каким он был всегда: крепко стоящим на обеих но-

гах и улыбающимся счастливой улыбкой...

Чего стоила ему эта улыбка, это спокойствие, эта будто литая устойчивость на полу, они узнают и почувствуют позже. А тогда все держалось только на его воле.

Через несколько месяцев Указом Президиума Верховного Совета СССР коммунист Ушатый А. П. был награжден орденом «Знак Почета». Все думали—за подвиг. А это была ему награда за трудовые заслуги, «за успехи, достигнутые в выполнении плановых заданий и принятых обязательств», как гласил Указ. К этой награде коммунист Ушатый был представлен до совершения своего подвига.

...Александр Петрович не думал ни о наградах, ни о пенсии, ни о покое. Душа его томилась, изнывала по морской работе, без моря он не чувствовал себя человеком, метался, писал заявления в парходство, но здоровье пока не позволяло думать о плавании всерьез, необходимо было всестороннее обследование, новое протезирование, комплексное лечение. К тому же морские правила категорически запрещают работу на море людям, потерявшим ногу. Были, правда, редчайшие исключения, когда разрешения выйти снова в море добивались моряки, у кого нога была ампутирована ниже колена.

И вот однажды судьба столкнула Александра Петровича с таким человеком. С ним случился в самолете познакомился родственник Ушатого, и Александр Петрович тут же помчался на такси в небольшой городок Ильичевск, благо это недалеко от Одессы. Там он встретился с бывшим мотористом, а ныне радистом Винокуровым Игорем Сергеевичем. Судьба Винокурова тоже оказалась не из легких: когда-то он попал в авиакатастрофу, потерял ступни обеих ног, перенес двадцать девять операций, но в конце концов встал на протезы и добился, чтобы ему разрешили вернуться на море. Своим спасителем он считал профессора Киевского НИИ ортопедии, заведующего клиникой восстановительного лечения и сложного протезирования Бухтиярова Олега Александровича.

Ушатый тут же позвонил в Киев. Ему повезло. К телефону подошел сам профессор. Александр Петрович выложил ему все как на духу. Бухтияров думал всего секунду: у него сотни больных, огромная очередь на протезирование,—и все-таки в судьбе моряка было что-то необычное, и он коротко сказал:

— Ну что ж, приезжайте.

— Когда?

— В любое время.

Ушатый выехал в Киев на следующий день.

Профессор Бухтияров внимательно осмотрел Ушатого. Пластическая операция мышц была сделана в Италии удачно. Однако рентгеновские снимки показали, что конец кости начинает понемногу крошиться, не выдерживая больших нагрузок,—площадь соприкосновения с протезом была все-таки недостаточной. Можно себе представить, подумал профессор, какую муку испытывает этот парень, когда топает на протезе: Бухтияров заметил, как при каждом шаге в глазах Ушатого, словно вольфрамовые нити, накаляются от напряжения и боли красноватые прожилки.

— На культю падали?

— Падал. Два раза.

Профессор понимающе покачал головой. Человек, привыкший ходить на двух ногах, очень долго психологически не может смириться с потерей ноги и забывается. Дважды Александр Пет-

рович, вставая со стула без протеза, забывал о своей травме и падал прямо на культю. Боль непереносимая, в обоих случаях терял сознание.

— В общем, так,— сказал профессор.— Будем делать пересадку трансплантата. Популярно говоря, возьмем чужую тазобедренную кость, перевернем ее при пересадке и тем самым увеличим площадь опоры культы. Предупреждаю заранее: операция не из легких.

— Я согласен на все. Мне надо плавать. А для этого я должен ходить не хуже вас, профессор.

Бухтиаров еле заметно усмехнулся: на левой ноге у него был протез собственной разработки. Память войны.

...Трансплантат не приживался. Организм Ушатого отторгал от себя чужую кость. С момента операции прошло больше двух месяцев, наступил еще один Новый год, а Александр Петрович все лежал в клинике Бухтиарова. На культю никак не заживали глубокие язвы, происходило постоянное внутреннее нагноение, и, несмотря на упорную откачку гноя, чужая кость никак не хотела родниться с организмом Ушатого.

Но все равно он продолжал верить профессору, а профессор молчал. Молчал, потому что знал: в данном случае нужно только ждать, набраться терпения и ждать, ждать...

— Понимаешь это?— спросил он Ушатого.— Только время может помочь нам. Ты не о море сейчас думай, не о протезе, ты просто терпи и жди.

— Я не могу не думать о море. Куда от себя денешься? Но я терплю. Я жду...

Он пролежал в клинике Бухтиарова ровно полгода. Сто восемьдесят тяжелых дней и ночей. Трансплантат все-таки прижился. И теперь новый протез опирался на гораздо более широкую поверхность культы, чем прежде. Во второй раз Александр Петрович начал учиться ходить...

«В Министерство морского флота СССР. Ходатайство Киевского НИИ ортопедии:

Ушатый Александр Петрович дважды находился в клинике восстановительного лечения и сложного протезирования. 19 октября 1977 года была выполнена реконструктивно-восстановительная операция на порочной культю правого бедра с применением костно-хрящевое гомотрансплантата для увеличения опорной поверхности культы. 3 августа 1978 года сделано вторичное протезирование с коррекцией приемной полости.

Исходя из предыдущего опыта оперативного лечения и протезирования моряков В. Журова, И. Винокурова, В. Сараева и В. Палия, капитан дальнего плавания А. П. Ушатый также может вернуться к прежней профессии моряка.

Заключение выдано для решения вопроса об использовании А. П. Ушатого на судах дальнего плавания.

Профессор О. А. Бухтиаров».

Из письма генерального консула СССР в городе Генуя в Новороссийское морское пароходство:

«...Находясь на излечении в госпитале Генуи, тов. Ушатый А. П. проявил незаурядную выдержку и сохранил оптимизм, не поддаваясь настроению, связанному с возможностью последующих изменений в его жизни и работе. Более того, он постоянно подчеркивал свое твердое желание вернуться во флот, которому отдал 20 лет своей жизни.

Консульство СССР в Генуе, учитывая высокий моральный дух и стойкость, проявленные тов. Ушатым А. П., считает целесообразным, чтобы

пароходство отметило должным образом его мужественные действия на судне в аварийных условиях, и ходатайствует об удовлетворении пожелания тов. Ушатого А. П. работать в торговом флоте...»

Из письма директоров смешанного советско-итальянского морского агентства «Долфин» начальнику Новороссийского морского пароходства:

«...Хотим выразить Вам свое искреннее восхищение мужеством и моральной выдержкой, проявленными старшим помощником капитана танкера «Новороссийский партизан» тов. Ушатым А. П. В трудных штормовых условиях при отшвартовке, спасая судно от аварии, тов. Ушатый А. П. был тяжело травмирован... Находясь в госпитале города Генуя, тов. Ушатый показал себя настоящим моряком... Итальянские граждане, как служащие нашей компании, так и медицинский персонал госпиталя и его больные, еще раз убедились в высоких моральных качествах советского человека. Мы уверены, что тов. Ушатый Александр Петрович останется в рядах моряков и еще не раз посетит порт Генуя...»

...А он упорно продолжал тренировать в себе выносливость и волю, долгими часами не снимал протез, натирал мозоли, обливался потом от перенапряжения, но ходил, ходил и ходил... Он должен был научиться ходить так, чтобы доказать самой строгой медицинской комиссии: старпом Ушатый годен для любой работы на море, какой бы тяжелой она ни была. И доказал это. Восхищенные мужеством Ушатого, его настойчивостью и непреклонным желанием не расставаться с морем, врачи были вынуждены признать: он может работать на судах дальнего плавания. И тогда руководство пароходства, прекрасно зная морские инструкции и правила, все-таки взяло на себя ответственность и стало ходатайствовать перед Министерством морского флота СССР, чтобы коммунисту Ушатому разрешили в виде исключения работать на море — первым помощником капитана дальнего плавания. Министерство пошло навстречу мужественному моряку и дало «добро».

Но оставался еще один камень преткновения... Инструкцией Министерства здравоохранения СССР строго запрещалось плавать на судах людям с подобными травмами. Нужно было особое, специальное разрешение Министерства здравоохранения лично Ушатому Александру Петровичу...

...К этому небольшому домику в Одессе почтальон подходила всегда с особым чувством. За последние два года много телеграмм и сообщений — от горестных до самых радостных — приходилось ей приносить в этот дом, и каждый раз сердце ее сжималось: что-то сегодня в этом письме, в этом сообщении?

На этот раз она знала текст телеграммы и потому, увидев жену Ушатого, Аллу, весело прокричала:

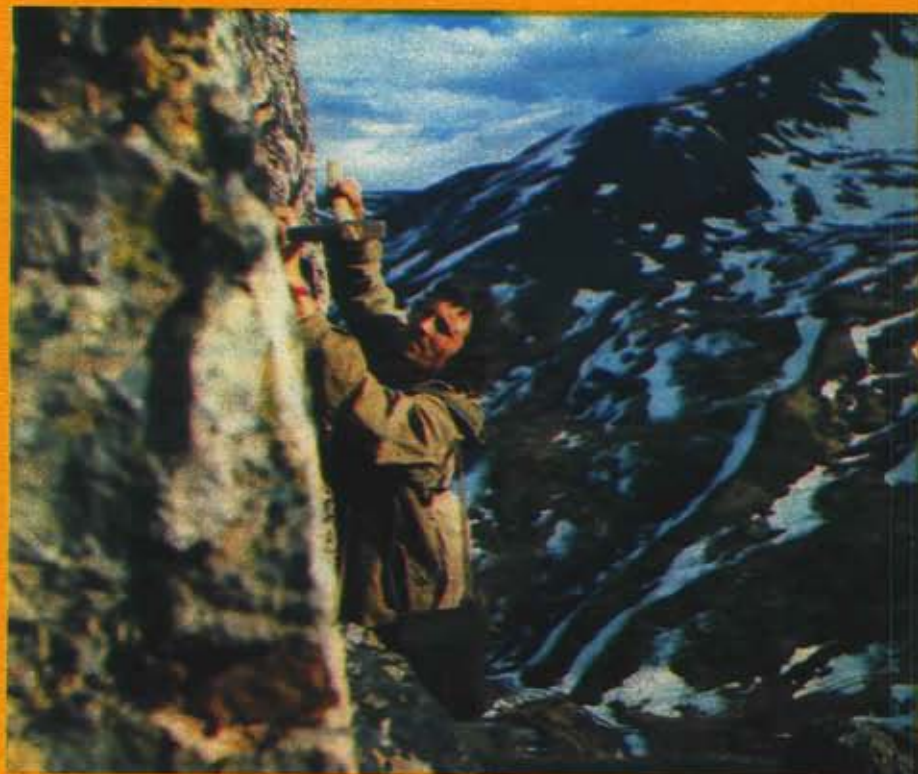
— Эй, Ивановна, с тебя причитается... Телеграмма из Москвы!

На голос почтальонши выбежали из дома ребяташки, вышел и Александр Петрович.

Жена подала ему телеграмму, и пересохшим от волнения голосом Александр Петрович медленно прочитал вслух:

«Разрешение плавать дано Главным управлением Министерства здравоохранения СССР приказом за № 10—7/429 от 14 августа 1978 года».

...Скоро Александру Петровичу Ушатому идти в плавание. Счастливого пути!

Генрих ГУРКОВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.
Специальные корреспонденты
«Смены».

НАШ

Медвежонок Кондрат, коричневый кубарик, веселый и добродушный попрошайка, деловито пожевал мой ботинок, а потом улегся под кровать рядом с рюкзаком, резиновыми сапогами, геологическим молотком.

Я провел ладонью по щеке и сбросил на пол пригоршню комаров. Многовато их здесь все-таки... Мне раньше рассказывали: идет человек, а вокруг него висит комариное облако, словно некий ореол. Казалось, преувеличение. И в Сибири такого не довелось встретить. А на Камчатке увидел: все именно так. Сначала, правда, показалось, не такие они здесь злые, как наши подмосковные кровопийцы. Вроде бы и кусают не так больно и ночью иной раз дают поспать. Но когда через день-два взглянул в зеркало, стало ясно, что зря подозревал их в известной мягкотелости. И снадобья всевозможные, от которых физиономия обретает фактуру кирзового сапога, комаров не смущают. Ты мажешься — они кусают.

Люди, бывает, цветы в книгах засушивают. Здесь это, конечно, тоже можно — желтый камчатский рододендрон с тяжелыми зелеными листьями, с нежным, каким-то хвойным запахом. Или что другое, цветов здесь множество, самых разных. Но открой любую книжку с полки ребят-геологов — там не цветы засушенные, а комары.

В лагере пусто. Все, кроме дежурных, вышли в маршрут. У геологов есть такое известное понятие: «в поле». То есть в экспедиции, в поиске.

— Наше поле — горы, — сказал вчера Валентин Храмов, двадцати-четырехлетний атлет с мушкетерскими усами, сын бухгалтера Аполлона Васильевича и учительницы Нины Петровны из города Балашова, Саратовской области. Волжанин по рождению, тихоокеанец по морской службе, камчадал по гражданской. Служил на сторожевом корабле «Приморский комсомолец». Демобилизовался в шестьдесят седьмом.

У родителей профессия, можно сказать, оседлая. У Валентина — бродячая.

О ЧЕМ РАССКАЖЕТ КАМЕНЬ?

Вчера мы были с ним в маршруте. Шагает он легко, вроде бы и не быстро даже, а попробуй поспей за ним. Склоны здешние крутые. С одного из них сорвался маленький Кондрат — мать-медведица не уследила. Потом в лагере недели три перевязывали ему изодран-

**ЗДЕСЬ ПРОХОДИТ МАРШРУТ.
В ПОИСКЕ—
ВАЛЕНТИН ХРАМКОВ.**

**РЕЗИДЕНЦИЯ ГЕОЛОГА—
ПАЛАТКА...**

ные лапы. Вот по тем как раз склонам и проходит маршрут...

Мы с Петрухиным вечером еле долохлись до лагеря и буквально рухнули на койки. И сегодня «тайм-аут» взяли. А Валентин на рассвете уже ушел. Повозился, как обычно, с Кондратом, покормил собак — ласкового, застенчивого Аяна, нервную, взбалмошную Найду, дурашливого хитрованца Бича — и ушел...

Геологов иной раз представляют себе чем-то вроде туристов. Гитары, песни у костра. Мы были несколько дней в лагере — гитар не слышали. Конечно, в партии одна молодежь, и гитары с собой есть, и радиоприемник «Геолог» существует — профсоюзное достояние. Но вот посмотришь вечером, где-то в районе десяти — половины одиннадцатого, когда только-только начинает садиться сумасбродное здешнее солнце, как тянутся в лагерь ребята с пудовыми мешками образцов, собранных на каменных кручах, слушаешь, как обмениваются репликами по поводу того, что сегодня было, как докладывают об этом Гагику Кочаряну, начальнику партии — обычно тут же, за ужином, — приглядишься к воспаленным глазам, к скулам, темно и резко очерченным, и понимаешь: не до лесен. Устали — это раз. Завтра в шесть утра надо быть в форме — это два. Геология почти всегда

Очень часто — к приветливой и милой жене Гагика Тоне Кочарян, одному из опытных и уже известных молодых геологов Камчатки. Та же репутация и у самого Гагика. Такая здесь «семейственность», в этой экспедиции...

Валентин категоричен:

— Из десяти женщин девять не подходят для работы в поле. Тоня Кочарян — одна из десяти. Не найдешь, наверное, книжки по нашему ремеслу, которую бы она не прочитала. Глаз точный, в горах ориентируется безошибочно. Словом, геолог божьей милостью.

В присутствии Тони он это вряд ли осмелился бы повторить — у геологов не в моде объяснения во взаимных симпатиях. О симпатиях этих только и узнаешь, спросив одного о другом.

Максималистские суждения Валентина по части женщин в геологии поддержки в партии не находят. Толя Панарин, помощник бурильщика, приехал из Кривого Рога с женой, Тамара кухарничает в лагере — и делает это весьма умело. Жалоб по части трудностей и неустроенности бытия от нее никто не слышал.

А практикантки? Галя Лиханова приехала из Якутска, студентка инженерно-технического факультета университета. Наташа Николаева — из Магаданского политехникума. Как они себя «в поле» чувствуют?

— Одна из проблем геологии прошлых времен — слабо развитая лабораторная база, — рассказывает Олег — Пробой обрабатывались в малых количествах. Сегодня мы этой базой располагаем. Отправляем без стеснения образцы для лабораторного анализа, — сколько бы их ни оказалось, если есть подозрение, что чем-то они интересны. У Куваева в «Территории», помните, геолог идет через одну реку, через другую, но камень не берет — кто его обработает, кто даст ответ, есть в нем что-то или нет? А ведь в чистом, явном, несомненном варианте редко что находишь. Хотя и так иной раз случается. Только на это не нужно рассчитывать. Геология — не потеря...

— Мало найти еще какое-то новое месторождение полезных ископаемых, — считает Тоня — Хорошо, конечно, но мало. Да, страна богата ископаемыми, но все ли они сейчас, сегодня доступны? На нашей геологической карте находок множество, но мы ведь не коллекционеры безделушек. Нужно найти то, что особенно требуется. И — что важно — в местах, где можно развернуть масштабное современное производство. Нельзя в нашем деле об этом забывать.

Я прочитал в «Камчатской правде» очень, на мой взгляд, точные слова. Цитирую: «Время требует от нас деловитости. Современный инженер-геолог может быть неприхотлив, прекрасно играть на гитаре, стрелять не хуже Вильгельма Телля и разжигать костер одной спичкой — не это теперь определяет его профессиональную пригодность. Как и его заводской собрат, инженер в геологии должен прежде всего быть деловым человеком, организатором, экономистом, эрудитом, словом — инженером. Необходимость в людях такого типа диктуется новым уровнем требований к геологической службе. Развитие ее не может базироваться на случайных открытиях: рост сырьевой базы планируется теперь не менее строго, чем производство проката, минеральных удобрений, космических кораблей. Потому что одно с другим связано».

Камчатка и геология... Соседство этих слов привычным не назовешь. Главный геолог Центрально-Камчатской геологоразведочной экспедиции Борис Владимирович Грибанов (мы с ним встретились в Милькове, откуда с живописной площадки на фоне хребтов стартует незаменимый «соратник» геологов — вертолетная авиация) рассуждает:

— Когда мы, люди среднего поколения, учились в институтах, Камчатку многие авторитеты считали геологически бесперспективной. Рыба — да. Термальные воды — да. Пейзаж — да, и еще какой! Но полезные ископаемые? Их, утверждали, нет в местных вулканических почвах. Нет и не может быть. Сегодня мы считаем иначе. Среди профессий Камчатки появились новые: геолог, буровик, горный мастер.

Грибанов — худощавый, невысокого роста, с острым, пронзительным взглядом и всепоглощающей улыбкой. Приехал на старом, сердито громышающем велосипеде — поинтересоваться, как обстоят дела с грузами для геологических партий.

Подошла юная красавица в джинсах и майке с портретом Че Гевары, с распущенными волосами, как на этикетке финского сыра «Виола» — он продавался в буфете аэропорта.

— Борис Владимирович, скажите ваше веское слово, пусть меня побыстрее отправят. Как там моя штольня без меня?

Ревет моторы вертолетов. Стартует в сторону гор «малая авиация».

Понесли на внешней подвеске буровой станок. Грузят еще одну машину «Ми-8». Пока есть просвет в свинцовом небе — скорее, скорее...

Эпоха географического открытия Камчатки давно завершена. Эпоха геологического открытия полуострова только предстоит.

В ПОЛЕ-ГОРЫ

сопровождается известной экзотикой, только экзотика, естественно, никогда не составляет суть какой бы то ни было профессии. В том числе и этой.

Там, где не ступала нога человека... Много ли осталось таких мест? Здесь, где работает партия, не ступала. Даже охотники в эти места не поднимались. Не было случая, чтобы хоть раз нашли «постороннюю» консервную банку. А свои не оставляют так, на виду валяться. Укрывают ягелем, камнями. Природа здесь такая, что приметы цивилизации в виде банок и бутылок в нее никак уж не вписываются. Так что тот, кто придет сюда позже, не споткнется взглядом о замусоренный склон. Здесь работают не временные люди. Хозяева.

В геологической партии свой режим и свой ритм работы. Все делается как будто бы и неторопливо, но удивительно четко. Непринужденность отношений. Нет чинов, есть авторитеты. Идут посоветоваться к тому, кто больше знает.

**ПРИВАЛ.
КОРОТКИИ, ДЕЛОВОЙ.**

**ВЕРТОЛЕТ—КАК ЗДЕСЬ
ОБОЙДЕШЬСЯ БЕЗ НЕГО?**

— Я панически боюсь высоты, — шуточно поехлилась Наташа. — Первое время тряслась от страха, когда выходила в горы. Теперь не то чтобы привыкла, но привыкаю... А все остальное здесь — просто потрясающее. Есть что-нибудь красивее Камчатки? Ну, а работать я мечтаю, как Тоня. Все знать, все уметь.

Снова Тоня... О ней же, еще раз сказал Валентин, когда упомянул, что собирается не только сам поступать заочно в Дальневосточный политехнический институт, на факультет геологии, но и жену Нину убедил.

— Она в университете на историческом училась. Целый год ей доказывал, что геология — самая интересная на свете профессия. Она как-то с Тоней долго разговаривала, потом сказала: наверное, ты и она правы. Так что вместе будем готовиться. Учебники уже прислали из Владивостока...

На столе у Олега Едовина — старшего геолога партии — «вчерашние» камни. Очень он возбужденный был, когда вернулся. Бурчал под нос нечто маршевое, разложил образцы на столе и долго свет в палатке не гасил.

Уз окон комитета комсомола производственного объединения «Ждановтяжмаш», расположенного в нескольких комнатах пятиэтажного, из стекла и бетона, административного здания, видна, как на широкой ладони, вся панорама завода. Вернее сказать, не вся, а только ее часть—дальние коричнево-красные корпуса просто уходят за горизонт. Завод, еще лет пятнадцать назад бывший по всем статьям плохоньким, убыточным, сегодня раскинул свои огромные корпуса на месте бывших болот и давно уже перешагнул черту города.

Пройдет еще минут пятнадцать, закончится первая смена, и в комитет, как мы договорились еще в цехе, придет, не скрывая усталости, один из самых молодых токарей завода, Саша Шляпников. Мы выйдем с ним на бойкую и широкую улицу, обогнем вместе с толпой таких же уверенных в себе и в своем предназначении людей, как Саша; заводской Дворец культуры «Искра», на стене которого отсвечивает в лучах яркого солнца металлическая табличка: «...сооружено комсомольцами и молодежью в ознаменование 50-летия Советской власти»,—и сядем в переполненный «Икарус». Он повезет нас, петляя по старым окраинным улицам, к центру города, и Саша, прижавшись ко мне плечом, всю дорогу будет вспоминать, как пришел он год назад с новым дипломом ПТУ в инструментально-штамповочный цех и как они первое время стояли, приглядываясь друг к другу: он и цех.

— Нас сразу восемь человек из училища на один участок пришло. Трудно было сначала с непривычки. Опыта производственного, считай, никакого, только одна теория, ну, и на первых порах с ленью к работе относились. Да и ритм жизни еще прежний был, школьный, что ли,—поболтать, пошутить хотелось. Через неделю поставили меня напарником к Александру Лазарю—ему 29 лет, а он уже кадровый рабочий,—и стал я приглядываться, как он работает. Вот вы у нас в училище были, видели в музее маленькие восьмигранники, один в другом болтаются? Филигранная работа. Ее очень тонким резцом может сделать только настоящий мастер. Такой, как мой первый наставник Саша Лазарь. Вот под его влиянием и стало у меня постепенно отношение к работе меняться.

Осенью истечет Сашина отсрочка от армии, и он с теми семью своими товарищами по училищу считается с цехом и на два года окунется совсем в другую жизнь—армейскую.

— А потом вернешься на завод?—спрашиваю я. Саша смотрит на меня своими голубыми, светлыми глазами и отвечает вопросом на вопрос:

- А в армии учиться можно?
- Не только можно—нужно.
- Я из армии приду, буду поступать в институт.
- А не поступишь, что будешь делать?
- Тогда, наверное, снова приду на завод,— неуверенно отвечает Саша и смотрит в окно автобуса.

Подростки приходят на завод по-разному. Одни—«с улицы», имея за плечами лишь навыки школьных уроков труда, другие—как Саша, после ПТУ, с профессией в руках. Но, как показывает практика, заняв место в рабочем строю, они становятся настоящими рабочими только через определенный срок, который у одних тянется дольше, у других меньше. Между первой снятой резцом стружкой и филигранным изделием—годы ученичества и упорного труда. Мастерами ведь не рождаются, ими становятся. Задача руководителей цеха, бригады, а также не в последнюю очередь комсомольского актива—организовать дело так, чтобы коллектив, в котором юноши и девушки начинают свою трудовую биографию, стал для них подлинной школой жизни и труда.

Большая часть так и происходит. Однако не всегда.

В том же цехе «Ждановтяжмаша» я беседовал с секретарем комсомольского бюро Борисом Ильчуком. Сколько всего работает в его цехе молодых рабочих—выпускников школ и ПТУ,—Борис, к сожалению, сказать мне не смог. Но одну интересную цифру назвал: в январе 1978 года в цех из заводского ПТУ № 4 пришло 25 человек, а к моменту нашей беседы, в октябре, семеро из них уже рассчитались с заводом и отбыли в неизвестном направлении. Причины столь быстрого охлаждения ребят к своей профессии? Борис дал несколько, как мне кажется, расхожих объяснений: маленькая зарплата, неудовлетворительные условия работы, конфликт с мастером.

Зарплата... Выпускник ПТУ, работающий по третьему разряду, получает в этом цехе в среднем

110—120 рублей. Никто из ребят, с кем довелось беседовать, не сказал, что этого им мало. И то правда: все они пока холосты, многие живут с родителями, спиртное не употребляют (признавались в этом честно). Ну, а на кино, одежду и другие необходимые подростку предметы вполне достаточно.

Условия работы... Сомнительно, чтобы ребятам было уютно работать в этом цехе: светло, чисто, станки нестарые, физически работа нетяжелая.

Конфликты с начальством... Ну что ж, бывает и такое. Но, очевидно, если подросток, поссорившись с мастером, другого пути не видит, как только подать заявление об уходе, то начальству, как говорится в этом случае, «не лучше ль на себя оборотиться».

Объяснения Бориса мне показались неубедительными, и я решил разыскать хотя бы одного из тех семерых ребят, которые, не проработав на заводе и восьми месяцев, покинули его. Ребята, с которыми я говорил в цехе, назвали фамилию одного из бывших своих коллег и сообщили, где он теперь работает. Я отправился на строительство заводского общежития, там и нашел Володю С.—он подавал бадью с бетоном на шестой этаж.

— Скажи, Володя, дело-то прошлое, чего ты ушел с завода?

— Не понравилось мне там,—с протестной улыбкой ответил он.

— А что не понравилось? Получал мало?

— Почему, хватало.

— Токарное ремесло разлюбил?

— Да нет, мне станок сразу неплохой дали и работой не обижали...

— Может, с мастером поругался или с ребятами?

— Там захотел поругаться—не поругавшись; все на сдельщине, головы от станка по полсмены не поднимают. Одно на уме—работа. Скучно...

Стоп!

— А ты знал, что в цехе есть молодежный инструментальный ансамбль?

— Нет, не знал,—удивленно поднял глаза Володя.

— А в экскурсию на катере по Азовскому морю тебя приглашали?

— Нет.

— А в спорткомплексе заводском хоть раз был?

— Кто ж меня туда пустит—там заводские команды тренируются.

— Что ж, у тебя и друга в цехе не было?

— Почему, был. Мы с ним и сейчас здесь, на стройке, вместе работаем.

Вопросы мои на этом иссякли. Бригада, комсомольские активисты цеха—вот кто должен был первым встретить и ввести в коллектив Володю и таких, как он, зеленых новичков. Ведь психологический барьер между вчерашним пэтэушником и его сверстником-рабочим значительно ниже, чем между тем же пэтэушником и выдавшим виды рабочим. А тут работу человеку дали, а включить в общественную жизнь позабыли. Вот ребята и «сошли с дистанции».

Более гладко, чем у Володи С., складывается рабочая биография Славы Колмогорова. Он учился в том же ПТУ № 4 и после его окончания попал к известному на заводе наставнику Ивану Ерофеевичу Чернышуку. Тот принял новичка с распростертыми объятиями: его бригаду только что перевели в новый цех, начинать работу пришлось с расконсервации установки станков, рабочих рук не хватало, а «эксперимент с новичками», как выразился Иван Ерофеевич, надо было продолжать. Об этом эксперименте стоит рассказать подробнее, ибо результаты его настолько впечатляющие, что он вполне может служить моделью бригадного метода трудового воспитания подростков.

Еще в 1967 году высококлассный токарь-универсал Иван Чернышук по своей инициативе решил собрать и возглавить бригаду из молодых токарей, только что окончивших заводское ПТУ № 4.

— Я давно присматривался к выпускникам нашего училища,—рассказывал Иван Ерофеевич.—Прихожу ребята в цех, им самые плохие станки дадут, ну и, конечно, работу какую попроще. Поканючит год-полтора и в армию уходит. Ни как специалист за это время не раскрывался, ни цену трудовых денег не познал. И уж после армии ни за что в цех не вернется. Государство на его обучение затратило большие средства, а отдачи никакой не получает.

Я и решил на эксперимент: составить бригаду из одних новичков. Какая цель? А вот какая. За год, что у них до армии остается, во-первых, дать им почувствовать, что они нужны цеху, и, во-вторых, сплотить

в крепкий коллектив. Ведь что получается... Родился человек, подросток чуток—его в садик отдают, там он в компании с другими малышами воспитывается, в школу идет—опять в коллективе, поступил в ПТУ—снова вокруг него такие же, как он, подростки. А вот дальше начинается... Оканчивают училище—и по разным адресам. То чувство единого коллектива, которым они все эти годы жили,—а это, считай, лет 15,—улетучивается. В самом начале своей самостоятельной жизни подросток оказывается один. А в этот момент особенно важно найти коллектив, который бы стал твоим вторым домом. Наша бригада ему такую возможность как раз и предоставляет.

В бригаде, где одни новички, все работают на один наряд, то есть по-зобински. Только у знатного строителя продукция—сданный «под ключ» готовый дом, а здесь—партия выточенных деталей. Денежная оплата идет в «общий котел» и распределяется между членами бригады в зависимости от разряда и рабочих дней. А раз каждый работает на всех и все на тебя, то и трудиться приходится с максимумом усилий, иначе своих же товарищей подведешь. Это коренной принцип Чернышука: он считает, что трудовое воспитание молодого рабочего с первых же дней должно проходить в атмосфере напряженнейшего труда. Не станет он настоящим токарем, если в коллективе, куда вольется, ему сразу же преподнесут пример лениности и разгильдяйства.

Я заметил, что Иван Ерофеевич—ему, кстати, только 46 лет—притягивает ребят, словно магнитное поле: силовые линии его характера, мастерства, педагогического таланта настолько сильны, что те, кто попадает в сферу их притяжения, и сами незаметно для себя начинают формироваться на манер своего наставника. А он тоже любит подмечать перемены в своих «ребятаках».

— Ученики, конечно, бывают разные. Есть тугие на соображение, толкуешь ему, после сотни раз поймет. А есть такие, что на лету ловят. Как Сережа Лёлин, к примеру. Смекалистый паренек, быстро освоил токарное ремесло, сам уже молодежь обучает. Теперь и слава у него. Что ж, почет по работе течет...

Главное—сплотить ребят в коллектив,—повторяет Чернышук.—И еще, чтобы они видели, что делают настоящую, нужную работу. Тогда они к ней с уважением относятся. Придет время в армию уходить—проводим торжественно, а на их место новых из училища возьмем. Потом вернутся те, кто два года назад призывался. Они ведь у меня и служат все вместе в погранвойсках. Это наш комитет комсомола договорился с райвоенкоматом, чтобы не различать их. И получается: в ПТУ они вместе учились, в одной бригаде работали, потом вместе служили, значит, я уверен, и в цех вернутся все вместе.

Это не самонадеянность кадрового рабочего: за 10 лет его школу наставничества прошли более 120 молодых рабочих, и большинство сейчас трудится либо в этом же цехе, либо в соседних.

Здоровая трудовая атмосфера, дружеские отношения молодых со своим наставником, духовная близость друг другу—все это делает их микроколлектив не просто спаянным, а неразлучным сообществом людей. Иначе разве прислал бы из армии Саша Бронников своему бригадиру такое вот письмо: «Дядя Ваня, добрый день! Служить мне осталось всего полгода. Служба интересная: в международном аэропорту Шереметьево охраняю воздушную границу нашего государства. Время летит быстро, и скоро, надеюсь, вся наша бригада снова соберется в полном составе. А у вас, дядя Ваня, я слышал, новая бригада? Что за пацаны в ней? Наверное, опять выпускники нашего ПТУ-4? Есть ли в цехе станки с программным управлением? Если есть, то кто на них работает: старички или молодежь? Ответьте мне на все эти вопросы, я очень жду. С уважением, ваш ученик, ныне сержант погранвойск Бронников».

Знаменитый токарь того же завода бригадир-наставник молодежи Герой Социалистического Труда Алексей Шеховцов, вспоминая пору своего ученичества, отмечал особую роль первого мастера Александра Мироновича Мороза. И Иван Ерофеевич тоже с огромным уважением называл имя своего наставника Николая Антоновича Шимана. Я заметил эту характерную особенность: любой знатный рабочий, с кем приходилось толковать о жизни, признавал первостепенную заслугу в его становлении своего первого учителя. В этом признании—наглядное подтверждение непреходящего значения в нашей жизни преемственности рабочих традиций. Именно их имел в виду А. М. Горький, говоря, что «наши дети являются

наследниками не денег, домов или мебели родителей, а наследниками великих духовных и социальных ценностей, созданных борьбой и трудом отцов и матерей». Не сомневаюсь, Саша Бронников вернется в свой цех, станет бригадиром и тоже будет, как его наставник Иван Ерофеевич Чернышук, воспитывать у молодых рабочих подлинно коммунистическое отношение к труду, гордость за принадлежность к великой семье рабочего класса.

Трудовое воспитание молодежи — сложное и трудоемкое дело, требующее четкой, продуманной организации работы, творческого подхода. В нем заложено столько экономических, социальных, психологических и моральных аспектов, что для его успешного проведения необходим целый комплекс серьезных мероприятий, сеть специальных учреждений.

Ильичевский район города Жданова — район тяжелой индустрии: тут такие гиганты, как объединение «Ждановтяжмаш», металлургический завод имени Ильича, мощный строительный трест и т. д. И райком комсомола один из крупных в городе — на учете более 22 тысяч комсомольцев. Несколько лет назад перед районными организациями особенно остро встал проблема подготовки рабочих кадров, и с ее решением нельзя было медлить. Работникам Ильичевского райкома комсомола во главе с первым секретарем Анатолием Перепелицей было ясно, что именно это направление комсомольской работы должно стать главным в их повседневной деятельности.

Решили провести пленум райкома, посвященный трудовому воспитанию молодежи. Сколько вопросов сразу возникло! Ведь обучением молодежи рабочим профессиям в районе занимались и раньше — прежде всего сами предприятия, которым всегда до зарезу не хватало кадров. Райкому же следовало найти свои формы работы в этом направлении, используя которые комсомольские организации принесли бы общему делу наибольшую пользу. Изобретать что-то новое не имело смысла, ибо комсомольские работники хорошо знали о почине, поддержанном во многих комсомольских организациях страны: «Класс — ПТУ — завод». В Ильичевском районе этот треугольник формировался постепенно. Собственно, два последних компонента треугольника работали четко и слаженно, теперь к ним следовало подтянуть школу и школьный комсомол. Они должны были сделать шаг навстречу ПТУ и производству. Действительно, в районе 19 школ, 3 крупных ПТУ. Способны ли они обеспечивать предприятия кадрами? Несомненно. У одного завода имени Ильича 9 подшефных школ, где в 6—10-х классах учится 3670 человек, — это ли не контингент, из которого черпать молодые рабочие руки!

Никто, конечно, не склонен думать, что любой педагог обладает достаточными знаниями о профессиях, чтобы помочь каждому из учеников «занять в обществе то положение, которое ему наиболее соответствует и которое дает ему наилучшую возможность возвысить себя и общество». И для того, чтобы эта формула К. Маркса обрела суть, в Ильичевском районе на помощь школе пришла организованная на достаточно высоком научном уровне служба профориентации. Служба, в создании которой комсомол сыграл не последнюю роль.

Говорясь к пленуму, райкомовцы решили прежде всего выяснить механизм выбора школьниками своего жизненного пути, то есть понять, под влиянием кого и чего складываются у них те или иные профессиональные намерения. Проанализировали данные анкетного опроса, который проводили в школах района работники лаборатории профориентации завода имени Ильича. Цифры показали, что больше всех влияют на выбор выпускниками будущей профессии родители и близкие, — об этом говорят 56 процентов учащихся. Около 7 процентов ответили, что им помогли экскурсии на подшефные предприятия. 21 проценту выпускников никто не помогал в этом жизненно важном вопросе, и только 17 процентов решили стать рабочими под влиянием школы.

Получив в свои руки эти данные, райком на состоявшемся в начале прошлого года пленуме справедливо сделал вывод о том, что профориентационная работа в школе тогда будет успешной, когда она станет предметом заботы не только администрации, но и комсомольской организации, имеющей в своем арсенале множество специфических, проверенных жизнью и практикой методов работы.

Везде ли, например, в школьных комитетах комсомола есть сектор профориентации? К сожалению, не везде. А ведь там, где всерьез думают о будущем своих выпускников, этот сектор комитета комсомола один из главных. Как, например, в школе № 28, где члены комитета во главе с секретарем Наташей Сибиневой выпускают журнал «В мире профессии», своими силами оформляют кабинет профориентации, а главное — работают рука об руку с шефами — соответствующим сектором комитета комсомола «Ждановтяжмаша»: вместе проводят вечера «Мой завод — моя судьба», встречи с передовиками и новаторами завода — бывшими учащимися школы.

Результативность этой работы можно измерить

сегодня конкретными цифрами: в прошлом году на завод поступило 49 выпускников школы, в ПТУ пошло учиться 76 человек. Это на 22 процента больше, чем два года назад. Факт, бесспорно, связанный с деятельностью школьной комсомольской организации. И крупицы такого полезного опыта райком бережно копил и всемерно старается распространять.

Но, что греха таить, некоторым выпускникам не хватает порой при выборе профессии обыкновенной зрелости, того жизненного опыта, которого не дает, к сожалению, учеба в школе. И тогда на помощь приходит районная служба профориентации.

Работники лаборатории профориентации всеми силами стремятся привлечь выпускников школ к тем или иным профессиям, необходимым сегодня заводам. И в то же время они понимают, что, как бы это ни было сложно, они должны каждому выпускнику помочь разобраться, подходит ему та профессия, которую он выбирает, или нет. При мне в лаборатории профориентации завода имени Ильича пришел десятиклассник 21-й школы Павлик Карпенко — маленький, щупленький паренек, ну прямо «мужичок с ноготок». «Вы у нас в классе проводили анкетирование и всем говорили «приходите». Вот я и пришел. Хочу быть токарем».

Начальник лаборатории Тамара Яковлевна Божко усадила Павлика перед собой на стул, а у того ноги до пола не достают. Спрашивает мальчишку: «Ты почему токарем решил стать?» «Я машины всякие, технику люблю», — отвечает тот. «Ну, а токарный станок когда-нибудь видел?» «А как же. Мы и на экскурсии в цехе были. Мне понравилось». «То, что понравилось, это хорошо. Только подрасти тебе, Павлик, немного надо. Да и 18 лет тебе еще нет». «Ну и что? А я хочу работать», — твердо заявил Павлик. «Ладно, — Тамара Яковлевна улыбнулась, — раз ты такой настойчивый, давай с тобой пройдем в цех!»

Они пошли в цех, где Павлик, понаблюдав за работой токарей, сам убедился, что придется ему повременить с профессией станочника, а на обратном пути Тамара Яковлевна повела его через транспортный цех и как бы между прочим рассказывала о шоферском деле и специальностях, нужных автокомбинату. Опытный профконсультант, она вовремя заметила, что по всем объективным характеристикам — слабое представление о профессии токаря, физическое строение, интерес к машинам. — Павлику лучше всего выбрать автодело. И не ошиблась. На следующий день он азартно бегал от одного сотрудника отдела кадров к другому, оформляясь учеником автослесаря.

Не следует, конечно, думать, что именно таким способом работники службы профориентации и решают судьбы подростков. Эпизод с Павликом — частный случай. Заводские лаборатории профориентации имеют научно обоснованные данные, обстоятельно объясняющие каждому подростку, что призвание к профессии фрезеровщика выражается так-то и так, а к профессии, скажем, кулинара по-другому.

Может быть, ребята не знают, какие профессии больше всего нужны предприятиям района? Нет, и этот вопрос продуман: в помощь молодежи, оканчивающей школу, лабораториями выпущены «Памятки-приглашения», проспекты, буклеты, сборники материалов о рабочих профессиях — основных на этих предприятиях.

Эффективна ли проводимая работа? Бесспорно. В райкоме комсомола меня познакомили с такими цифрами. В прошлом году в ПТУ пришло учиться 782 человека: 559 восьмиклассников и 223 выпускника 10-х классов, из них двумстам райком выдал комсомольские путевки. Пожелали начать трудовую жизнь непосредственно в сфере производства 573 человека. Но вот что любопытно: из этих 573 выпускников всего 6 человек пошли на стройки. Строительные специальности оказались непопулярными в таком промышленном районе, как Ильичевский. А ведь строят здесь очень много, и молодые кадры, естественно, в этой отрасли большой дефицит.

Калпей в море выглядят и цифры, характеризующие количество школьников района, решивших найти свое профессиональное призвание в торговле или в сфере обслуживания: из 1124 юношей и девушек, окончивших в 1978 году 10-е классы, только 76 выбрали эти две отрасли хозяйства. Я зашел в несколько магазинов города Жданова и почти не увидел за прилавком юных лиц. Поднялся на второй этаж Дома быта — там ателье верхней одежды — и понял, что большинство портных и закройщиков приближаются к пенсионному возрасту. Не очень популярны и такие профессии, как повар или официант.

Спросил секретаря райкома Татьяну Кудинову, чем объяснить такое равнодушие молодежи к столь необходимому нам всем специальностям и не забыли ли профориентационную работу в этом направлении. Татьяна поведала мне, что для ориентации школьников на эти «непрестижные» в районе профессии райкомом и первичными организациями проводятся различные мероприятия. «Какие?» — поинтересовался я. И услышал в ответ все то же перечисление:

конкурсы по профессиям — кулинаров, поваров, официантов, выставки кондитерских изделий и даже их дегаустация во время проведения в ДК «Искра» массовых комсомольских мероприятий. А на следующий день, знакомясь с материалами того самого пленума, который обсуждал работу по трудовому воспитанию и профориентации, прочитал выступление члена комитета комсомола ПТУ № 4 Лены Ивановой, в котором она сетовала на то, что ни на конкурсах, ни на профориентационных встречах почти не бывает школьников. Напрашивается вопрос: на кого же тогда рассчитаны эти конкурсы и вечера? На учащихся ПТУ, которые уже худо-бедно сориентировались в выборе профессии? И не является ли это результатом такой, прямо скажем, однобокой и недальновидной профориентационной работы, при которой чуть ли не все юноши и девушки должны становиться только в ряды токарей, слесарей, фрезеровщиков, металлургов и т. д.? Ведь не менее остро сегодня ощущается нужда в молодых, культурных людях, которые влились бы свежей струей в сферу бытового обслуживания, в торговлю. К этому призывал, обращаясь к комсомолу с трибуны XVIII съезда ВЛКСМ, Леонид Ильич Брежнев.

Я хочу, чтобы меня правильно поняли комсомольские работники: профессиональная ориентация — явление управляемое, подчиненное в равной мере и интересам подростка, вступающего в самостоятельную рабочую жизнь, и интересам производства. Но если комсомольская работа в этой направленности сводится только к проведению массовых, всеохватывающих мероприятий, тогда легко можно самоуспокоиться и вскоре вообще перестать аналитически размышлять над насущными вопросами заводской жизни и над судьбой того паренка, который, проработав на заводе всего несколько месяцев, преспокойно продемонстрировал всем свою «охоту к перемене мест». Самоуспокоенность — вот тот червь, который более всего опасен в комсомольской работе. Об этом первый секретарь райкома комсомола Анатолий Перепелица не перестает говорить работникам аппарата райкома и комсомольским активистам.

То, что сегодня партийные, хозяйственные, общественные организации района, в том числе и комсомол, всем, чем только можно, помогают профориентации и трудовому обучению молодежи, — это факт, с некоторых пор норма. Немало затрат и хлопот — материальных, организационных и моральных — потребовало от всех перечисленных организаций строительство межшкольного учебно-производственного комбината. Такие УПК сегодня есть во многих городах страны. Они дают школьникам не только необходимую политехническую подготовку, с которой те потом легко и свободно занимают рабочие места в цехах заводов, но и помогают выпускникам правильно определить свое профессиональное призвание. В конце прошлого года открыт УПК и в Ильичевском районе. В нем обучаются двенадцати самым необходимым для предприятий района профессиям более двух тысяч учащихся 9—10-х классов. Их учат девять преподавателей с высшим образованием, семь со среднетехническим. Каждый из них имеет за плечами более 20 лет трудового стажа. Цифры эти хоть и убедительны, но не их хотелось бы подчеркивать. Есть вещи, которые цифровому анализу не поддаются. В самом деле, никакими таблицами ведь не измерить степень нравственного возмужания школьника в процессе труда. И нет пока такой шкалы, на которой можно было бы отложить ту уверенность в себе, которую дают юношам и девушкам, прошедшим курс политехнического обучения в УПК, удостоверения о присвоении рабочего разряда.

Сегодня межшкольный УПК — объект шефства заводских и школьных комитетов комсомола, райкомовских работников. И это тоже стоит отметить особо, ибо нередко еще, к сожалению, приходится наблюдать, что комсомольские организации вроде бы и являются участниками какого-либо важного дела, осуществляемого партийными и хозяйственными органами, но участниками формальными, пассивными. Мол, зачем нам лишняя обуза, хлопоты: без нас обойдутся и все отлично сделают... В данном случае райком комсомола сразу очень верно нашел в общем деле свое поле деятельности: по четкому графику проводил субботники по уборке и обустройству прилегающей территории, на райкомовских оперативках, которые проходили прямо в здании УПК, решал то и дело возникавшие хозяйственные и организационные проблемы и, наконец, выступил с инициативой закончить ремонтные работы к открытию республиканского партийного съезда. Шефство над «новорожденным» УПК не прерывается и по сей день.

Мне приятно писать о поисках и находках работников Ильичевского райкома комсомола города Жданова в такой сложной работе, как трудовое воспитание молодежи. Они на верном пути. Но мне очень интересно было бы через два года снова приехать в Жданов, чтобы узнать, вернулся ли на завод демобилизованный солдат Саша Шляпников, и посмотреть, кто из семерых его товарищей остался верен своему городу, заводу, цеху.

В конце прошлого года в нашей стране зарегистрирован 52-й вид спорта — каратэ. Созданные федерации по этому виду спортивного единоборства вызвали большой интерес у многих наших читателей.

Предлагаем вашему вниманию запись беседы известного артиста Анатолия КУЗНЕЦОВА и одного из зачинателей каратэ в СССР Алексея ШТУРМИНА.

А. ШТУРМИН. По праву хозяина, позвольте сначала задать вам один вопрос, ответ на который сразу внесет определенную ясность в предмет беседы и в дальнейшем позволит избежать двусмысленностей.

А. КУЗНЕЦОВ. Конечно. Тем более, ответив вам, в свою очередь, обретаю право спрашивать. А у меня вопросов очень много.

А. ШТУРМИН. Вас привело сегодня в наш зал обычное человеческое любопытство или что-то еще? Только откровенно.

А. КУЗНЕЦОВ. Что ж, определенность вопроса подразумевает и определенность ответа. Но не все так просто. В прошлом я сам увлекался спортом, причем занимался самыми разными его видами, в том числе борьбой и боксом. Кстати, у вас на тренировке я встретил своего бывшего тренера по классической борьбе — Михаила Абдулхакова. Стало быть, в первую очередь, интерес чисто спортивный. Во-вторых, о каратэ в последнее время говорят все больше и больше, говорят разное. Одни считают, что человек, овладевший приемами каратэ, становится чуть ли не опасным для окружающих, ибо способен ребром ладони перерубать кирпич, другие считают, что каратэ — это не более чем философия, не имеющая ничего общего с физическим самоусовершенствованием. Словом, говорят многое. У меня на этот счет свое мнение, которое я и хотел проверить. Кстати, редакция как раз уполномочила меня выразить интересы непосвященного большинства, хотя я о каратэ уже кое-что до этого знал. И, наконец, я актер, и познания в самых различных сферах просто помогают мне в моем деле. К тому же у киноискусства и у спорта немало общего, я убедился в этом еще раз, работая над ролью в картине «В зоне особого внимания». Так что мы можем найти немало точек соприкосновения.

А. ШТУРМИН. Конечно. Но прежде, мне думается, надо все-таки дать более или менее точное определение каратэ. Так вот, рассуждая категориями философскими, это — воспитание духа через воспитание тела. Постигая искусство боя — искусство защиты и нападения, — каратист далек от мысли применить свои знания где-либо, кроме спортзала. Все каноны каратэ проникнуты благородством, чистотой, рыцарством. Итак, каратэ — это целая система воспитания, я бы сказал, даже система жизни, которой нельзя овладеть однобоко, выучив, как это можно в борьбе, ряд приемов.

А. КУЗНЕЦОВ. Значит, к каратэ нельзя относиться только как к физическому воспитанию?

А. ШТУРМИН. Да. Я не хочу что-то чему-то противопоставлять. Но спорт в чистом виде — это лишь частичка каратэ. Скажем, иной спортсмен, закончив тренировку, может полностью переключиться на какие-то другие вещи, стать, так сказать, обычным человеком до следующей тренировки или состязания. Каратист же обязан постоянно нести в себе некий духовный заряд, вложенный в него учителем. Занятия каратэ вырабатывают в человеке качества, которые определяют все его поступки.

А. КУЗНЕЦОВ. Например?

А. ШТУРМИН. Воспитанник школы должен быть предельно тактичен, уважителен к старшим. Он не имеет права совершить бесцельный поступок, всегда собран, всегда готов встать на защиту слабого, далек от зависти, притворства, не говоря уже о том, что каратист не употребляет алкоголя, не курит... А еще он должен уметь видеть и чувствовать прекрасное, будь это пыльца на цветах, восход солнца или произведения искусства. Ведь каратэ — это тоже искусство. Военное искусство, родившееся тысячелетия назад на Востоке.

А. КУЗНЕЦОВ. На этот счет немало разных мнений. Какая же страна все-таки была родиной каратэ?

А. ШТУРМИН. Многие считают, что ею была Индия. Этому немало доказательств. Открыты, например, несколько памятников древнего искусства, на которых изображен будда, а охраняют его буддийские монахи, принявшие позиции каратэ. Однако не исключено, что искусство каратэ развилось одновременно в нескольких странах и пришло в Японию уже в синтезированном виде. Новейшая же история каратэ, которой, кстати, тоже немало веков, берет свое начало на Окинаве. Лишенные своими феодалами права носить оружие, японские крестьяне использовали каратэ для защиты своих интересов, себя, своих близких в схватках с врагами. Отсюда одно из толкований слова «каратэ»: кара — пустая, тэ — рука.

А. КУЗНЕЦОВ. Но откуда в каратэ столько пласти-

ки, изящества, своеобразной отточенности каждого движения?

А. ШТУРМИН. Вы когда-нибудь обращали внимание, как грациозны и стремительны движения кошки или тигра? Так вот, создатели каратэ заимствовали у животных и у птиц эту геометрическую законченность движений, их экономность, стремительность в атаке. Причем по технике древних каратистов легко можно было догадаться, к какой школе они принадлежат. Жителей горных районов, где людям приходилось много лазать и ходить, отличало искусство наносить сильные и точные удары ногами, совершать высокие прыжки, быстро перемещаться с места на место. Тех же, кто жил вблизи реки или моря, где людям приходилось много плавать, работать веслами, отличало, напротив, умение защищаться и атаковать различными частями рук — ребром и тыльной стороной ладони, кулаком, пальцами, локтем и так далее.

Однако я вас совсем заговорил. А ведь мне интересно кое-что выяснить. Вы видели сегодня методику тренировки, ката — то есть развивающие технику упражнения, кумитэ — свободные поединки. Какое впечатление на вас все это произвело? Нам крайне интересно знать мнение неискушенного человека.

А. КУЗНЕЦОВ. Я и сейчас не чужд спорту и знаю, что такое реакция, собранность, хороший удар. Техника, которую демонстрируют ваши воспитанники школы, поражает отточенностью, у некоторых спортсменов она просто безукоризненна. Во время тренировки они напоминают машину, которой чужды человеческие эмоции, каждое ее движение запрограммировано, каждый узел точно выполняет определенные функции. Я пытался, не скрою, хоть приблизительно угадать, что владеет мыслями того или иного

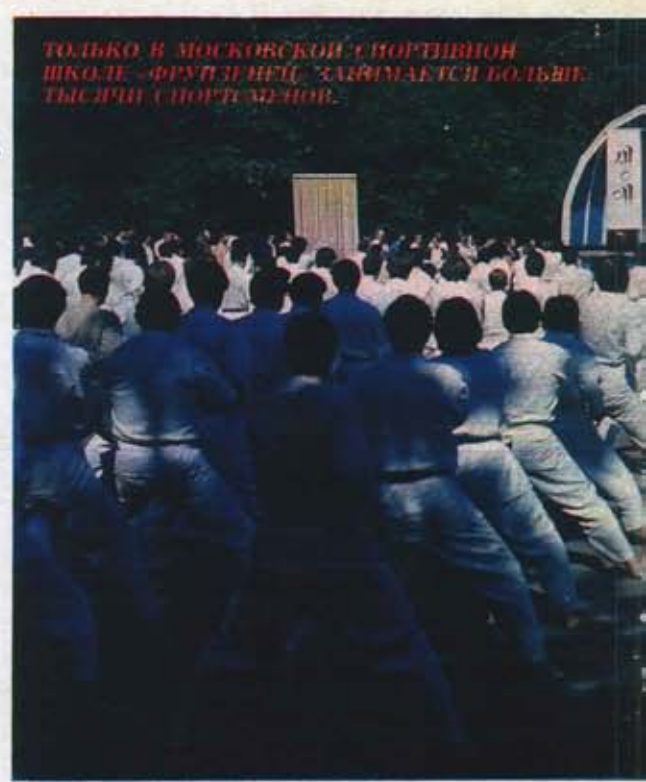
Анатолий КУЗНЕЦОВ,
заслуженный артист РСФСР.

КАРАТЭ ПУСТАЯ

спортсмена, выполняющего сложнейшее упражнение, по его глазам, по лицу, но у меня ничего не вышло. Ни глаза, ни лицо ничего не выражали. То ли это была искусная маска, то ли мысли спортсмена сосредоточены на чем-то, что лежит вне его эмоциональной сферы. Я помню ваши слова, с которых начались занятия: «Оставьте все свои проблемы, свои печали и даже радости за стенами зала, сосредоточьтесь только на тренировке». Я думал, что это свойственно только людям нашей профессии. Когда мы приходим в театр или на съемочную площадку, для нас перестает существовать все, не относящееся к нашей работе...

А. ШТУРМИН. Сосредоточенность — главное условие тренировки каратистов, иначе ничего не выйдет. В схватке, которая, как вы заметили, длится очень недолго и проходит в стремительном темпе, каратисту некогда размышлять, на каждую атаку соперника он должен рефлекторно ответить каскадом приемов защиты и тут же атаковать самому. Необходимо воспитать в себе способность, не задумываясь, реагировать на все действия соперника, подсознательно, с четкостью машины, выбирать лучший способ защиты и нападения. Перед спортсменом всегда воображаемый или действительный противник. И каратист, тренируясь, должен видеть только его и реагировать только на его действия. Впрочем, вы наблюдали сегодня за тренировкой лучших и опытейших из тех, кто занимается каратэ в школе «Фрунзенец». Они носят звание инструкторов, а многие из них уже сами имеют учеников.

А. КУЗНЕЦОВ. Применительно к нашей работе это называется «быть в партнере», а попросту говоря — реагировать только на партнера и на предлагаемые обстоятельства, полностью забыв о себе... Да, и еще сегодня меня поразила атмосфера высокой дисциплинированности, царившая в зале, то уважение, которое проявляли спортсмены друг к другу, к месту, где они тренируются, к учителю, то есть к вам, Алексею. Ваши замечания в ходе тренировки не только не вызвали никаких возражений с их стороны, но, напротив, вас благодарили за них — традици-

онным поклоном. Ну и последнее, пожалуй, это огромный энтузиазм спортсменов, их желание работать с полной самоотдачей. Я убежден в том, что если бы все наши спортсмены тренировались с таким старанием, с таким накалом, их спортивные результаты были бы значительно выше нынешних, хотя они и так достаточно высоки.

А. ШТУРМИН. Благодарю за добрые слова. Однако в том, что вы заметили, нет ничего исключительного. Каратэ основано на высокой дисциплине его приверженцев, так же как и на безграничной вере в учителя, уважении своих товарищей, своей школы. Это азы духовного воспитания, заложенного в самом понятии «каратэ». Однако было бы неверно полагать, что мы слепо копируем древние традиции каратэ со всеми условностями. Мы берем у каратэ лучшее—систему физического воспитания, элементы воспитания нравственного, дополняя его нашим современным, советским пониманием чести, долга перед Родиной, гражданской ответственности, человеческой морали.

А. КУЗНЕЦОВ. Я вам еще не сказал, что первое знакомство с каратэ и с представителями вашей школы произошло у меня на съемке фильма «В зоне особого внимания». Так уж получилось, что играл я роль офицера, который в силу своих должностных обязанностей «воюет» против главных героев фильма—группы десантников, посланных в тыл «северных» со специальным заданием. И вот тут происходит странная вещь: все мы—группа актеров, снимающихся в ролях противников,—тем не менее в своей за кадровой жизни симпатизируем главным героям, мы по-человечески на стороне тех, кто в экстремальных, чрезвычайно сложных обстоятельствах проявляет огромное мужество, с честью проходит все испыта-

как не приходится бывать нашему брату во время съемок! Тут и жара, и холод, и серьезные физические нагрузки. Зритель порой даже не представляет себе, какого огромного труда стоит десяткам людей единственный эпизод. И поэтому мало у кого из актеров вы не обнаружите дома полного набора гантелей, эспандера, лыж и прочего. Это тот случай, когда спорт и искусство смыкаются самым непосредственным образом.

А. ШТУРМИН. Так и должно быть. Но почему вы говорите только о людях вашей профессии? На мой взгляд, каждый мужчина должен быть закален физически. Это, если хотите, его обязанность перед обществом. Ведь человек, хорошо развитый физически, как доказано специалистами, быстрее и лучше справляется со своей работой, он более коммуникабелен, его жизнь богаче во всех отношениях. Не зря в армии уделяют так много внимания физической тренированности, ибо даже при наличии мощнейших технических средств от человека, от его реакции, психологической устойчивости, выносливости зависит если не все, то многое. Физически закаленный оператор ракетного комплекса быстрее справится со своей задачей, чем его товарищ, равный по опыту, но никогда не занимавшийся спортом. Та же зависимость и в обычной жизни. Но мы почему-то считаем, что армия армией, а после нее—дело другое. И говоря о производственных резервах, повышении производительности труда, забываем о таком могучем факторе, как мобилизация ресурсов, заложенных в самом человеке.

А. КУЗНЕЦОВ. А сколько, по-вашему, необходимо времени, чтобы полностью овладеть техникой каратэ?

А. ШТУРМИН. Это, знаете ли, вопрос вопросов. Во-первых, школ каратэ множество и овладеть всеми их секретами практически невозможно, даже если затратить на это всю свою жизнь. Если говорить о каком-то оптимуме знаний техники каратэ, которыми располагают основные центры Азии и Европы, то здесь уже проще. Я считаю, что на первоначальную подготовку спортсмену нужно не меньше трех лет. Но и это очень условно, все зависит от индивидуальных особенностей каждого, общей физической подготовки, образа жизни, возраста, психологии человека и так далее.

А. КУЗНЕЦОВ. Значит, через три года тренировок спортсмен может рассчитывать на присуждение первого спортивного разряда, или дана, если пользоваться вашей терминологией.

А. ШТУРМИН. Примерно так. Но, повторяю, все очень индивидуально. У нас немало случаев, когда люди не выдерживали физических нагрузок—ведь каждый день на тренировки надо тратить несколько часов,—и уходили из школы. В то же время другие благодаря упорной работе преодолевали путь от новичка до сложившегося спортсмена каратэ за два года и даже быстрее. Но чем больше вы занимаетесь, тем безграничнее представляются возможности познания искусства каратэ. К тому же почти до бесконечности можно работать над шлифовкой, совершенствованием уже, казалось бы, пройденных элементов и упражнении.

А. КУЗНЕЦОВ. Я заметил сегодня, что одни и те же упражнения спортсмены выполняют по-разному. У кого-то получается чище, резче, концентрированнее, а кто-то защищается и атакует недостаточно четко.

А. ШТУРМИН. Правильно. Все, как и в любом спортзале, где тренируются спортсмены различной квалификации. Вы ведь обратили внимание, что у них разного цвета пояса—от белого до черного. Черный—отличие мастера, белый—первое спортивное звание в каратэ. Но и мастер от мастера может отличаться довольно резко, ведь категория мастера присваивается человеку за определенный минимум знаний и побед, максимума же установить для него практически невозможно.

А. КУЗНЕЦОВ. Знакомая ситуация. Артистами называют всех, окончивших соответствующие учебные заведения. Но никто из нас не может сказать, что наконец-таки овладел всеми тайнами актерского мастерства. А вот разница в квалификации очень даже заметна. К примеру, играет молодой актер свою роль точно по сценарию. Все делает верно, все как будто соответствует образу. Но эпизод не смотрится, чего-то в нем не хватает, а чего именно, никто не может понять. И бытует над этим эпизодом до тех пор, пока кто-нибудь из старых мастеров не посоветует: «Попробуй поимпровизировать, забудь о тексте». «Что же тут можно придумать?»—удивляется молодой коллега. И все же на следующем дубле он вместо молчаливого поворота головы в ответ на просьбу партнера дать ему чай говорит: «Не дам». Тот подхватывает игру и заявляет совсем не по тексту: «Нет, дашь!» «Не дам, и все». В результате эпизод оживает. Вот что значит совет опытного мастера. А как, кстати, у вас обстоит дело с импровизацией, Алексей?

Каратэ-ружко

Алексей ШТУРМИН,
заместитель председателя
федерации каратэ СССР,
руководитель школы каратэ
спортклуба «Фрунзенец»,
кандидат технических наук.

ния и побеждает. Поэтому, кстати, люблю своего Сухова, которого сыграл в «Белом солнце пустыни».

В работе над фильмом нам помогала группа спортсменов. Руководил ими Тадеуш Касьянов, который оказался не только прекрасным мастером своего дела (помните сцену в домике лесника, где прапорщик разделяется с четырьмя бандитами? Так вот, дрался за прапорщика Касьянов), но и просто симпатичным человеком, добрым, отзывчивым, великодушным. Он и его товарищи не просто участвовали в постановке самых острых трюковых моментов фильма, но и быстро нашли общий творческий язык с актерами, привнесли с собой в наш коллектив какую-то особую доброжелательность. После знакомства с ними наши актеры, особенно молодежь, стали выглядеть как-то более поднято.

А. ШТУРМИН. Кстати сказать, спорт почти всегда приносит в искусство, в кино в особенности, дополнительный элемент зрелищности. Ваш Сухов в «Белом солнце пустыни», на мой взгляд, значительно бы потерял как личность, не умей он мастерски владеть своим телом. Блестящая сцена у баржи, когда ваш герой обезоруживает бандита и в падении успевает несколько раз выстрелить,—прекрасный пример того, как актер может благодаря чисто спортивному мастерству усилить эпизод, сделать его динамичнее, острее. И мне думается, что спокойствие, уверенность Сухова в какой-то степени производные от его силы, от умения владеть оружием, знания всяких военных хитростей. Интересно, как вы работали над этим эпизодом?

А. КУЗНЕЦОВ. Понадобилось несколько дней тренировок, чтобы безошибочно провести прием, с помощью которого я выбиваю оружие, и научиться минимум три раза успеть выстрелить в падении, ведь эпизод снимался в чистом, так сказать, натуральном виде. О том, что его можно смонтировать, мы тогда просто не думали. И это один только прием. Сколько же сил и времени тратит спортсмен вашей школы на овладение всей техникой каратэ! А если говорить вообще, то спорт в актерской подготовке—один из важнейших элементов. Ведь в каких только передел-

Фото Александра КОСТЕНКО.

А. ШТУРМИН. Сложнее. Каратист должен импровизировать, если можно так выразиться, на уровне подсознания. Ведь стоит ему на мгновение отвлечься, как он может пропустить удар. Тут все решает техника, реакция, сумма заложенных в спортсмена знаний, его способность ответить на маневр соперника контрманевром, серией неожиданных, точных ударов. Но каждый из них, пусть даже нанесенный подсознательно, контролируется мышечной системой спортсмена. Он же сам должен реагировать только на реальное изменение ситуации боя, а не программировать его в уме, потому что малейшая ошибка грозит обернуться для него поражением. Например, спортсмен заметил, что его соперник принял неверную позицию. Зрительный центр мозга тотчас посылает сигнал мышечной системе — атакуй. И опять же спортсмен не раздумывает, какой ногой или рукой ударить, но наносит правильный удар. Именно благодаря технике, доведенной до автоматизма. И это происходит быстрее, чем успело бы сработать его сознание.

А. КУЗНЕЦОВ. Если я правильно понял, спортсмен должен реагировать в период всей схватки на складывающуюся ситуацию с одинаковой остротой, что исключает какой-то шаблон в его манере ведения поединка.

А. ШТУРМИН. В общем, так. И не только во время схватки, но и во время тренировки. Вы обратили внимание на то, что почти все упражнения делаются по счету?

А. КУЗНЕЦОВ. Да.

А. ШТУРМИН. Это тоже не просто так. Я считаю: «Ити... ни... сан... си» — и внезапно прерываю счет. Зал замирает, за исключением одного-двух спортсменов, которые восприняли мой счет за заданный ритм и, включившись в него, ослабили реакцию. Это грубейшая ошибка в каратэ. Во время поединка противник, к примеру, несколько раз подряд наносит удары левой ногой, вы успешно отражаете их, и вот очередное перемещение противника, которое ведет за собой, как вам кажется, опять удар левой, и вы соответственно строите свою защиту. Но... неожиданно пропускаете удар с другой стороны. Почему? Да потому, что, поддавшись ритму, ослабили контроль за партнером, что-то упустили в его маневрах.

А. КУЗНЕЦОВ. Вот вы, Алексей, уже не один раз употребили слово «удар». А я сегодня, сколько ни смотрел, не заметил, чтобы кто-нибудь действительно ударил партнера по-настоящему. Это были едва заметные касания, не больше. Но даже в этом случае схватка зачастую прекращалась, и партнеры просили друг у друга извинения. Помню, как в пору моего увлечения боксом мы успевали за полтора часа тренировки заработать не один синяк. А тут прямо какая-то сверхделикатность. Разве не правильнее вырабатывать у спортсмена на тренировках своеобразный иммунитет к ударам?

А. ШТУРМИН. В этом просто нет необходимости, потому что даже на соревнованиях спортсмены лишь обозначают удар, останавливая руку или ногу в нескольких миллиметрах от тела соперника. Это не значит, что они работают вплотную, даже в бесконтактном единоборстве каратисты концентрируют в ударе всю мощь, на которую они способны. Искусство же в совершенстве владеть своим телом, управлять каждой мышцей, каждой клеткой помогает им не нанести удар, опасный для партнера. Если же на соревнованиях кто-то из спортсменов нарушил это правило, победа безоговорочно присуждается его сопернику. Во всех остальных случаях победителем становится тот, кто тщательно оборонялся и нанес больше число ударов, которые не были блокированы противником. Нечто подобное происходит и в кино. Ведь мы судим о мастерстве актера не по тому, насколько в действительности сильно он ударил бандита, а по тому, как он это сделал.

А. КУЗНЕЦОВ. По-моему, в этом отношении бокс даже менее гуманен, чем каратэ...

А. ШТУРМИН. Не совсем так. Если разрешить спортсменам, занимающимся каратэ, контактные схватки (а в нашей стране, как и почти во всем мире, культивируется традиционное, или бесконтактное, каратэ), они могут нанести друг другу самые серьезные повреждения, которые не идут ни в какое сравнение с теми, что получает на ринге боксер. Ведь удар в каратэ проводится не защищенными перчатками суставами рук и ног, он гораздо концентрированнее и наносится, как правило, в наиболее уязвимые части тела. О силе этих ударов вы, наверное, уже можете судить...

А. КУЗНЕЦОВ. Да, знаете ли, я потом специально рассматривал доски, которые сегодня ломали ваши ребята одним ударом руки или ноги. Каждая из них не тоньше четырех сантиметров. Как это им удается?

А. ШТУРМИН. Концентрация воли, мускульной энергии плюс техника удара. Сам процесс разбивания доски — своеобразный тренинг для каратиста. Скажу больше: наиболее подготовленные переламывают

набор сосновых досок толщиной в 12 сантиметров. Впрочем, это могут быть и кирпичи, и черепица, и вообще все что угодно. Вы слышали когда-нибудь легенду о старике, который без оружия справился с тигром-людоедом?

А. КУЗНЕЦОВ. Нет. Но убежден, что история древнего каратэ богата интереснейшими легендами.

А. ШТУРМИН. Так вот, несчастье обрушилось внезапно. Огромный тигр-людоед спустился с гор и начал нападать на беззащитных жителей уединенной деревушки. Крестьяне обратились за помощью к двум отважным молодым охотникам, живущим неподалеку. На рассвете смельчаки отправились на то место, где в последний раз видели тигра, и, привязав к дереву для приманки маленького ягненка, устроили засаду. Время тянулось медленно, а тигр не появлялся. Неожиданно на поляну вышел старик с развевающейся седой бородой. Увидев его, охотники рассказали ему про тигра и посоветовали спрятаться. Незнакомец улыбнулся и сказал, что он уже убил тигра и тот лежит неподалеку. Охотники решили, что старик, видимо, не в своем уме: мог ли он один справиться со страшным зверем. Заметив их явное недоверие, путник повернулся и спокойно пошел своей дорогой. Охотники направились в том направлении, которое указал им старик, и вскоре увидели лежавшего на земле тигра. Они внимательно осмотрели его, рассчитывая найти раны, нанесенные каким-либо оружием, но ничего не заметили. Наконец охотники обнаружили, что у него сломан хребет. Какой же силой и ловкостью должен обладать человек, чтобы в одиночку и без оружия справиться с хищником! Вернувшись в деревню, охотники рассказали крестьянам о случившемся. И тогда кто-то вспомнил, что уже видел этого старика и что это великий мастер каратэ из соседней провинции.

А. КУЗНЕЦОВ. Да, не хотел бы я встретиться и не поделить что-нибудь с таким вот стариком. Кстати, а в вашей тренерской практике не было случая, чтобы ваш воспитаник, забывшись, продемонстрировал свою технику на улице, избрав в качестве противника кого-нибудь из прохожих?

А. ШТУРМИН. Понимаю ваши опасения. Спортсмен, уже что-то освоивший из каратэ, никогда не вяжется в ссору. Это противоречит его принципам, самому духу каратэ. Во всяком случае, за все девять лет существования школы «фрунзенцев» не было ни одного подобного прецедента. Зато есть факты, когда наши спортсмены помогали милиции обезвредить преступников или остановить зарвавшихся хулиганов.

А. КУЗНЕЦОВ. Ну, а все-таки, Алексей, давайте вместе попробуем разобраться, как же в каратэ сочетаются спорт и искусство... Мне кажется, что каратэ, как и искусство, в чем-то условно, взять хотя бы бесконтактность — раз. Два — это его зрелищность. Три — каратэ воспитывает в человеке чувство справедливости, благородство души, доброту, мужество — словом, лучшие нравственные качества. Тому же служит искусство. И потом сама пластика, гармоничность, геометрическая рациональность движений, их внутренняя, скрытая сила...

А. ШТУРМИН. Но каратэ — это еще и огромная физическая работа, спортивный азарт, единоборство, это, наконец, интерес, который проявляют к каратэ именно как к спорту тысячи молодых людей, которые стремятся к физическому самоусовершенствованию, к пробе своих сил, к соревновательности. Да и вообще-то надо ли разделять эти понятия — искусство и спорт? Ведь почти каждый вид спорта — это не просто демонстрация мускульных возможностей человека, это искусство ритма, грации...

А. КУЗНЕЦОВ. Продолжая вашу мысль, можно добавить, что цель у всех без исключения видов спорта одна — воспитать человека физически и духовно здорового, идейного борца, надежного защитника Родины...

В заключение у меня один личный вопрос. А именно: каков предельный возраст ваших учеников?
А. ШТУРМИН. Хотите попробовать? Пожалуйста, предельного возраста для каратэ почти не существует, правда, начинать лучше пораньше. Кстати, вы будете не единственным актером в группе начинающих...

У нас также тренируются рабочие, студенты, музыканты, работники милиции, врачи, люди, занимающиеся научным трудом, военнослужащие, журналисты, художники — и никому занятия каратэ не мешают, а, наоборот, помогают!

А. КУЗНЕЦОВ. Я тоже, если приду к вам, буду заниматься всерьез.

А. ШТУРМИН. В противном случае у вас просто ничего не получится.

Беседу записали тренер по каратэ Александр КОСТЕЛКО и Владислав ЯНЕНИС, специальные корреспонденты «Смены».

Прошу слова!

ПРАВО

Редакционная почта приносит письма от людей, незнакомых друг другу. Однако иной раз авторы оказываются как бы связанными между собой общностью судьбы, характера, обстоятельств. Одно письмо

«У ДРУГИХ НАСТОЯЩИЕ ОТЦЫ...»

Здравствуйте, редакция журнала «Смена»! Решила вам написать о своем отце. Мне 16 лет, учусь в 8-м классе. Отец у меня часто выпивает, а как выпьет — перестает быть человеком. Мне надоело жить в такой семье, которую портит отец. Мама у меня очень хороший, трудолюбивый человек, но она часто болеет. Отец не считается ни с мамой, ни со мной. Приходит поздно, будит нас ночью, выгоняет из дома. Покоя в нашей семье нет. У других настоящие отцы, а мой вовсе и не отец. Я не хочу иметь такого отца. Может быть, ему будет стыдно, если он прочтет эти строчки и они заденут его совесть?

Я не понимаю, как мама прощает такого человека. Уважаемая редакция, посоветуйте, что нам с мамой делать. Я не хочу называть свою фамилию, пусть он сам догадается.

Н.
Уфа

«КАК ЭТО СДЕЛАТЬ, НЕ ЗНАЮ»

Уважаемые товарищи! Мне 47 лет. В 1974 году я вернулся в Москву, в свою семью, после пятилетнего заключения. Сейчас работаю дворником по месту жительства. В прошлом дважды лечился от алкоголизма, но продолжаю выпивать и по сей день. Сам собой разумеется, что я не подарочек и уважать меня по вышеупомянутым пунктам просто невозможно. Может, я это и заслужил, но мне обидно, что моя

БИБЛИОТЕКА «СМЕНЫ» В УРЕНГОЕ

В один из морозных декабрьских дней в экспедицию издательства «Правда» принесла тяжелую связку книг читательница «Смены» с просьбой передать ее подарок молодым строителям Уренгоя. Она приходила дважды и дважды отказывалась назвать свою фамилию.

Немного времени прошло с тех пор, как «Смена» опубликовала призыв собрать 25 тысяч томов для библиотеки в поселке Новый Уренгой. Наш читатель, человек отзывчивый, бескорыстный, щедрый, живо откликнулся на просьбу редакции. Собрана уже половина предполагаемого библиотечного фонда. Из личных собраний и библиотек люди отдают подчас редкие издания, полные собрания сочинений классиков русской и зарубежной литературы, учебники, политические и научные книги. Читатели понимают высокий, гуманный смысл этого начинания.

НАЗЫВАТЬСЯ ОТЦОМ

служит ответом на другое, и казавшаяся запутанной жизнь человека объясняется жизнью другого. Сегодня в письмах наших читателей рассказывается о трудных семьях: отец пьянствует, потеряв чув-

ство ответственности за семью, детей, дети фактически предоставлены самим себе, мать подавлена морально. Редакция надеется, что разговор этот станет серьезным читательским обсуждением.

пятнадцатилетняя дочь не считается со мной не только как с отцом, но и как с человеком. Эта, извините, соплюшка плохо учится, шляется целый день по улице, курит и даже выпивает, оскорбляет меня и бьет. Она не понимает меня и не хочет понимать. Ведь у меня было совсем другое детство, не такое, как у нее. В годы войны я четырнадцатилетним мальчишкой, имея врожденную недостаточность митрального клапана сердца, перенес несколько атак ревмокардита, встал к токарному станку на заводе. Я помогал делать танки. В сентябре—декабре 1941 года я тушил фашистские зажигалки на чердаках моей родной Колодезной улицы в Сокольниках, где теперь моя дочь шатается со своими непутевыми подружками, я рыл окопы, строил блиндажи. Она не знает, что такое продуктовые карточки, а я в четырнадцать лет получал рабочую карточку. На заводе я проработал до конца 1947 года. Когда встал вопрос о моем призыве в армию, то комиссия забраковала меня по состоянию здоровья.

Как бы я хотел утереть нос своей дочери и ее компании, пусть знают наших—мальчишек-москвичей 1941—1945 годов, но как это сделать, не знаю...

С уважением В. В.
Москва

«ЗАВИДУЮ ЛЮДЯМ, У КОТОРЫХ ЕСТЬ СИЛА ВОЛИ...»

Мое письмо—это исповедь человека с несложившейся судьбой. Понимаю, что жизнь многих сложна, но завидую сильным людям и уважаю их. Люблю людей, но ничего не делаю хорошего для них. Грубая, несдержанная, я не знаю никакого приличия. Одно

только во мне качество неплохое—это любовь к правде. Ну почему я не такая, как все?

Знаю, что с такими, как я, невыносимо жить рядом. Но что мне делать? Если сама не знаю, кто-нибудь разве может знать? Мне скоро будет двадцать два года. Прожила бессмысленную жизнь.

Вот начало моей жизни. Дождь. Холод. Домик стоит на отшибе, и бог знает, что творится в нем. Холодный дом. Нет в этом доме радости, да и какая может быть радость? Помню, как мы боялись вечера и ночи. Боялись отца, жестокого пьяницу. Сколько было скитаний ночью по чужим дворам в поисках ночлега! А мать, бедная мать—сколько ей досталось! Исклечил ее этот человек.

Мы, дети, что мы видели? Страх. Утром в школу, а уроки не выучены, мы грязные, часто голодные. Как же нам быть одетыми, сытыми, когда отцу дороже детей бутылка; как быть воспитанными, когда слышали только мат? Не было такого случая, чтобы он посидел с нами, поинтересовался нашей жизнью. Помню, привел он своих друзей, и они спросили у него, в каких классах мы учимся. Отец не знал этого и у каждого из нас спрашивал. Тогда я смеялся, еще ничего не понимая: было смешно, что отец не знает такую, казалось бы, простую вещь. Обида появилась позже.

Была я очень любознательная, тянулась к хорошему, занималась спортом. Но каждое мое желание принималось в семье как ненужное. Постепенно я так и привыкла: то от одного, то от другого откажешься, а в итоге ничего и не знаешь. У меня теперь такая обида, какую не стереть и годами. Сама я издерганная, ни к чему не приспособленная. Эх, отец, отец! Жалко тебя, но как жаль свою жизнь, никому не нужную! Кто борется, тот смело может сказать: как хорошо, что я жил и боролся! Завидую таким людям, у

которых есть сила воли. А что я? Ошибки, которые ходят за мной по пятам?

Живу без цели, и пусто для меня все вокруг. Но я никого не виню. Страх перед жизненными трудностями—как от него избавиться, как набраться силы воли? Много кругом хороших людей, но я не для них со своим невыносимым, отвратительным характером. Есть у меня сын, мой сынок, он растет без отца—так случилось. Вдруг он мне скажет когда-нибудь: что посеешь, то и пожнешь. Страшно услышать эти слова.

Как я хочу быть настоящим человеком! Пишу, а может, зря?

Варвара Б.

Исфара, Таджикская ССР

«Я ХОЧУ СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ»

Здравствуй, дорогая редакция!

Скоро мне будет двадцать два года, я работаю на Уральском автозаводе слесарем. Живу с сестрой и зятем в одном доме, так как родители давно умерли. Написать вам толкнула моя совесть. У меня нет в жизни цели, я ни к чему не стремлюсь, и все это из-за водки, которая меня губит. Постоянные прогулы на работе, скандалы в семье, приводы в милицию и т. д. Зять нигде не работает уже в течение пяти лет, только пьянствует и дебоширит. Из-за него и у меня пошло все кувырком: он втянул меня в пьянство. Я все больше и больше вязну в болоте, становлюсь ненужным в семье и в коллективе. Одна у меня к вам просьба: помогите мне избавиться от водки и стать человеком, полезным обществу, чтобы меня уважали, а не показывали на меня пальцем. Дайте совет, как мне быть, с чего начать свою жизнь, ведь я еще молодой. Или дайте адрес, чтобы уехать куда-нибудь в глухие места, на стройку, в тайгу, с геологами открывать что-то новое, полезное для всех, чтобы принести радость людям. Хочу забыть обо всем и жить по-хорошему, а не с «друзьями» по магазинам шататься, честь свою пропивать под забором. Нет, я этого уже не хочу и не буду. Я хочу стать человеком! Помогите мне!

Только не пишите фамилию.

Валера Ш.

Миасс, Челябинская обл.

ния. Всякое благородное дело рождает благородные чувства в сердцах людей.

«Отдаю свои книги, знаю, насколько это важно для уренгойцев. Ведь я сам когда-то был в подобных комсомольских отрядах, когда «бродяжил» на тракторе по целинным землям Казахстана, а затем убирал хлеба кустанайских степей. Тогда мы жили в землянках и в короткие часы отдыха радовались каждой книге»—это строки из письма Валерия Замыслова из Ростова-Ярославского. А вот что написал нам, прислав свои книги, Михаил Пархомов из Киева:

«Всегда приятно знать, что твои книги попали в руки настоящих читателей вместо того, чтобы стоять в полированных шкафах (сейчас это модно!) доморощенных книголюбов».

Героическая Сибирь стала сейчас объектом особого внимания советского народа. Судьба многих наших читателей тесно связана с судьбой этого края. «Я живу и работаю в поселке Газовский, Тюменской области. Это недалеко от Нового Уренгоя,—пишет товарищ Христунов.—Несколько лет тому назад я возил на АН-2 специалистов на то место, где сейчас строится Новый Уренгой. Они тогда только осматривали это место под будущий город. И теперь он строится на глазах».

«Здравствуй, ребята—строители Уренгойского газового комплекса! Мы, студенты первого курса факультета трубопроводного транспорта Уфимского нефтяного института, в ответ на обращение журнала «Смена» с первой стипендии посылаем вам книги для библиотеки в Уренгое. Вся наша страна знает о вашей трудной работе на суровом тюменском севере, но у нас к вам отношение особое: пройдет несколько лет, и нам, выпускникам института, инженерам-механикам, предстоит работать на строительстве крупнейшей газопроводов, соединяющих Уренгой с Большой землей. Может быть, нам повезет работать и вместе с вами, первопроходцами Уренгоя, так пусть эти книги станут первыми вестниками дружбы между нами. У нас в группе учатся 24 человека: вчерашние рабочие, школьники, военнослужащие; сегодня мы все студенты, сегодня институт—наша строительная площадка. И пусть солнечную Башкирию и северный Уренгой разделяют тысячи километров, мы вместе с вами будем трудиться, чтобы еще лучше и краше стала наша любимая Родина».

«Дорогая «Смена»! Ты правильно сделала, решив собрать библиотеку для молодых строителей города Новый Уренгой. Строители молодые, город тоже молодой. Много времени занимает работа, не всегда пойдешь в кино или клуб. Да, на новом, необжитом месте не все гладко на культурном фронте. Вот тут-то и поможет книга—наш самый верный помощник и советчик. Одного она поведет в неизведанный край, другого заставит задуматься о своей жизни. И, может быть, после прочтения интересной книги молодой строитель Нового Уренгоя выберет себе цель в жизни и будет добиваться ее исполнения сначала с помощью книг, а потом и своим умом, своим трудом».

Дорогая «Смена», высылаю тебе книги для библиотеки Нового Уренгоя, знаю, как трудно в таких местах достать интересную книгу, а тем более по специальности. Я сам (мне 35 лет) после окончания института работаю на освоении газовых месторождений вот уже десять лет. И все время по командировкам. Но нам здесь, на Украине, проще, кругом обжитые места. А каково тем, кто строит трассы Уренгой—Челябинск, Уренгой—Пунга—Западная граница СССР. Буду надеяться, что мои книги обретут читателей. Одному помогут подготовиться в вуз по физике, другому пройти курс машинописи, третьему посидеть за шахматной доской, четвертому починить телевизор. Где есть молодые, там есть и дети. Пусть детские книжки принесут радость и маленьким жителям Нового Уренгоя».

Владимир Кузнецов, Полтава.

Особенно радуют присланные в редакцию многочисленные книги и письма от детей и подростков. Пионеры отряда имени Андрияна Николаева Новогуровской средней школы пишут: «Мы читаем о вашей работе в газетах и журналах. Мы знаем, как вам трудно приходится в суровых условиях Севера. Но мы знаем и то, что вы не боитесь трудностей и продолжаете свое важное дело. Мы вам завидуем, хотим поскорее вырасти, приехать работать в Уренгой, чтобы стать вашей сменой».

А вот строки из письма учеников шестого класса Сушковской средней школы Житомирской области: «Осенью мы помогали нашему колхозу имени 50-летия Октября убирать урожай льна. На заработанные деньги мы решили купить книги для молодых строителей Уренгоя».

Однажды в редакцию принесли перевод из Ржева на 50 рублей. В письменном сообщении было несколько слов: «Прошу принять от детей Лили, Любы и Александра скромный вклад для библиотеки в Новом Уренгое. Только прошу фамилию в журнале не указывать».

В комплектовании библиотеки принимают активное участие ветераны труда, участники Великой Отечественной войны. «Я отобрал 24 книги—военные мемуары. Предлагаю для ветеранов труда и ветеранов войны создать «Полки ветеранов» и приглашаю их откликнуться на обращение «Смены»,—написал Николай Николаевич Черевко. И, как бы поддерживая его предложение, прислал книги из своей библиотеки ветеран Великой Отечественной войны Вадим Павлович Земной, человек тяжелой судьбы, больной и одинокий. Представители редакции приезжали к Вадиму Павловичу, оказали ему необходимую помощь, установили над ним шефство».

В этой широкой акции—создании Уренгойской библиотеки—раскрылись и характеры и судьбы людские. «Золото, золото—сердце народное»,—поистине верны и точны эти слова поэта».

В последнее время книги прислали следующие читатели: Алексеева И. из Чебоксар, Брагина Р. из Усть-Каменогорска, Безручко Л. из села Кельменцы Черновицкой области, Бровина Г. из г. Оловянный Читинской области, Барыгина М. из Старой Руссы, Бирюков Е. из Ухты Коми АССР, Величко С. из Пинска, Гончаров И. из Алтайского края, Гусев О. из Херсона, Горяев В. из Челябинска, Гоношилов В. из деревни Гузаклы Омской области, Иванова Т. из Днепропетровска, Крупович О. из Петрозаводска, Капинус В. из Балакова Саратовской области, Кулинич Г. из Уфы, Морозов А. из Нижнекамска, Муравьева Е. из Сыктывкара, Никольский Б. из Новочеркасска, Никольская Е. из Краматорска, Ореховская И. из Минска, Полигчук А. из Волгограда, Романенко М. из села Знаменское Московской области, Розенщерль Н. из Перми, Рыжков С. из села Озерки Курской области, Соловьева О. из Орловской области, Саряж П. из Гагры, Сорочан В. из Резинского района Молдавской ССР, Тогамова В. из Черновиц, Фредьков Ю. из села Коробкинский Курской области, Христоролюбовский В. из села Камановка Северо-Кавказской области, семья Чуприяновых из Москвы, Шушов В. из Донецка.

ГОРОД МАСТЕРОВ

Юрий НЕМЦОВ.
Фото Игоря КОНСТАНТИНОВА.

Эти домики резные!

Пока автобус шел по улице Кирова, я всю шею себе отвертел: такие чудодомики стояли по сторонам дороги! Маленькие, крепкие, коренастые, с глазами белых распахнутых ставен. А ведь это одна из центральных улиц Городца. На окраине же, в узких переулках, — совсем старинные, вросшие в землю избышки. Вросшие отнюдь не в переносном смысле: в переулке Валуновом дома стоят в аккуратных квадратных углублениях, как деревья на асфальтовых тротуарах. Рядом — знаменитый Городецкий вал, поросший соснами, тоже наполовину ушедший в землю. На его спину вскарабкались заборы, по нему спокойно гуляют и даже ездят — и все-таки он грозный по-прежнему.

Этот город — как музей. Дома, улицы, овраги, словно не тронутые временем, — его экспонаты. У каждого наличника — своя резьба, почти у каждой улицы — своя история.

Здесь, в Городце, возвращаясь из Золотой Орды, умер Александр Невский. Улица его имени прежде называлась Ворыхановская. На ней, по преданию, жили воры-ханы — баскаки, собиравшие дань. На этой улице стоит деревянный двухэтажный дом с высоким крыльцом. Год назад над этим крыльцом висела яркая надпись: «Фабрика «Городецкая роспись»».

Аристарх Евстафьевич

По крутой лестнице можно было подняться на второй этаж, открыть дверь маленькой комнатки и увидеть хозяина — невысокого грузного человека в очках, под которыми прищуренные глаза смотрят внимательно и приветливо. Это главный художник фабрики Аристарх Евстафьевич Коновалов. С его именем самым тесным образом связана история возрождения городецких промыслов.

К 1925 году росписи в Городце практически не стало. Изредка на базарах еще можно было встретить бородатого старика в черном дубленом полушубке, держащего в руке яркое, но никому теперь не нужные донца. Кончалось время прялок, и донца прялок — основной продукт городецкого промысла — валялись по чердакам, кое-кто ладил к ним черенки: сойдет вместо деревянной лопаты — снег разгрести.

В 1935 году семеро старых мастеров — «последние из могикан» — объединились и в доме мастера Лебедева создали свой цех. Взяли учеников. Учились к Лебедеву пришел молодой тогда Аристарх Коновалов. Сейчас он единственный из тех, кто принял эстафету промысла, что называется, из первых рук.

— Дед мой красил стульчики детские, коляски. Еще в тридцать третьем году мы с дядей нашли на чердаке эти стульчики, возили их в Балахну продавать, — вспоминает Коновалов.

После войны Аристарх Евстафьевич развивает бурную деятельность: создает в селе Курцево, на древней родине промысла, новую артель, посылает сувениры на конкурсы, выступает везде, где только можно, бьет во все колокола: промысел должен жить!

— И вот в 1957 году меня вызывают в Горький: хочешь восстановить роспись — набирай учеников и поезжай к хохломичам в Семенов, в профтехучилище. За опытом.

Через два года вернулся Коновалов со своими учениками из Семенова.

1959 год и нужно считать годом второго рождения городецкой росписи, уже не на кустарной, а на промышленной основе.

«Хохлома» и «городец»

Некоторые мастерицы художественного цеха сидят по-хохломски — боком к столу, расписывают ложки на колене.

— Это хохломички, — смеется Аристарх Евстафьевич, — никак не перучатся. Летом все колени себе красками расписут.

— Тянет руку на «криуль»-то? — спрашиваю Евдокию Ивановну Власову. Та отрицательно качает головой:

— Нет, отвыкла уже.

Ковернинский район — родина «хохломы» — соседний с Городецким. Село Хохлома стоит на Узоле, в ее верховьях, Городец ниже. До Узолы рукой подать. Что общего между двумя промыслами? Свободный рисунок краской по дереву — вот и все, пожалуй. Дальше — различия: у «хохломы» всего три краски, от силы четыре. У «городца» — любые. Для «хохломы» птица — редкость, исключение, для «городца» — правило. А уж городецких коней, всадников в цилиндрах среди хохломской «травки» представить невозможно. Да и начинался «городец» в отличие от «хохломы» не с плошек, а с донца.

Удивительная вещь — эти донца. Ведь просто сиденье, обыкновенное сиденье прялки со специальным углублением в копыле, куда вставлялся длинный гребень. Но художник-самоучка превращал эту похожую на лопату без черенка доску в картину. Сюжеты деревянных картин были бесхитростны: карета с барыней, всадники с саблями в руках, охота...

Я видел попытки возродить эти сюжеты и в экспериментальной лаборатории фабрики, где Фаина Никифорова Касатова рисовала «Свадьбу» — сюжет для панно, по форме напоминающего донце. Видел и панно Лидии Федоровны Беспаловой: праздник, разодетые «по такому слу-

РЕЗЬБА НА ФАБРИКЕ «ГОРОДЕЦКАЯ РОСПИСЬ» ПОКА ЕЩЕ ЭКСПЕРИМЕНТ.

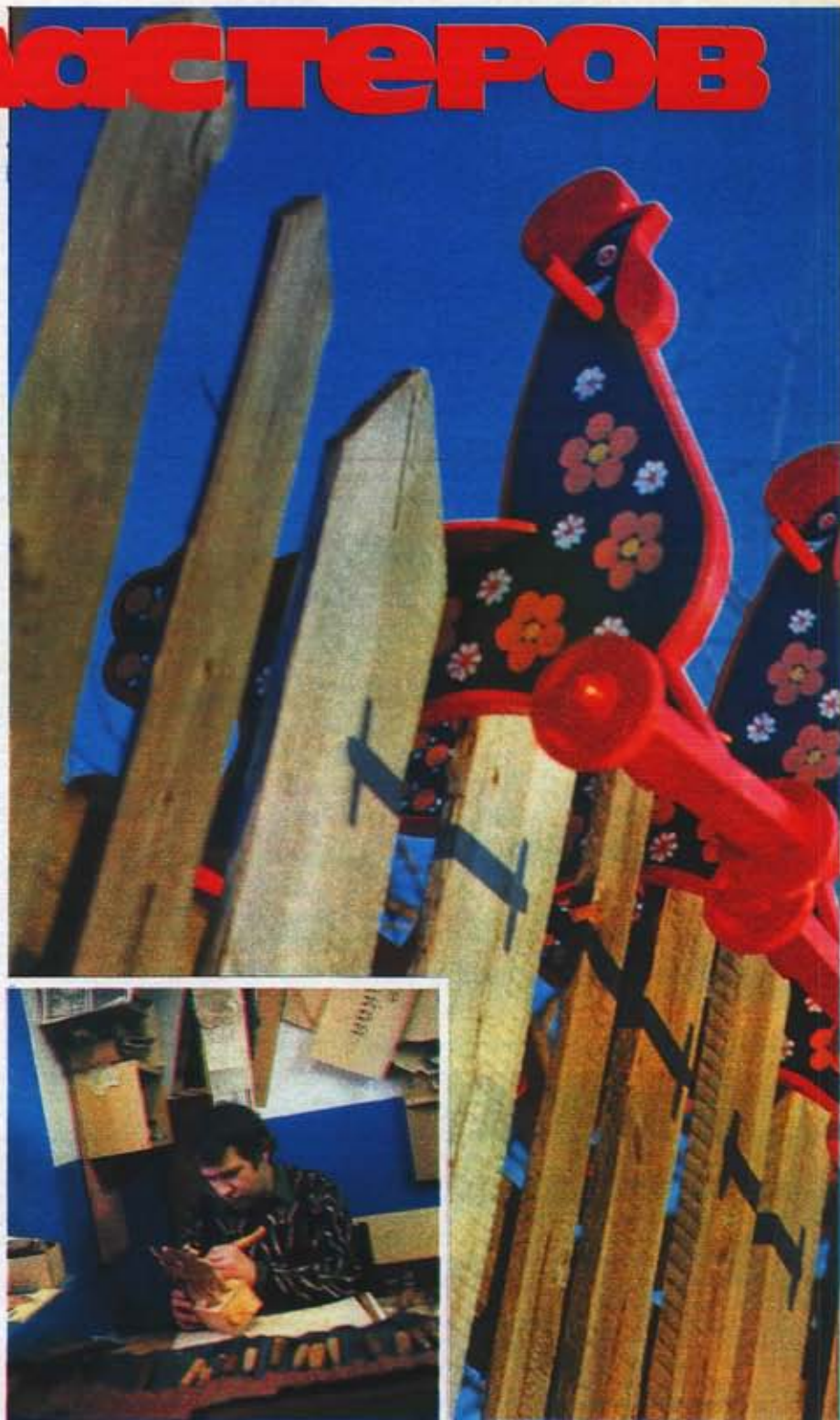
«ГОРОДЕЦ» НАИВЕН И ПРОСТ. В ЕГО КАРТИНКАХ ЕСТЬ ЧТО-ТО ДЕТСКОЕ.

чаю» взрослые, дети с флажками. Праздник современный, но столько в нем традиционно городецкого, наивно-простодушного!

Один из недавних выпускников Московского училища художественных промыслов имени Калинина, работавший на Городецкой фабрике, показывал мне свои работы, явно экспериментальные. Вот один из его сюжетов: два космонавта сидят за столом друг против друга в кабине звездолета, над ними — круглые городецкие часы. Оба в скафандрах, но на ногах что-то вроде русских полусапожек, сами круглолицые, румяные, а на стол так и просится дымящийся самовар. Традиция и современность? А может быть, просто безвкусица? Есть все-таки грань, определяющая, что можно рисовать, а что нельзя? Когда в Москве, в НИИ художественных промыслов, Аристарх Евстафьевич Коновалов попытался было нарисовать «настоящего» коня — с густой гривой, богатырской шеей, богатой сбруей, кто-то из искусствоведов сказал ему: «Слушай, в Москве художников — и плохих и хороших — несколько тысяч, а вот городецких коней умеют писать только в Городце».

Нет четкой грани. Чувство меры,

20 ЛЕТ НАЗАД СОСТОЯЛОСЬ ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ЗНАМЕНИТОЙ ГОРОДЕЦКОЙ РОСПИСИ — УЖЕ НЕ НА КУСТАРНОЙ, А НА ПРОМЫШЛЕННОЙ ОСНОВЕ.

дакции «Городецкой правды» или на соседний, тоже весь в резьбе, одноэтажный домик, чтобы понять: здесь жили резчики. Первоначально и донца были резными, инкрустированными. Позднее то место, где должен быть вставленный кусочек мореного дуба, стали просто закрашивать темной краской. Так отмерла инкрустация. А потом и вообще отказались от резьбы — рисовать и быстрее и легче. Но в плавном изгибе шеи и спины городецкого коня по-прежнему угадывается уверенное и точное движение острого ножа.

Возле двери в комнату резчиков экспериментальной лаборатории — прислоненный к стене кусок мощного черного ствола. Это мореный дуб. Когда весной разлившаяся Узола размывает свои берега, дубы сползают в воду. На две реки стволы лежат десятилетиями, чернеют, становятся твердыми.

Резчик Валерий Зеленин подарил мне зеленовато-черный, отполированный кусочек мореного дуба — отличный материал для инкрустации. (Из такого же кусочка сделана птица на его панно — нет, никакая краска не заменит «живого дерева».) Показал набор своих инструментов — длинный «патронташ» с отделениями для всевозможных ножей — косяков, клюкарз, стамесок — прямых, круглых, узких, широких. Все инструменты он делает сам, а где же иначе взять? Резьба на фабрике «Городецкая роспись» пока еще эксперимент, резчики — почти кустари.

Их всего трое, резчиков, — Логинов, 12 лет назад возродивший на фабрике это старинное ремесло, Колов и Зеленин. Они посылают свои прекрасные работы на конкурсы и выставки, получают призы и дипломы, но что могут

ЛУЧШИЕ ХУДОЖНИЦЫ ФАБРИКИ ИМЕЮТ ПРАВО СТАВИТЬ ПОД РИСУНОМ СВОЮ ПОДПИСЬ — СВОЕГО РОДА ЗНАК КАЧЕСТВА.

сделать три резчика? Чтобы поставить производство резной продукции на промышленную основу, нужен цех.

Андрей Колов говорит:
— Резчиков в Городце много. Нужно помещение, инструменты. Нужен свой ассортимент.

Свой ассортимент... Это проблема проблем. Фабрика скоро целиком переедет в новое здание — вон кран во дворе таскает железобетонные блоки. И кочегарка, которая до сих пор варварски «жрет» бесценную древесину (топят-то дровами. А резчики нет-нет да и унесут с кочегарки какое-нибудь уж больно приглянувшееся им бревнышко), отойдет в прошлое, не сегодня завтра встанет на ее место новая, современная. А вот окончательно найти свое направление, свой ассортимент — это, пожалуй, сейчас самое главное. Какие сюжеты будут рисовать художницы? Привьется ли инкрустация? Что будут резать городчане: панно, братины, полочки? Возродятся ли донца, хотя бы в виде сувенирных панно?

«Живое дерево»

В прошлом году художественный цех из старого дома с крутой лестницей переехал в новое здание с просторным, светлым залом. Здесь за обыкновенными столами как-то по-семейному расположились женщины, расписывающие обыкновенные в общем-то вещи: кухонные разделочные доски (с одной стороны рисунок, с другой — чистое белое дерево), деревянные хлебницы, за которыми до сих пор гоняются москвичи, большие плоские тарелки...

Сквозь тонкий, прозрачный слой светлого лака проступает текстура дерева — линии, прожилки, волны, завихрения вокруг сучков. Такой фон очень идет цветочному орнаменту — листья и стебли пересекаются с древесным узором. А главное — сохранено тепло живого, «настоящего» дерева.

Кажется, мелочь — городецкая солонка на кухонном столе, но в вашей современной, железно-пластиковой кухне стало вдруг теплей и уютней. И вам непременно захочется поставить на стерильно белый холодильник пузатую городецкую хлебницу, а над плитой повесить три яркие «картинки» — разделочные доски...

«Городец» наивен и прост. В его картинках есть что-то детское. Не случайно параллельно с новыми образцами сувениров на фабрике создается экспериментальная детская мебель. Вот первые образцы: трапециевидный столик — золотистый, расписной. Форма для глаз непривычна, но зато шесть таких столиков, составленных вместе, образуют круг. Какая находка для детского сада! В одном из детских Дзержинска это прекрасно поняли и с удовольствием предложили себя в качестве объекта для эксперимента. И сейчас в горьковском магазине «Художественные промыслы» можно свободно купить недорогую деревянную кроватку, расписанную цветами и листьями, и такой же шкафчик, и длинный столик, и полочку, и скамейку. Целый гарнитур для детской комнаты — не игрушечный, настоящий.

«Городец» прост и наивен, как ребенок, но никогда не увидит он до бесполезной сувенирной безделушки. Как в старину на донцах «просто сидели», так и теперь в хлебницах «просто хранят хлеб», а на разделочных досках «просто режут морковь и капусту».

Но, занимаясь этим нехитрым делом, вспомните, пожалуйста, о резном одноэтажном городе — городе мастеров.

КОНКУРС:

СИБИРСКАЯ ТЕМА

Дорогие читатели!

Для «Смены» Сибирь и Дальний Восток — традиционно близкие и дорогие места. Два специальных номера, посвященных БАМу, дальневосточный номер, общесибирский номер, многолетнее шефство над районами западносибирских газовых и нефтяных месторождений, многочисленные публикации на самые разные темы из этих благодатных, истинно замечательных мест — такова практика «Смены» последних лет.

В прошлом году редакция выпустила три специальных номера, посвященных Западной, Восточной Сибири и Дальнему Востоку (№№ 16, 17, 18). В них целая обойма материалов, посвященных великим сибирским стройкам, тем юношам и девушкам, которые создают будущее нашей Родины, осваивая богатейшие месторождения нефти и газа. Авторами очерков, рассказов, стихов, фотоочерков и корреспонденций выступили известные писатели и поэты, маститые ученые, журналисты и комсомольские работники.

В семнадцатом номере редакция объявила конкурс «Сибирская тема»: нам хотелось получить материалы о Сибири непосредственно от самих участников освоения этих земель. В редакцию поступили письма, очерки, зарисовки, корреспонденции от строителей БАМа, нефтяников Тюменщины, из далеких таежных поселков, от рыбаков Дальнего Востока, геологов... Письма интересные, волнующие. В них — живые судьбы людей, нашедших себя на великих сибирских просторах, в ее гигантских делах и свершениях.

Сегодня мы снова обращаемся к нашим читателям, к сибирякам и дальневосточникам, ко всем, чья жизнь так или иначе связана с Сибирью: присылайте нам письма с рассказами об интересных людях и событиях — они послужат материалом для новых выступлений «Смены». Сибирские и дальневосточные адреса и впредь будут зоной нашего особого внимания.

Ждем ваших писем с пометкой «Сибирская тема».

природный вкус водят рукой художника, его тоненькой кисточкой. Я смотрел, как работают художницы экспериментальной лаборатории — Беспалова, Столесникова, Соколова. Словно стихи пишут. Пятнадцати ученицам передали они секрет своего мастерства, создали так называемую «авторскую группу». Члены ее имеют право, заканчивая рисунок, ставить под ним свою подпись, число и год. Своего рода Знак качества.

...Надежда Столесникова рассказывает о своем житье-бытье, а рука ее тем временем делает два плавных, округлых движения — возникает лирообразный контур: две круготрудные птицы соединились клювами. Это центр рисунка. Затем подмалевок, и под конец разживка белилами. Легкий нажим кистью — и появляется на птичьем крыле перо. Если нажать в середине мазка, то перо будет длинным и острым, как осока...

...И точное движение ножа

А ведь роспись не единственный и не самый древний промысел городчан. Достаточно одного взгляда на дом ре-

ЛЮБОВЬ: ТЕРРА ИНКОГНИТА

Юрий РЮРИКОВ

Фото Бориса ЗАДВИЛЯ.

Письмо
читателю

В прошлый раз речь шла о психологической культуре любви, сейчас пойдет о сексологической культуре — втором важном лекарстве от нынешних семейных болезней. Здесь много неясного, много споров и разногласий, но подавляющее большинство молодежи согласно в одном — такая культура нужна как воздух. Многие, наверно, без колебаний подписались бы под таким письмом:

«Почему в нашей средней школе не фигурирует такой предмет, как половое просвещение? Почему у нас очень мало книг типа «Это должен знать каждый мужчина (каждая женщина)»? Ведь эти книги должны быть настольными для любого молодого человека, особенно вступающего в брак».

Нина Р.
г. Орел

Впрочем, иногда — правда, очень редко — попадает и такое мнение: «А собственно, зачем потребовались сексологические знания? Ведь если есть три слагаемые любви — этим все сказано! Все будет обеспечено... А если нет трех влечений, так и курсы не помогут. Так?»

Владимир П.
Ленинград

К сожалению, не так. Можно любить с шекспировской силой («как сорок тысяч братьев любить не могут»), но не дать настоящего счастья любимому человеку, особенно женщине. Любовь, обостряя интуицию, усиливает шансы на достижение физической стороны счастья, но незнание заставляя больно расширяться о скрытые препятствия.

В любви есть грани, в которых никакая сверхинтуиция не поможет — помогут только знания. Как, например, обезболить вступление девушки на путь взрослой любви? Как помочь молодоженам, чтобы они поменьше бились о подводные камни медового месяца и поскорее смогли приспособиться друг к другу в супружеской любви? Как помочь зрелым людям избежать притупляющего однообразия в интимной жизни? Как превозмочь несходство темпераментов, помехи телосложения, боязнь, неуверенность? Для многого — в любви, в семейной жизни, в понимании глубин человеческой природы вообще — нужны сексологические знания, теоретические и практические. Придет время, и сексология — сплав медико-физиологических, психологических, общекультурных и этико-социальных знаний о человеке — станет, возможно, одной из важнейших человековедческих наук. Тогда к вопросу, зачем знать сексологию, раз есть любовь, будет, наверно, относиться так же, как мы сейчас относимся к вопросу Митрофанушки, зачем знать географию, раз есть извозчики.

БЕДЫ НЕВЕЖЕСТВА

Сексологи всего мира с тревогой говорят, что половая безграмотность — убийца многих любовей, разрушитель многих семей, причина массовых неврозов и болезней, особенно у женщин.

Доктор Дж. Каус, работник Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), пишет: «Парадокс состоит в том, что современный «сексуальный переворот» не сопровождается более широким и глубоким знанием вопросов пола... Санитарное просвещение отстает, колеблется, плохо приспособляется к изменившимся условиям... Отсюда почти полное незнание проблем широкими слоями населения».

Профессор П. Б. Посвянский, опытный специалист, говорит, что в области пола «существует огромное количество неверных, неправильных, подчас наивных, а нередко вредных представлений у населения». Профессор С. С. Либих поражен «элементарным невежеством, которое порождается отсутствием правильного полового просвещения и полового воспитания». Три четверти его пациентов безграмотны — и это типичная цифра, которую называют многие врачи. Масса людей не знает азбуки интимной жизни, многие даже и не подозревают, что тут есть какая-то азбука, не говоря уже о таблице умножения. «Терра инкогнита» — неизвестная земля — вот что такое интимная жизнь для многих из нас.

В наше время сексуальные проблемы вошли в число самых острых социальных проблем. Как говорят врачи, демографы, социологи, от них все больше начинает зависеть здоровье людей, их семейная жизнь, рождаемость.

Несколько лет назад ленинградские ученые задали вопрос тысяче разведенных о физической стороне их интимной жизни. Оказалось, что почти треть (31%) испытывала безразличие, неудовлетворение и даже отвращение от этой стороны жизни. Пятая часть разведенных (18%) не ответила на вопрос, хотя анкета была анонимной; возможно, они промолчали именно потому, что дела у них обстояли неблагоприятно. Если это так, то почти половина разведенных была лишена тех естественнейших радостей, которые вкладывает в физическую любовь природа, почти половина страдала от того, что врачи называют сексуальной неудовлетворенностью.

Может быть, эти цифры и преувеличены, но в семейных отношениях духовные нити тесно сплетены с физическими, и когда слабеют или рвутся одни из них, начинают слабеть — или рваться — и другие. Именно поэтому сексологи думают, что половое просвещение поможет уменьшить причины многих семейных катастроф, поможет людям сделать более яркими их семейные отношения.

И не только семейные... Врачи говорят, например, что налады в интимной сфере, вызванные неграмотностью, вредят и всей жизни человека и его работе. По американским данным, у 23 процентов обследованных мужчин и у 70 процентов женщин такие налады — конечно, через цепочку промежуточных звеньев — снижают качество работы.

По величине незнаний, по уровню антизнаний у половой сферы нет равных: это самая отсталая из всех областей жизни. Человек здесь — самоучка и, значит, чаще всего неуч.

Положение здесь сверхпарадоксальное, немыслимое, наверно, в других областях жизни. Даже трехступенным делам — вроде кройки и шитья — у нас учат, а основы семейной культуры нигде не преподают, хотя это куда важнее. Наше половое просвещение до крайности неразвито, ведется оно кустарно, бесплатно и, главное, проходит мимо центральных проблем любовно-половой культуры.

У полового просвещения есть сегодня два главных врага: один — это отрыв от сексологии, отсутствие научной базы; другой — ханжество.

СПЛАВ ТЕЛА И ДУХА

Ханжество — потомок христианской морали, для которой половая жизнь была до недавних времен блудом и скверной. Влияние этой морали часто не осознается, но у многих она стала подкожным чувством и выступает в маске взглядов на секс как на что-то постыдное, низшее, о чем неприлично разговаривать.

Даже само слово «секс» пугает многих. А ведь «секс» — это просто-напросто «пол», «сексуальный» — это «половой», и термины эти давным-давно приняты в нашей медицине и философии. И если слово «секс» употребляется еще в одном значении («физическая близость»), все равно для нормальных людей в этом нормальном слове нет ничего зазорного.

Ханжество — это, пожалуй, не просто моральная черта: оно прямо связано с мировоззрением, философией, это отросток от ствола религиозного мировоззрения, ветка с дерева идеалистической философии. Даже в самых умных (термин Ленина) видах религии и идеализма человек как бы состоит из двух слагаемых: духа — слагаемого высшего, божественного, и тела — слагаемого низшего, животного. Такое понимание природы человека — скрытая основа всех видов ханжества и пуританства.

Но человек не матрешка из двух половинок, а тело его не менее человеко, чем дух. Вся наша биология сплавлена с психологией, все телесные ощущения — голод, жажда, половое влечение — пропитаны духовностью и поэтому имеют не животную, а человеческую основу. Этот сплав биологии с психологией — одна из главных основ нашей природы, одно из центральных отличий человека от животного.

И половое чувство человека — тоже в отличие от животного — не просто физиологическое и биопсихологическое чувство. Как вода состоит из кислорода и водорода, так и человеческое половое чувство — сплав психологических и физических ощущений в любой своей клеточке, любом звене. Сплав психологии с физиологией, их неразрывная сращенность, пропитанность друг другом — глубинная причина всего своеобразия человеческой сексуальности, породитель всей ее сложности, основа всех дисгармоний.

Это прекрасно понимали еще во времена Возрождения. Джордано Бруно, например, говорил: «То, что вызывает во мне любовь к телу, есть некоторая духовность, видимая в нем и называемая нами красотой... Это показывает известное, доступное чувство, родство тела с духом». О таком же слиянии психологии и физиологии в человеке говорил в прошлом веке Фейербах. Чувственность, писал он (и это его излюбленная мысль), — это «единство материального и духовного».

Этот материалистический взгляд на природу человека — плод революции в биологии и психологии, в человековедении вообще; это частица идущих по земле гигантских переворотов в науке. Кстати говоря, НТР — это сращивание науки с жизнью, пропитывание идеями науки разных областей жизни, подведение под них новых — научных — фундаментов.

НТР — в ее гуманистическом варианте — может открыть собой новый век Просвещения, век перевода всех областей жизни на рельсы гуманного знания, человеческой науки. В борьбе со scientизмом (от латинского «сциенция» — «знание») — бездушной, антигуманной наукой — начинается, видимо, рождаться новая культура человеческого существования.

Эта культура будет, возможно, стоять на совершенно новых опорах — союзе высших достижений разума и чувства, науки и гуманизма. Первые ласточки этой культуры только-только подлетают к нам из будущего, они только показались на горизонте, но уже и сейчас видно, что они несут в себе совершенно новый тип жизни, совершенно новый уклад всего человеческого бытия.

Для культуры интимной жизни все эти перевороты значат — подъем ее на фундаменты сексологии, психологии и социологии пола, ее полная, до первичных глубин, перестройка.

Ханжество, как шлагбаум, загромождало здесь дорогу, не дает оздоровить интимную жизнь многих миллионов людей. Поэтому оно — враг прогресса, враг высших человеческих идеалов.

Ясно, что враги этих идеалов располагаются с двух флангов, и воевать поэтому приходится на два фронта: с пуританством — и с распутством, с ханжеством — и с анархизмом. Иначе, борясь с одной крайностью, мы будем усиливать обратную, попадать из одних ям в другие.

В последнее время обе эти крайности начинают понемногу теснить рождающаяся сейчас просвещенная культура любви. Она позволяет людям понять, как сложно связано между собой духовное и телесное в любви, как помогает любви их лад и мешают разлад.

Знаменитый швейцарец А. Форель, один из отцов сексологии, писал еще в начале века, что семейное счастье одинаково покоится на «умственном, душевном и половом приспособлении» людей. Чтобы это счастье было долгим, «духовная любовь», говорил он, — должна с начала и до конца сопровождаться любовью половой». Изъяны в этой стороне любви отзываются на других ее сторонах, могут отдалять людей, охлаждать их чувства. «Отдельные спальни и постели...» — пишет этот культурнейший ученый и просветитель, — очень опасный шаг в браке, легко приводящий к отчуждению».

Когда-то говорили: любовь — это дерево, корни которого лежат в плотском мире, а ветви вздымаются высоко в духовный мир. Это похоже на истину, но, пожалуй, только похоже: здесь тоже просвещивает механическое членение человека на два разных этажа — тело и дух.

Но духовное и телесное в человеке не сочленены, а слиты, как цвета в радуге, и они переходят друг в друга плавно — тоже как эти цвета. Все мы, наверно, знаем, что в человеке есть зоны с перевесом телесного над духовным — вроде кровообращения, дыхания, пищеварения; есть зоны с перевесом духовного над телесным — зона мысли, особенно отвлеченной. Но, видимо, большинство наших чувств, основы психики лежат в зоне примерного равновесия, сплава — баланса духовности и телесности.

И любовь, скорее всего, рождается именно в этой зоне: корни ее лежат в ней, а ветви прорастают во все стороны, во все уголки организма — и в зону перевеса плоти и в зону перевеса духа.

Эта «двусплавность» любви — причина ее взлетов и падений, основа многих ее загадок и противоречий, фундамент ее стойкости и хрупкости.

Стойкости — потому, что, когда начинает сохнуть одна ее «ветвь», телесная, другая ветвь, духовная, берет на себя ее работу. Так часто бывает при хороших отношениях, когда с возрастом телесные слои любви пригасают.

Хрупкости — потому, что, когда начинает отмирать духовная ветвь, за ней быстро гибнет и телесная. Случается, впрочем, что первой засыхает телесная «ветвь», а за ней и духовная. Вот это, к сожалению, бывает часто и в молодости и в зрелые годы.

Многие, возможно, не знают, что сила физических радостей в любви часто зависит от силы душевных радостей. Чем больше симпатии, привязанности, психологическое влечение — тем ярче бывают и телесные радости, чем меньше психологические тяготения, тем меньше и радости тела.

Многое, конечно, зависит здесь и от возраста, и от здоровья, и от полового темперамента человека. Но у большинства нормальных и здоровых людей дело обстоит именно так, и причина, видимо, как раз в том, что у человеческой сексуальности две составляющие: психологическая и биологическая.

Когда над физическим влечением нет увеличивающей линзы психологических тяготений, телесные радости как бы проходят сквозь фильтры эмоционального безразличия — и тускнеют, теряют яркость. А если силу душевного притяжения перебарывает сила отталкивания, на месте физических радостей может встать безрадостность, а то и неприятные чувства.

Ленинградский социолог С. Голод получил здесь поразительные результаты. Он изучил три группы женщин: довольных своим замужеством; полудовольных, полунедовольных; совсем недовольных. В этих разных психологических группах оказались совсем разными и физические ощущения женщин.

У довольных своим замужеством любовь и секс — друзья, и поэтому физические радости как бы стоят у них под увеличительным стеклом душевных радостей. Здесь девять десятых женщин получает от любви естественное физическое удовольствие, одна десятая — безразличны к ней.

Среди полудовольных психологические чувства полупогасли и не играют своей роли усилителя физических чувств. Здесь удовольствие встречается только

у трех женщин из десяти — второе меньше, чем у довольных. Шесть из десяти испытывают просто удовлетворение — получество, чувство вполне адекватного, которого совсем не было у довольных; и одна из десяти безразлична к физической любви.

Совсем плохо дела у недовольных. У физических ощущений нет здесь союзников среди чувств, а есть только враги, и психологические тяготы как бы вычитаются из физических радостей, низводя их до нуля. Никто из недовольных не испытывает от физической любви естественного удовольствия. Треть женщин ощущает удовлетворение — жалкую тень нормы. Почти половина (впятеро больше, чем у довольных) безразлична к любви, не чувствуют от нее никаких радостей. И самое страшное — каждые две женщины из десяти испытывают от физической любви тягостные ощущения — кричащую противоположность тому, что вложила в нее природа.

Здесь, видимо, лежит одна из главных основ человеческой сексуальности. Сама биопсихическая природа человека устроена так, что сила наших физических радостей прямо зависит от силы душевных радостей, — если мы, конечно, здоровы и еще не состарились. Возможно, это центральный закон, который управляет силой любовных радостей у нынешнего человека. Поэтому, видимо, для современных людей — людей с усложненной психологией — вдвойне важны их душевные отношения; это самый глубокий фундамент всех супружеских радостей, психологических и физических.

Знать это, пожалуй, так же важно, как знать, что тут есть и обратная зависимость. Телесная любовь не только подчиняется духовной, но и сама командует ею: она может усилить ее, продлить ее жизнь, добавлять топливо в ее пламя; и может укорачивать ее, обкрадывать топливом. Впрочем, это не разные виды любви, а разные потоки единой любви, разные ее измерения.

Многие из нас, наверно, понимают, что культура любви — прежде всего духовная культура, и главное в ней — относиться к близкому человеку как к человеку, а не как к средству для наслаждения. Но любовная культура как бы двухслойна: это духовно-телесная культура, и умаление любой ее стороны резко вредит другой стороне. Как душевное бескультурье рождает бескультурье телесное, так и телесное бескультурье убивает душевные влечения.

ЧЕТЫРЕ ИЗМЕРЕНИЯ ДИСГАРМОНИИ

У человека, как говорит биология, есть три главных органических потребности, три кита всей его биопсихической жизни. Это потребность в еде (голод), потребность в питье (жажда), половая потребность (либидо — от латинского «желание, страсть»).

Все они заложены в глубинах организма и все — благо по своей природной сути, потому что они поддерживают жизнь, наполняют ее радостями, дают человеку биологическую и нервную энергию — основу всей его эмоциональной и духовной энергии.

Половое состояние организма очень важно для общего состояния человека, для жизни его чувств, разума; это один из главных наших биопсихических двигателей, и если он работает плохо, хуже работают и другие двигатели. Как голод ввергает человека в дистрофию, парализует его духовную жизнь, заставляет думать только о еде, так и секс-голод смещает всю систему духовных ценностей, ведет к болезням.

Но как объедание ведет к жировому взрыву, к перерождению тканей, так и секс-обжорство калечит человека, ломает его физическую и духовную жизнь.

Все это простейшие прописи, на которые опирается половое просвещение, элементарные — и фундаментальные — подступы к нему. Они должны бы лежать в основе всех наших сексологических знаний. Вот еще одна из таких краеугольных прописей — хотя и очень сложная: у мужчины и женщины резко отличается друг от друга многое в психологии и биологии пола. Биопсихические ощущения у них имеют во многом разный характер, разные механизмы, и поэтому половые процессы в их нервах и теле протекают по-разному, особенно в минуты физической близости.

Этот разлад мужского и женского организма заложен в самой природе человека, и он — центральное противоречие всей интимной жизни, главный корень многих болезней, тьмы психологических бед, массы разводов. Это крупное биопсихическое противоречие в природе человека, и, чтобы смягчить его, о нем надо знать.

К сожалению, многие мужчины ничего не знают об этом разладе, о резком отличии женских сексуальных реакций от мужских. Они думают, что у женщин точно такие же ощущения, точно такой же ход реакций, как у них самих.

Это — самое главное в интимной жизни незнание, но как раз о нем наше половое просвещение молчит.

А ведь об этой дисгармонии писал еще великий русский ученый Мечников.

Каковы главные черты этой дисгармонии мужского и женского организма?

Активная половая потребность просыпается у девушек позднее, чем у юношей, — часто только через несколько месяцев замужества, а то и после родов. **Женщина пробуждается в девушке позднее, чем мужчина в юноше.** Это создает ощутимые разлады в юношеской любви и часто — в первые годы супружества. Молодым супругам нередко нужно друг от друга не совсем то, что нужно другому: молодым мужьям — больше тело, чем душу, молодым женам — больше душу, чем тело. По данным одного из наших крупнейших сексологов, А. М. Свядоща, и З. В. Рожановской, половина молодых жен начинает по-настоящему чувствовать себя женщинами только через год после свадьбы.

Зная все это, можно сократить и облегчить пробуждение в молодых женах настоящей женщины. Ибо женщиной они становятся не тогда, когда теряют какие-то внешние признаки, а тогда, когда начинают испытывать ощущения взрослой женщины — активную потребность в физической любви и высшее наслаждение от нее.

Вторая часть дисгармонии состоит в том, что пик половой потребности тоже наступает у женщин позднее, чем у мужчин, — часто тогда, когда у мужчин она уже начинает немного притухать. Нередко это рождает мучительные разлады в зрелости, и опять-таки это гораздо сильнее гнетет женщину.

У женщин такой пик обычно наступает годам к 28—30, у мужчин — на 4—5 лет раньше. Мужчины часто стандартизируются к этому времени в своей физической любви, а в женщинах просыпается естественная тяга к любовной новизне, к уходу от стандарта, который притупляет чувства. И бывает, что, когда они дают мужьям ощутить эту свою тягу к разнообразию, те с недоумением и с подозрением относятся к этому...

Кстати говоря, непросвещенная сексуальность у большинства людей угасает преждевременно, долго-та ее жизни намного меньше нормальной. Особенно касается это женщин — многие из них к 45—50 годам считают, что у них уже все в прошлом, и к вреду для себя и своих мужей покидают стезю физической любви.

Просвещенная сексуальность сопровождает человека до старости, и это естественно, нормально. По американским данным, 60 процентов людей старше 60 лет и четверть людей старше 70 лет пользуются благами любви в ее полном объеме. Врачи считают, что такое «долголюбие» полезно для здоровья, нервов, для всего самочувствия человека: оно отодвигает старость, отодвигает болезни и, сохраняя бодрость, дает людям новую энергию, нервную и физическую.

Следующая черта дисгармонии, ее ядро и основа — это разница в пружинах и в протекании полового чувства у мужчин и женщин; именно она — главный камень сексуального преткновения.

У полового чувства есть как бы два двигателя — психологический и физиологический, и их действие, их роль в ощущении женщины и мужчины резко неодинакова. У женщины первую скрипку играет именно психология, а физиологические механизмы подчиняются ей. Поэтому (в отличие от мужчины) у женщины чаще всего не бывает физической тяги без психологического влечения. Поэтому же любая психологическая помеха — от грубости и бесцеремонности до неожиданного шума — может рывком остановить взлет женского либидо, сорвать его. Тормозные пружины женского полового чувства гораздо сильнее, чем у мужчин, и само оно куда более ранимое и хрупкое.

У мужчин на первом месте часто стоят физиологические двигатели, психология значит для них меньше, и их половое чувство в отличие от женского может работать при перевесе физического топлива над психологическим.

Заметная разница есть и в скорости протекания физических ощущений у женщины и мужчины. У женщин эта скорость замедленная по сравнению с мужчиной, у мужчин ускоренная по сравнению с женщиной. Поэтому часто бывает, что мужчина уже достиг биологического финиша, а женщина еще далека от него. Тут-то, как говорят медики, и таится главный корень многих женских болезней, неврозов, биологических бед и конфликтов. Тут и лежат истоки женской фригидности (холодности), виновник которой — чаще всего мужчина.

В большинстве браков супруги стихийно — одни быстрее, другие медленнее — приспособляются друг к другу. Но многим не удается одолеть дебри незнания, пропасти дисгармонии. По иностранной статистике, треть, четыре десятых, а то и больше замужних женщин никогда в жизни не испытывали от физической любви высшего наслаждения. Это страшные цифры: десятки и сотни миллионов женщин, у

которых половое невежество крадет простейшее и естественнейшее счастье, лишает их росы природной радости — и этим резко обедняет их жизнь.

Разлад мужского и женского организма — крупное биологическое несовершенство в природе человека. Это центральное противоречие всей интимной жизни, но как раз о нем — и о том, как его устранить, — наше половое просвещение почти не говорит. Оно явно отстает здесь от достижений науки, и поэтому первое, что ему сейчас, видимо, нужно, — вылечиться от научного малокровия, перейти с околонуучной колени на научную.

ВОСПИТЫВАЮЩЕЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Новое семейно-половое просвещение должно бы вбирать в себя все главные стороны любовно-семейной жизни: психологию и этику любви и супружеских отношений, культуру физической любви и ее психобиологию, культуру беременности и незачатия, воспитание детей и домоводство... Три бытовых докультуры надо вытеснять тремя культурами — психологической, сексологической, воспитательной.

По этому пути идет половое просвещение в ГДР, Чехословакии, Венгрии, Польше. По этому пути идет демократическое крыло западной науки и просветительства. Встают на этот путь и лучшие наши сексологи и просветители — в Ленинграде, Москве, Новосибирске, Киеве, Одессе, Эстонии, Литве, Латвии. Но их пока мало, силы их разрозненны, и «спрос» во много раз превосходит «предложение». Идти по этой дороге стоит, наверно, смело и с доверием к людям: так легче всего разбить вековые пути ханжества и анархизма, легче всего побороть оба эти полюса любовной антикультуры. Но смелость здесь придется, пожалуй, соединять с деликатностью, чтобы не оступись в ямы деловитой беззащитности.

В такие ямы часто ведет коммерческое (не научное!) просвещение на Западе. Техника секса заменяет в нем культуру любви, часть занимает место целого, и отсюда — дух спортсменства и рекордсменства, который просвечивает в этом просвещении, отсечение секса от морали и гуманизма...

Как вести массовое просвещение? Наверно, его нельзя отделять от воспитания: они — как два крыла одной птицы, и без любого из них птица не взлетит; нужно **воспитывающее просвещение и просвещающее воспитание.**

Некоторые психологи и педагоги предлагают только воспитывать школьников, а просвещение начинать лишь тогда, когда они вырастут. Это старая позиция — «чем позже, тем лучше», и она строится на недоверии к людям, на боязни, что знакомство с теорией тут же потянет за собой знакомство с практикой.

Еще в начале века передовые просветители выдвинули лозунг «лучше на год раньше, чем на день позже». Они понимали, что если школа и родители вовремя не дадут детям знаний, их даст улица — самый испорченный из всех «испорченных телефонов».

Впрочем, лучше, пожалуй, давать такие знания не раньше, не позже, а как раз в нужное время — и в меру возраста. Наверно, правы эстонские врачи и педагоги, которые уже много лет просвещают школьников с 5-го класса. Еще более правы московские педагоги, которые (пока, правда, в виде опыта, всего в нескольких школах) делают это с первого класса. Половое воспитание-просвещение лучше всего начинать в самом раннем детстве и вести его по возрастным ступенькам, наращивая глубину и сложность.

Сексуальный ликбез — важная социальная задача, и для него нужны, наверно, свои буквари — небольшие (но выходящие большими тиражами) этико-сексологические руководства для семейной жизни. Нужны, видимо, и курсы для новобранцев, и массовое просвещение через газеты и журналы, и, главное, особый предмет — подготовка к семейной жизни — в школах и вузах. Причем медлить здесь вряд ли можно — для множества людей такое просвещение нужно, как скорая помощь.

Очень важен здесь подъем всей нашей сексологии. В последнее время, после долгого застоя, она снова пошла вперед. У нас есть отличные клиницисты и теоретики, у них немало достижений и открытий, они закладывают новые, современные фундаменты отечественной сексологии.

Но движение сексологии вперед резко отстает от ритма времени, роль ее в лечебной медицине, в жизни людей, в половом просвещении пока очень мала. В стране всего лишь несколько сот сексологов, и подготовка их идет очень узко. Печатные работы наших сексологов можно пересчитать по пальцам, к тому же работы эти, посвященные центральным вопросам сексологии и сексопатологии, выходят малыми тиражами. И без крутого роста сексологии, без скачка в ее влиянии на жизнь нельзя будет сделать шага вперед в распространении современной культуры любви.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ.

ВЕСЬ МИР В ДУШЕ ЕГО ВМЕЩАЛСЯ

Этюды о художниках

Дементий ШМАРИНОВ,
народный художник СССР,
член президиума Академии художеств,
лауреат Государственной премии.

Алексей Михайлович Лаптев принадлежит к поколению графиков, которое складывалось в 20-е годы во ВХУТЕМАСе. Творческая атмосфера тех лет побуждала будущих художников, независимо от их принадлежности к разным направлениям, определить свое отношение к искусству и его месту в жизни, к принципам художественного осмысления действительности.

Перед Лаптевым никогда не возникал вопрос о возможности ограничить свой творческий метод отвлеченными поисками художественной формы. Наделенный от природы острым и точным глазом, умевший найти поэтическое звучание и в быте и в тяготах жизни, Алексей Михайлович был прирожденным реалистом. Однако его реализм, хотя и питался постоянно соками живой природы, не был инертным, бескрылым натурализмом. Художник жил, говоря словами Юрия Олеши, в «невидимой стране внимания и воображения». Всегда стремился к интересному в своей неповторимости решению. Пластика, штрих, свободная и в то же время точная композиция, поиск типажей и как результат — умелая, с неизменным юмором характеристика персонажей, да и сам избираемый художественный материал — все работало на острое, глубоко продуманное и единственно верное для мастера изобразительное воплощение. Рисунки обретали большую обобщающую силу. Мастерство художника постоянно оттачивалось.

Вся творческая жизнь Лаптева — это постоянный

ПЕРЕСЛАВЛЬ. ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ.

ОДУВАНЧИКИ.

поиск своего взгляда на мир и искусство, поиск, порой мучительный, но награждаемый счастливыми открытиями. Острота видения мира позволяла самое обыденное и привычное представить в открывшемся только ему ракурсе, повороте, смысле.

Кроме крупных работ, Алексеем Михайловичем принадлежит огромное количество зарисовок, набросков на лету схваченных лиц, движений—все, что проходило перед ним, запечатлевалось без устали, с никогда его не покидавшей энергией.

«...Я полюбил все родное преданной сыновней любовью. Скромный сельский невзрачный пейзаж покорило мое сердце на всю жизнь. Сельская тишина, пение петухов, запах вспаханного чернозема, свежей соломы, гусиной травки, лошадиного пота. И зори, вечерние зори с гомоном грачей... Да разве выскажешь чувство, которое питаешь к отчому краю!»—писал Лаптев в своей автобиографической книге «В пути...». Это чувство глубокой любви и преданности отчому краю заставляло его остро, творчески переживать все трудности, взлеты и свершения нашей страны, передавать их в своих работах.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ». ПРИЕЗД ЧИЧИКОВА К П. П. ПЕТУХУ.

Алексей Михайлович Лаптев родился в 1905 году в Москве. Первые голодные послереволюционные годы провел в милой и близкой сердцу елатьминской деревне, и до конца жизни его влекла природа, ее неповторимые пейзажи. После ВХУТЕМАСа, где он учился у Н. Н. Купреянова и П. И. Львова, Лаптев сотрудничал в издательствах, создавал станковые серии, участвовал в выставке «Индустрия социализма». Во время войны работал в «Окнах ТАСС», ездил на фронт, рисовал портреты солдат, партизан...

После войны Алексей Михайлович сделал серии иллюстраций к величайшим произведениям русской и советской классики. К «Мертвым душам», «Вечерам на хуторе близ Диканьки» Гоголя; к поэме «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова; к роману Шолохова «Поднятая целина». В иллюстрировании книг он оставался верен себе: ездил на природу—в Сорочинцы, на Дон... Привозил натурные разработки предметов быта, характерные пейзажи. И всегда он—в поиске манеры, наиболее выразительного материала, особой экспрессии в рисунке.

Любил художник работать и для детей. Писал детские стихи и иллюстрировал их. Делал игрушки, продолжающие народную традицию, создавая их из глины, дерева и даже из бумаги. Влечение к объемной форме привело к созданию серии скульптур из древесных корней.

Индивидуальная художественная манера Лаптева распознается сразу. Ее отличают особая точность видения предмета, уверенность и острота композиционного решения, лаконизм формы, изящество пластики, отличное знание возможностей материала. В первых рисунках поражает игра тончайших и жирных, густо-черных штрихов, каждый штрих—строго на месте, его нельзя выкинуть или передвинуть, точность попадания снайперская.

Мастерство отличного рисовальщика в сочетании с постоянным стремлением к обобщению, осмыслению творческого опыта побудило художника написать книги «Как рисовать лошадь», «Рисунок пером», много газетных и журнальных статей по различным вопросам искусства. Хочется особо выделить его статьи об охране памятников русской культуры, в которых голос художника звучал взволнованно и горячо. Лаптев входил в инициативную группу художников и архитекторов, которые в 50-х годах организовали массовое движение в стране по охране памятников старины. Интерес к истории русского зодчества отразился в его творчестве созданием ряда работ, выполненных пастелью, которые затем вошли в альбом «Памятники древнерусского зодчества».

Художник Алексей Михайлович Лаптев хорошо известен. Но не многие знают, что Алексей Михайлович на протяжении всей своей жизни писал стихи. В них отразился мир, воспринимаемый глазами умного, думающего художника; в них—размышления об искусстве, о любимой родной земле. Вот некоторые из его стихов, публикуемые впервые.

ДЕВУШКА

Ту девушку, что я увидел нынче
И был бы рад увидеть много раз,
Встречал и Боттичелли и Да Винчи
Теплом неошибающихся глаз.

Пусть имени ее земля не знает,
Пусть потеряны цветы ее следа,
Но все ж она пленительно земная,
Изваянная жизнью навсегда.

Она такой останется навечно.
И даже где-то там, за тленом лет,
Такой же, как и я, случайный встречный
Оглянется невольно ей вослед.

17 сентября 1959.

ЭТЮД

Утром,
Ласковым утром,
Ласковым утром в лучах восходящего солнца
Кто-то,
Маленький кто-то,
Маленький кто-то в саду умывался росой.

Капли,
Капли на солнце,
Капли на солнце блестели алмазами лета...
Это,
Это все было,
Это все было настолько красиво, что даже

Звуки,
Звуки простые,
Звуки простые невольно возникнувшей песни
Вдруг
При...
Тих...
Ли...

8 октября 1959.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ». ЧИЧИКОВ И СОБАКЕВИЧ.

ДВОЙНИК «ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ СТАТУИ» В СУХАНОВЕ

На черное плечо
Чугунно-нежной девы
Приник кленовый
Огненный листок.
Ее воспоминанья и напевы
Он всколыхнуть пытался,
Но не смог.
Она, безмолвно
И бесстрашно
Холодным телом
Листик ледяной,
И в вечности своей
Была прекрасна—
С чугуном сердцем
Без огня.

8 октября 1959.

ПОТОЛОК

(картина без названия)

Гляжу на потолок: ряды сосновых досок
В игривом ритме смоляных полосок.
На них разбросаны фигурные сучки,
Рисунков неотгаданных значки.

Вся розовато-охристая гамма
Проста и сдержанна, как старый менуэт.
Картиной этой очарован прямо,
Хоть в ней ни темы, ни героев нет.

28 августа 1952.

ОДУВАНЧИКИ

На лужайках
Майские созвездья.
Посмотри: везде—
И там и здесь.
Брызги солнца
На лужайках
Светятся.
Сколько их—не перечеть!
Вейте, вейте,
Девочки и мальчики,
Одуванчики
В венки.

Ваши пальчики ловки.
Промелькнут
Единым духом
Эти звездные
Деньки.
И потухнут,
Станут пухом
Солнцеюкие
Цветки.

23 февраля 1962.

Днем облака
В голубых
Купались
Глубинах.
Цветом наполнены,
Крыльев белой
Голубиных.
К вечеру
Небо пылало
Лазоревым заревом.
И зацвечал,
Отцветал
Ало-лиловый
Розариум.

НОЧНОЙ МОТИВ

Сквозь просветы перелезла
Из туманной глубины
Показался, полный блеска,
Золотой челнок луны.

Отольнувши от теннисных
Изумрудных берегов,
Поднялся лазурью мгlistой,
Разрезая тьмы покров.

А вокруг игрой жемчужной,
Словно брызги в пене вод,
Звезды весело и дружно
Развернули хоровод.

В этом таинстве безбрежном
Легче думать, проще жить,
Легче быть простым и нежным,
Быть любимым и любить.

Сентябрь 1946.

Виктор ГЛУШКОВ,
академик, Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской и Государственных премий,
вице-президент Академии наук УССР,
директор Института кибернетики АН УССР,
депутат Верховного Совета СССР.

Автобиография... Чаще всего это белый листок бумаги, на котором ты должен изложить всю свою жизнь. И чем длиннее, насыщеннее она была, тем труднее придать ей короткую, лаконичную форму. Тем более автобиография ученого, человека, связанного с большим коллективом преданных соратников многочисленными невидимыми узлами, столь крепкими, что порой даже трудно понять, что предложил ты, а что сделали они. И как ты ни стараешься, никак не можешь рассказать в автобиографии обо всем, о чем так хотелось бы, о том, чему ты посвятил свою жизнь, обо всех; с кем шел к цели рука об руку.

С чего же начать? Может быть, с того, как рос в небольшом городе Шахты? Или же с того, как ходил в школу? Но в этом моя биография похожа на многие тысячи других. Как и у большинства мальчишек, в те годы одно увлечение у меня сменялось другим. В третьем классе меня очень интересовали животные и растения, и где-то в глубине души я надеялся стать известным биологом. Но в пятом классе начал увлекаться геологией и минералогией и думал, что как раз в них мое призвание.

В шестом классе занимался радиотехникой, радиоуправляемыми моделями, то есть тем, что сейчас принято называть автоматикой и телемеханикой. Вскоре моим главным увлечением стали математика и физика. Они давали мне теоретическую базу для конструкторских работ. Увлёкся я тогда же идеей моделирования человеческого мозга. И как оказалось потом, мои последние школьные увлечения были самыми сильными и серьезными.

Когда же был сделан первый шаг именно в этом, решившем для меня все направлении? Сейчас, пожалуй, точно и не определишь. А может быть, все это началось с электрической пушки, которая была описана в журнале «Техника — молодежи». Родилась у меня тогда идея усовершенствовать ее. Вот чтобы сделать это, рассчитать траекторию снарядов, и занялся я математикой. Занялся и увлекся. К восьмому классу

знал ее уже в объеме технического вуза.

Пушка была моей гордостью. Стреляла она снарядами, сделанными в виде ракет. Заинтересовался я тогда мыслью Ньютона: если на большой горе установить пушку и выстрелить, то снаряд станет спутником Земли... Мечталось проверить...

Я так увлекся пушкой, что даже думал стать артиллеристом. Мысль эта укрепилась, когда услышал по радио, что началась Великая Отечественная война. Я тут же подал заявление в артиллерийское училище, но разочарование не замедлило постигнуть меня. Не только в училище не приняли, но и вообще отказались в армию призывать. И все из-за сильной близорукости. На фронт я все же попал, правда, только на трудфронт. Под Сталинградом рыл окопы и противотанковые рвы.

После освобождения Донбасса работал на шахте и учился в Новочеркасском политехническом институте. Хотел я заниматься и теоретической физикой. На физико-математический факультет Ростовского госуниверситета пришлось сдавать экстерном. Практически за два года, одновременно с Новочеркасским политехническим, закончил я университет... Но... стал математиком, а не физиком, как хотелось. Почему? Да потому, что по теоретической физике нужно было проделать большое количество лабораторных работ. А я, вполне понятно, не имел возможности выполнить их. Вот и пришлось заниматься математикой, где никаких лабораторных работ делать было не нужно.

Но хотя я начал свою творческую жизнь в науке с математики и занимался самыми абстрактными вещами, такими, как теория групп, топология, я еще интересовался электронно-вычислительной техникой. Отношение к кибернетике тогда было не совсем доброе. Но кое-что в этом направлении делалось. В 1951 году Государственная комиссия приняла первую на европейском континенте и в СССР электронно-счетную машину МЭСМ. Она была создана не-

большой группой под руководством академика С. А. Лебедева.

Позже С. А. Лебедев с большей частью специалистов, работавших над МЭСМ, переехал в Москву и возглавил Институт точной механики, который вскоре получил название Института точной механики и вычислительной техники. Этот коллектив начал работу над большой электронно-счетной машиной — БЭСМ.

Одновременно с проектированием первых ЭВМ начали создаваться кадры программистов. Здесь очень большую роль сыграли Вычислительный центр Академии наук СССР, который возглавлял академик А. А. Дородницын, и отделение прикладной математики Математического института имени Стеклова под руководством М. В. Келдыша. Потом это отделение превратилось в самостоятельный Институт прикладной математики.

Я говорю о программировании не случайно. Все дело в том, что компьютер

всю очередь возможности электронного мозга. Но едва я занялся этим вопросом, у меня возник встречный: а знаем ли мы возможности нашего мозга, человеческого? Ведь и они-то не познаны до конца. Меня, например, ребята в школе иногда дразнили, называли «Хронологией». Хотя запомнил я легко не только даты. Достаточно мне было раз-другой прочитать обычный или стихотворный текст, чтобы запомнить его наизусть. Одноклассники видели, что ничем другим я от них не отличаюсь, и не завидовали моим пятёркам, но экзамены мне порой устраивали серьезные. Я на спор учил в подлиннике Шиллера и Гете, большие поэмы русских поэтов. Признаюсь, что и сейчас помню эти стихи. Могу читать их часов по десять подряд.

И поверьте, не для того, чтобы похвастаться своей памятью, я вспомнил об этом. Дело в том, что меня давно волнует проблема определения границы мышления и памяти сегодняшних и завтрашних компьютеров. Но как ее определить,

АЛГОР

сам по себе еще не есть законченный продукт. Вот когда вы начнете его некоторым минимумом программ, только тогда он и станет электронным мозгом. Без этого вы фактически настоящей машины не имеете. Без так называемой операционной системы перед вами просто металлические ящики, забитые транзисторами да проводами...

Машины, созданные в то время, были чрезвычайно примитивные. Это так называемое первое поколение ЭВМ работало на лампах и было не очень надежным. О том, чтобы применять эти электронно-вычислительные машины для управления, скажем, промышленностью, экономикой и так далее, тогда и речи не шло. Работы же по созданию искусственного интеллекта у нас практически еще и не начинались. Честно говоря, тогда мы значительно отставали.

И в то же время у нас было очень большое преимущество, которое сохраняется и до сих пор. Заключалось оно в том, что для математической эксплуатации ЭВМ у нас сразу же пришла когорта математиков очень высокой квалификации, таких, как академики М. А. Лаврентьев, М. В. Келдыш, А. А. Дородницын... Вполне понятно, что они привнесли в использование ЭВМ высокую математическую культуру.

В связи с этим возник интересный парадокс. Бессспорно, наши первые электронно-вычислительные машины были несколько слабее американских. Хотя, справедливости ради, хочу заметить, что БЭСМ ненамного уступала лучшим американским ЭВМ. Мы отставали разве что только по параметрам некоторых устройств, скажем, периферийных, магнитных лент и других. Но наши математики делали не просто программы применительно к существующим методам, а специально изобретали новые методы, позволяющие им использовать электронно-вычислительные машины более эффективно, наши машины применялись для научных расчетов с гораздо большей отдачей. Мы нередко решали такие задачи, которые американцам были явно не по зубам.

В это время я жил и работал в Свердловске и вплотную не занимался ни кибернетикой, ни электронно-вычислительной техникой. Но уже тогда я пришел к кое-каким интересным идеям, которые позже послужили основой для моей научной работы в области кибернетики. Интересовали меня в пер-

если мы еще и в человеческих возможностях не разобрались до конца?

Помню, проблемы памяти меня заинтересовали еще как математика. А в это время и кибернетика уже выходила на широкую дорогу. В 1955 году было принято решение об организации вычислительных центров, аналогичных Вычислительному центру Академии наук СССР, в ведущих республиканских академиях. В том числе и при Академии наук Украины. В Киеве же, где была создана первая советская вычислительная машина, жизнь в этом направлении после отъезда академика Лебедева со своей группой совсем замерла.

Как я попал в Киев? Да скорее всего благодаря случайности. Руководитель Института математики АН УССР академик Гнеденко узнал, что я, с одной стороны, математик, а с другой — инженер. Он счел, что все это дает хорошую основу для работы в вычислительном центре. И пригласил меня.

И вот в 1956 году я приехал в Киев. До этого я никогда на Украине не жил, но с того времени вся моя судьба связана с ней, с Институтом кибернетики. Сейчас я уже не могу представить себе свою жизнь без днепровских просторов, без золотистых полей, с трелью жаворонка, золотого и не увидишь в бездонной сини высокого неба, без милого и дорогого моему сердцу красавца Днепра.

Каждый раз, когда я прихожу к нему, невольно вспоминаются слова: «Чуден Днепр при тихой погоде...» Конечно же, он чуден, величествен и прекрасен. И не только при тихой, при любой погоде. Чуть ли не каждую субботу прихожу я к нему после трудной, подчас даже изнурительной недели, когда не знаешь еще, все ли успел сделать, по тому ли пути в представшей неожиданно проблеме пошел сам и повел учеников.

Сядешь на берегу, посмотришь на воду, мерно, но могуче бегущую перед тобой, или же в футбол поиграешь часок-другой, а потом окунешься в Днепр — и новые силы вливаются в тебя, наполняют уверенностью и спокойствием. И невольно чувствуешь — путь преодоления найден, он где-то рядом, совсем рядом... Минута-другая, и он перед тобой... Такое случалось не раз...

А сколько дум приходит в голову, когда сидишь с удочкой? Ничто и никто не мешает тебе. Только легкое лепетание спокойной текущей воды нарушает неправдоподобную тишину. И сколько, казалось бы, неразрешимых проблем

вдруг становились совершенно ясными в этой идиллической тишине, когда платиновым отливом заблестит на заброшенном тобой крючке рыба чешуя...

Но не хуже и зимний Днепр, когда его и не видно подо льдом. Только в проруби. Мелкими иголочками колет обжигающая тело вода. Вместе со сковывающей на секунду холодом чувствуешь какой-то новый прилив сил и, кажется, можешь своротить после этого купания целые горы проблем, еще недавно ставивших тебя в тупик. «Моржом» я стал случайно: прочитал о них и решил сам попробовать. Понравилось.

Помню, один из моих товарищей не поверил, что можно вот так просто, без какой бы то ни было специальной физической подготовки взять да и стать «моржом». Решил он посмотреть на все собственными глазами и пошел со мной. Я плавал, а он у проруби стоял, наблюдал, убеждался в возможности «подобного эксперимента». И все было хорошо, но уже через несколько дней я раска-

ли, что проблема автоматизации процессов проектирования компьютеров становится все более насущной.

Взялся я тогда за это дело довольно активно, зная, что программа работ предстоит весьма широкая. Приходилось заниматься и развитием математической логики, и развитием аппарата программирования, и частично даже методами расчета электронных схем. То есть занимался я и чисто электротехническими работами.

Примерно к 1963 году на базе развитых и разработанных нами разделов теории автоматов мы создали так называемую малую систему автоматизации проектирования ЭВМ. Были разработаны некоторые методы, с помощью которых можно было формально подходить к синтезу машин. То есть сначала не формально спроектировать структуру машины в виде блоков, а уж потом к каждому блоку применять методику формального проектирования. Теперь я или кто-то другой мог только дать ко-

мпьютеров. Сейчас человек делает первичный замысел на первом уровне имитационного моделирования. После того, как результат моделирования получен из машины, человек обдумывает результат и, если необходимо, дает соответствующие рекомендации. Вполне понятно, что это должен быть очень квалифицированный специалист.

Я уверен, что дальнейшее развитие автоматизации проектирования, как и применение компьютеров в других областях, будет идти к тому, чтобы человеку приходилось делать как можно меньше — только давать общий замысел и оценивать полученные результаты. То есть конечный результат любой автоматизации будет таким, что человеку достаточно просто дать задание типа: «А хорошо было бы, если б удалось сделать машину, способную сделать то-то и то-то».

И вмешиваться он будет только, так сказать, на входе и выходе. Но честно говоря, до этого пока очень далеко. И

лись изучением возможности применения компьютеров для управления технологическими производственными процессами. Причем сразу же нами были выбраны такие важные аспекты применения, как автоматизация плавки стали, управление химическими реакторами, выкройка и вырезка из стальных листов деталей корпусов в судостроительной промышленности...

До этого у нас в стране для автоматизации каждого технологического процесса пытались создавать специализированные машины. Но это и долго, и нерационально, и дорого. В конце 1958 года мы высказали идею создания универсальной управляющей машины. Одни снисходительно улыбались, другие просто восприняли ее в штыки, а третьи говорили, что этого не может быть, потому что не может быть никогда.

Надо сказать, что хотя мы работали совершенно независимо, американцы примерно в то же время пришли к такой же идее. И первые универсальные уп-

ИТМ ЖИЗНИ

ивался в том, что позвал недоверчивого коллегу с собой. Мне-то ничего, а он... сильно простудился. Вот и разберись после этого, что кому можно, а что нельзя... И все же зимним плаванием в Институте кибернетики теперь многие занимаются.

Когда я переехал в Киев, институт еще, правда, не существовало. Тогда это была всего лишь лаборатория, через год она преобразовалась в вычислительный центр. И только в 1962 году был организован тот самый Институт кибернетики, который, как я надеюсь, знают сейчас во всем мире.

Развитие нашего института все это время проходило в тесном контакте с математиками и кибернетиками из союзных Академий наук и прежде всего с учеными из Москвы. Очень большую роль в развитии нашего института как на первых, так и на последующих этапах сыграли Вычислительный центр АН СССР и его руководитель академик А. А. Дородницын. Мы часто смеялись с ним над таким парадоксом: главное кибернетическое учреждение на Украине возглавляю я — русский по национальности, а Вычислительный центр АН СССР в Москве — Дородницын, украинец.

Трудно нам было бы, когда мы зарождались, без такой надежной дружеской помощи. Но и сейчас, когда мы выросли и окрепли, дружба наша продолжается, мы всегда готовы помочь друг другу, если это требуется, и всегда радуемся общим успехам.

Я приехал в Киев не с пустыми руками. У меня было немало идей, которым позже суждено было воплотиться в жизнь. В то время у нас начала проектироваться новая электронно-вычислительная машина «Киев». Позже она была сделана в двух экземплярах. Одну установили в нашем вычислительном центре, а вторая некоторое время трудилась в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне.

Мне пришлось возглавить работы по созданию этой машины. Взявшись за дело, я убедился в несовершенстве тех методов, которыми в то время проектировались подобные машины. Нам стало ясно, что по мере усовершенствования, усложнения компьютеров разрабатывать их старыми методами просто невозможно. Проектирование начинало занимать столько времени, что машины, еще не выйдя из стен завода-изготовителя, устаревали. Мы понима-

ли, что этот блок должен делать, какую информацию он должен получать и что с ней производить, что выдавать. Все же остальное машина автоматически выполняла сама. Она строила схемы, решала, как нужно соединить между собой все элементы для того, чтобы получился именно такой преобразователь информации, который нужен.

Закончилось все тем, что мы внедрили систему в целом ряде проектных организаций. В 1964 году данная работа по теории автоматов и ее применение для автоматизации проектирования машин была удостоена Ленинской премии.

В отзывах, которые писались тогда рядом конструкторских бюро, говорилось, что, если раньше аппаратура, занимавшая большой шкаф, проектировалась бригадой в двадцать-тридцать человек в течение года, то после применения наших методов все это проделывали три сотрудника за полторы-две недели. Кроме того, аппаратура занимала в полтора-два раза меньше места, чем раньше, она становилась более надежной и эффективной.

Ну, а как же происходит сам процесс проектирования, как рождаются новые компьютеры? Естественная последовательность этого процесса такая. Сначала задумываем конфигурацию систем и применяем метод имитационного моделирования. После этого начинается этап так называемого логического или алгоритмического проектирования. Я начинаю уже влезать в крупные блоки и говорить, что эти блоки будут, скажем, центральным процессом, большой памятью или еще чем-то, и объясняю компьютеру-проектировщику, как лучше всего организовать системы команд. Я «втолковываю» ему, какие команды компьютеру-проектировщику, как лучше всего организовать системы команд. Я «втолковываю» ему, какие команды компьютеру-проектировщику, как лучше всего организовать системы команд. Я «втолковываю» ему, какие команды компьютеру-проектировщику, как лучше всего организовать системы команд.

Когда и этот этап заканчивается, я начинаю заниматься связями отдельных элементов. Этот этап, основы которого были заложены еще в теории автоматов, называется функциональным проектированием. И, наконец, последний уровень — технологический, или заводской, при котором надо, чтобы фактически были изготовлены интегральные схемы, монтажные таблицы и многое другое.

Автоматизированная система прекрасно справляется с проектированием

дело не только в несовершенстве нашей системы. Просто все мы, высказывая то или иное желание, очень редко даем точное условие. Как правило, формулируя его, мы не можем предусмотреть точно, как оно будет исполнено. Поэтому одна из главных задач, которая стоит и будет стоять перед человеком при любом уровне автоматизации, — правильно сформулировать задание. Мы должны точно выражать, что хотим от автоматизированной системы, а уж потом проверять полученные результаты и придавать им, так сказать, юридическую силу.

Пока же еще роль человека заключается в том, чтобы на всех этапах вносить творческий элемент, то есть делать то, что сейчас еще плохо поддается автоматизации. И в этом ему помогают интуиция, опыт, то, чего компьютер, как правило, не имеет. Мы сейчас уже начали изготавливать ЭВМ, накапливающие опыт, но одно дело длительная история человечества, а другое — история развития компьютеров. Это, мягко сказать, чуть-чуть меньше.

Сегодня мы уже достигли такого этапа, что сейчас, например, у меня в отделе стоит обычный телетайп. Если мне нужно приступить к проектированию, я сажусь за телетайп и принимаюсь работать. Компьютер же, который стоит совершенно в другом месте, подсказывает что-то мне, я — ему, и таким образом рождается новая вещь. Видно, что уже сейчас система автоматизированного проектирования выглядит чем-то не совсем реальным, как будто сошедшим со страниц научно-фантастического произведения.

Как правило, пользуясь этой системой, мы, несмотря на резкое усложнение проектируемых компьютеров, нередко в десятки, сотни раз не только не увеличиваем срок разработок, но, напротив, уменьшаем его. Я думаю, что с ее помощью сроки проектирования сократились по сравнению с прежними в 7—10 раз, повысилось качество и значительно снизилась себестоимость рождающихся машин.

Но автоматизация проектирования — это было только одно из направлений, которое я начал развивать сразу же после переезда в Киев. Вторым было применение электронно-вычислительных машин для управления различными процессами. Сначала это были только процессы несколько специфического характера, но довольно скоро мы заня-

вшие машины были созданы одновременно и в США и у нас. Наш институт выпустил тогда машину «Днепр», отлично себя зарекомендовавшую.

Через год-полтора мы вплотную занялись работами по созданию искусственного интеллекта. Тогда я набросал несколько идей, которые стали постепенно реализовываться. Первая из них касалась способов, с помощью которых можно научить компьютер распознавать смысл фраз на естественном человеческом языке — на русском, украинском, английском и так далее.

Помню, несколько позже выступал я уже с результатами конкретных достижений по этой теме на II Международном конгрессе по проблемам переработки информации, который проходил в Мюнхене. Доклад мой вызвал тогда всеобщее удивление. Оказалось, наши работы намного превосходят все, чего добились к тому времени в этом направлении американцы. Не скрою, я испытывал гордость за нашу советскую науку. Кстати, благодаря именно этим работам наш институт сразу же приобрел мировую известность.

В институте у меня появилось много талантливых учеников и помощников. Вместе с Александром Летичевским мы занимались проблемами моделирования процессов эволюции. С Владимиром Ковалевским, ныне тоже доктором наук, профессором, разрабатывали вопросы распознавания образов. Одновременно создавали универсальный манипулятор, снабженный телевизионным передатчиком, с помощью которого воспринималась информация. Создан был и читающий автомат. Короче говоря, диапазон деятельности нашего института расширялся с каждым днем. Да тут и удивляться нечему. Все мои ученики были молоды, полны творческого задора. И стоило только бросить им какую-нибудь интересную идею, как они тут же принимались за ее развитие и воплощение.

Вполне понятно, что работы по созданию искусственного интеллекта не могли не привести к философским проблемам кибернетики, к решению вопроса, может ли машина мыслить или же она на это никогда не будет способна. Поэтому пришлось тут же организовать сначала небольшой, а потом довольно крупный методологический семинар, к которому позже примкнули и философы.

Результатом этой работы явилось новое определение кибернетики, значительно расширяющее определение Винера. В свое время он занимался только проблемами управления и понимал кибернетику как науку об управлении. Искусственный же интеллект в понятие управления не попадал, так как, предположим, перевод с одного языка на другой, распознавание смысла и другие подобные операции довольно трудно назвать управлением.

Пришлось мне расширить определение предмета кибернетики, обосновать то, что кибернетика принесла с собой принципиально новый метод научного познания—кибернетический эксперимент на компьютерах. Он отличается тем, что эксперимент производится не с самим объектом, а с его кибернетической моделью, информационным описанием, находящимся в памяти машины.

Именно это обстоятельство и делает современную кибернетику даже более универсальной, чем математика, так как она применима практически ко всем наукам. Поэтому уже давно появилась кибернетика экономическая, техническая, биологическая...

Новое определение кибернетики теперь звучит так: «Кибернетика—это наука об общих законах преобразования информации в сложных системах». Это определение нашло свое отражение сначала в Украинской энциклопедии, потом в Большой Советской, затем в энциклопедии «Кибернетика», изданной у нас в стране. Появилось оно и в пятнадцатом издании Британской энциклопедии, для которой меня попросили написать статью.

В 1962 году произошло событие, которое сыграло очень большую роль в моей дальнейшей деятельности. Мне поручили подготовить научные основы национальной программы СССР в области автоматизации и организационного управления, то есть управления экономикой. Ситуация тогда сложилась для меня не из легких. В то время академиком Немчиновым и его учениками была высказана идея о том, что наряду с вычислительными центрами для научных расчетов, построенными в академиях наук, нужно создавать такие же центры общего пользования и для экономических расчетов.

Первым делом нужно было выяснить, кому нужны такие вычислительные центры и какие задачи они должны решать. Это сразу же привело меня к вопросам управления макроэкономикой, построению макроэкономических моделей. Тогда же мы придумали и разработали первую схему такого управления.

При разработке этих моделей оказалось, что их просто невозможно реализовать в вычислительных центрах, построенных по академическому принципу, как это предлагал Немчинов. Необходимо было создать охватывающую всю страну сеть из соединений между собой каналами связи нескольких десятков тысяч вычислительных центров разных уровней.

Это был первый в мире проект такой разветвленной сети вычислительных центров. В семидесятые годы этому проекту стали придавать большое значение не только у нас, но и в мировой практике. А тогда... Даже вспомнить не хочется! И многие ученые и технические эксперты были не согласны со мной, утверждали, что такая сеть может быть детским делом XXI века.

Конечно, сейчас я со смехом вспоминаю все эти шумные споры. Мой оппонент, как говорится, попал пальцем в небо. Какой уж тут XXI век, когда на недавней конференции ЮНЕСКО я узнал, что подобные сети вычислительных центров созданы или создаются не только в высокоразвитых странах, но и в Бенине, Индонезии... Но тогда мне было не до смеха. Реализация этой идеи с «помощью» оппозиции очень долго тормозилась. Приходилось десятки раз доказывать, убеждать, и, к сожалению,

порой безрезультатно. Что же, такое, конечно, бывает, но ведь время-то шло.

Думаю, что в продвижении моей идеи, в доказательстве ее не только жизнеспособности, но и необходимости немалую роль сыграло то, что в 1964 году мне на правительственном уровне предложили заняться автоматизацией управления в ряде машиностроительных отраслей союзного подчинения.

Обработанные этим доверием, мы сразу же начали работу одновременно в двух направлениях. Одно из них—автоматизация нижнего уровня—предприятий. Мы прекрасно знали, что дел предстоит немало, что трудиться придется напряженно и что только успех убедит оппонентов в нашей правоте.

Прошло всего три года, и автоматизированная система «Львов» вступила в строй на Львовском телевизионном заводе.

Не забыть мне 1967 год. Когда я докладывал в Государственном комитете по науке и технике о результатах внедрения системы, в зале, где проходило заседание, был установлен телетайп. Я предложил любому из присутствующих спросить через него у системы «Львов», что происходит на заводе.

Помню, был задан вопрос: «Как дела в третьем сборочном цехе?»

Наступило секундное молчание. Нервы были не то чтобы на пределе, но все-таки напряжены. Хотя в глубине души я был уверен, что все пройдет нормально. И компьютер начал отвечать: «Сейчас 11 часов 27 минут львовского времени. Согласно плану, на это время нужно было выпустить с конвейера 117 телевизоров. Фактический выпуск—112. Чтобы войти в график, нужно увеличить количество операторов на 2-м рабочем месте с двух до трех».

Принято говорить, что в таких случаях изобретатель вытирает дрожащей рукой пот со лба и облегченно вздыхает. Ни пота, ни вздохов, честно говоря, не было. Верил я в автоматизированную систему. И все-таки какое-то облегчение, что ли, наступило. Как же, ведь все сработало точно так, как и задумывалось. Легко стало на душе. Понял, все идет нормально.

Но испытание нашей системы на этом не закончилось. И если первая справка удивила присутствующих на заседании, то другая просто потрясла. Машине задали вопрос: «Кто из поставщиков будет тормозить работу завода через месяц?» И она тут же ответила. В ее память вводились все телеграммы об отправке грузов в адрес завода, и она прекрасно знала, откуда какие контейнеры идут, учитывала среднюю скорость движения грузов и данные о дефиците материальных средств.

Наша система практически устраняет ручное составление различного рода вторичных бухгалтерских и отчетных документов и автоматически сама их составляет, а по приказу может и отпечатать. Простым нажатием кнопки за секунду мы могли теперь получить данные, на подготовку которых раньше ушли бы дни, а может быть, и недели.

Кстати, если говорить о рентабельности, то последующие годы работы АСУ «Львов» показали, что эффективность вложенных средств в ее создание втрое превышает эффективность вложенных средств в само производство.

С помощью системы «Львов» уже тогда решалось более тридцати производственных задач: от учета и планирования материально-технического снабжения до планирования реализации готовой продукции. Ну, и самое главное ее достоинство—это, конечно, оперативное управление всем производством, которое осуществляется с помощью программы, содержащей в общей сложности около двухсот тысяч команд.

Вспоминается мне один случай. Дело даже не в том, что тогда, когда он произошел, многие из нас не могли скрыть улыбку. Просто случай этот показывает, что компьютер не только сведущ во всем, что происходит на предприятии, но и демонстрирует невоз-

можность обмануть эту, казалось бы, бездушную машину.

Вскоре после внедрения нашей АСУ на Львовском телевизионном заводе машина передала в один из цехов очередное задание. Мастер, работающий в этом цехе, еще не привык к компьютеру и, говоря по правде, не очень-то доверял этому «железному чудовищу». Посмотрев на задание, он со злорадством, что наконец-то этот слишком умный робот дал маху, отстучал на телетайпе: «Задание невыполнимо. Нет таких-то деталей».

Но еще он и от телетайпа отойти не успел, как тот опять заработал. Компьютер невозмутимо уверял, что эти детали на складе есть. Мастер снова пошел и проверил—нет деталей, и все тут. Компьютер же монотонно продолжал настаивать на своем. Спор явно начал затягиваться. И тогда на очередной запрос машина ответила, что эти детали в таком-то количестве были произведены вчера в таком-то цехе, а затем, проделав такой-то путь, попали, наконец, именно на склад.

Но машине и на этот раз не очень-то поверили. Стали проверять, правду ли она сообщила. И что же думаете? Оказалось, что она была совершенно права. Кладовщик, прекрасно зная, что именно эти детали дефицитны, просто хорошенько припрятал их, так сказать, «на черный день».

Когда же все это наконец-то обнаружилось, то и мало доверяющий компьютеру мастер вынужден был признать, что обмануть машину действительно не так-то легко. А нам оставалось только радоваться тому, что компьютер нашей системы еще раз подтвердил: память электронно-вычислительной машины поистине безгранична, она прекрасно помнит все, что происходит и происходило не только на всем заводе в целом, но и в каждом цехе, на каждом производственном участке.

После Львовской автоматизированной системы появилась Кунцевская. Сейчас эти системы, став типовыми, внедрены уже на сотнях предприятий нашей страны.

Когда стало ясно, что системы дают очень хороший результат, на XXIV съезде партии было признано необходимым широко развить эти работы во всех отраслях. Появилась программа создания Общегосударственной системы сбора и обработки информации для учета планирования и управления народным хозяйством (ОГАС) и сети вычислительных центров. Реализовываться она стала уже в семидесятые годы. В Москве создали Институт проблем управления при Комитете по науке и технике. Меня назначили его научным руководителем, а наш институт стал головным по математическому обеспечению ОГАС и Единой государственной сети вычислительных центров.

Когда же вся Общегосударственная система будет создана, она очень многое изменит в нашем народном хозяйстве. Значительно улучшится и станет более гибким планирование, откроются новые, еще не использованные ресурсы, возрастет производительность труда, полностью исчезнет бумажная волокита. Да и бумага-то, в сущности, не будет. Ведь вся информация на всех уровнях будет по линиям связи передаваться из одного вычислительного центра в другой.

Легко ли будет людям, привыкшим работать по вчерашним и сегодняшним правилам, привыкнуть к этому? Вопрос этот сложный. Помню, приезжает на одно из предприятий, где установлена наша автоматизированная система управления, один крупный финансовый работник. Ознакомили его с работой системы, а он и спрашивает: «Все это хорошо, но чем она может помочь нам, финансистам, бухгалтерам? Ничем!» Мы сказали ему, что система довольно успешно ведет бухгалтерский учет. «Как это ведет? А где документы?» Ему объяснили, что они находятся в памяти машины. «Где это в памяти?»—не по-

нял он. «На магнитных лентах». «Покажите»,—потребовал финансист. Подвели его к машине, показали, где ленты крутятся. «Где же документы? Не вижу документов!»—возмутился он.—«Раз бумаги нет, значит, и документов нет!»

Пример этот показывает, что не все сразу смогут работать по-новому. Но что поделаешь, жизнь не стоит на месте, и постепенный перевод информации с бумажных носителей в память ЭВМ не только неизбежен, но и сравним с новой революцией, которую по своему значению в истории человечества можно приравнять к изобретению книгопечатания.

Сейчас по решению Академии наук наш институт занимается принципами построения сверхбыстродействующих, сверхбольших машин четвертого и пятого поколений. Пока это еще в основном теоретическая работа, объединяющая в себе несколько линий, таких, как линия собственно машинной техники, технологии, программирования искусственного интеллекта и другие. Такая машина послужит технической базой для проектируемых нами систем и сетей ЭВМ. Так что в какой-то степени в этой работе концентрируются все наши усилия.

Благодаря научно-технической революции наука стала сегодня непосредственной производительной силой. Вряд ли кто-то станет спорить, сколь велико ее влияние на развитие народного хозяйства и, в частности, на промышленность. И в то же самое время индустриальные методы начинают все шире применяться в науке. Появилось сложное оборудование, углубилось разделение труда... Наука все чаще и чаще вынуждена обращаться к крупным комплексным проблемам, справиться с которыми могут лишь большие научные коллективы.

Поэтому одна из главных черт, на мой взгляд, необходимых современному ученому,—это умение работать в коллективе, хотя, конечно, остались и такие области, в которых и одиночные усилия еще играют существенную роль. Я имею в виду ученых-теоретиков. Но тем не менее тенденция прослеживается четко: от одиночных усилий—к коллективным и комплексным научным программам, к разделению труда и соответствующим системам управления наукой.

Проблемы управления наукой превратились сегодня в самостоятельную отрасль науки. И в связи с этим возникает много новых вопросов, связанных с квалификацией ученого. Теперь ученый даже самого высокого ранга, занимающийся комплексными проблемами, просто обязан быть знаком и с управлением наукой. Появилась и необходимость такого синтеза: с одной стороны, узкая направленность исследования, с другой—достаточно широкая общенаучная база.

Короче говоря, несмотря на то, что время гениальных одиночек проходит, все большую роль будет играть ученый, соединяющий в себе способность к глубокой индивидуальной научной работе на узком фронте с широким общенаучным кругозором, с пониманием и знанием законов управления наукой, научными коллективами.

В свое время в призыве к молодежи, решившей посвятить себя науке, академик Павлов выдвинул три основных требования: последовательность в освоении знаний; внутренняя скромность, которая не позволит человеку переоценить себя и побуждает его всю жизнь учиться; страсть, заставляющая человека гореть наукой.

Молодые люди, идущие в науку, всегда должны помнить, что в эпоху научно-технической революции особенно выросли социальная роль и этическая ценность науки. Я имею в виду понимание ее роли в обществе и ее ответственности перед обществом. Необходимо ясно понимать, что достижения науки должны служить на благо всему человечеству.

Записал
Геннадий МАКСИМОВИЧ.

Петер АДАМС (ГДР).

ЗАДАШКА**ЗАМКА****КАРЕНТИНА**

РОМАН-ПАРОДИЯ

Перевод Галины
и Юрия ЖАРОВЫХ.

Рисунки Сергея ТЮНИНА

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

в которой события развиваются с молниеносной быстротой. На леди Торп падает ПОДОЗРЕНИЕ В СОВЕРШЕНИИ УБИЙСТВА, что не должно удивлять, поскольку она совсем не настоящая английская леди, а стала ею, лишь выйдя замуж. В прошлом Торп была УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

Вопреки ожиданию беседа между Дороти Торп и Эрвином проходила мирно.

Когда Дороти ознакомилась с документами, у нее не осталось больше сомнений, что Эрвин — племянник второй степени родства с покойным — является законным наследником и может претендовать на пятьдесят тысяч фунтов от общего состояния. Для Дороти это был не очень радостный сюрприз, но ничего изменить уже было нельзя, и потому она восприняла факт хладнокровно. Главное же заключалось в том, что молодой археолог понравился ей, поскольку обладал многими качествами, но только не жаждой стать владельцем замка.

— Вашу идею создать здесь летний интернат для детей я нахожу великолепной, — сказал Эрвин. — Я бы тоже выделил на это небольшую сумму. Здесь могли бы отдыхать более полусотни детей из Ливерпуля, вдыхающих копать летом и зимой. Некоторые из них не знают даже, как выглядит бабочка или корова. — Он почесал нос и сказал неожиданно: — Я чувствую себя вольготно во время раскопок не только потому, что я археолог, но и потому, что жизнь здесь невнятна.

— Не спешите делать выводы. Сначала познакомьтесь с другими наследниками, — прервала его Дороти. — Тогда вам станет совсем тошно от этой ничемной компании, погрязшей в предрассудках, высокомерии и невежестве. — Какими могут быть высокомерие и невежество этой компании, она предоставила додумать своему гостю. — Признаться, один из них, — продолжала Дороти, — а именно доктор Эванс, составляет исключение, хотя он и не совсем нормальный. Доктор Эванс помешан на изобретательстве. Безопасные булавки, которые можно растягивать лишь с помощью кодовых знаков, патентный замок и ключи, позволяющие открывать десятки различных замков, машины с пропеллерами, о назначении которых он уже и сам забыл, бомбы, которые сами взрываются, как это было вчера, когда одна из них чуть было не подняла на воздух этот зал. Сюда примчалась полиция...

— Что она установила?

— Полиция считает, что с помощью этой адской машины я хотела превратить в порошок всех наследников и смешать их с известковой пылью.

— Разве это не было вашей целью?

— Сие не зависит от моего желания, — призналась Дороти. — Если бы я знала, как это сделать, чтобы не попасться, то уже давно на кладбище было бы на два могильных холмика больше. Я даже позаботилась бы, чтобы они были всегда ухожены.

— Вы весьма кровожадны, — сказал Эрвин с уважением. — А впрочем, я такой же, когда сталкиваюсь с несправедливостью, особенно когда к несправедливости относятся с равнодушием.

Приход Патриции и Энн прервал философскую беседу. Энн, которая теперь производила впечатление спокойного и уравновешенного человека, жонглируя, внесла большой поднос с завтраком.

Патриция, не скрывая тревоги, сообщила, что пропал доктор Эванс. Его кровать не разобрана, зубная щетка и электрическая бритва, им сконструированная, лежат нетронутые.

— Пока в доме находится этот темный тип Фишер, я не удивлюсь, если однажды мы будем повешены, отравлены, застрелены, зарезаны или будут найдены наши обуглившиеся трупы, — закончила свое сообщение Патриция, что, однако, не помешало ей с аппетитом проглотить поджаренный хлебец.

Эрвин поморщил лоб, что-то вспоминая.

— Вы сказали, что доктор Эванс изобрел патентный замок?

— Десятки замков, — ответила Дороти. — Он врезал один такой в кладовой. Его можно открыть, если при повороте ключ вставлять глубже и вытаскивать. Ни один жулик не дойдет до этого.

— А что, если полиция арестовала сегодня ночью нашего милого бедного доктора Эванса, и поэтому он пропал? О, как страшен этот мир!

Бедная Патриция! Мрачность мироощущения никак не покидала ее.

Эрвин вынул из кармана связку отмычек и бросил ее на стол.

— Вы когда-нибудь видели эти отмычки?

Патриция перекрестилась.

— Он всегда носил их с собой и однажды поздно вечером проник с их помощью в мою комнату. — Она покраснела. — Он хотел лишь узнать, есть ли у нас в доме чеснок. Он варит себе, когда работает по ночам, специальный напиток для бодрствования. А теперь он, вероятно, мертв. О, я давно это предчувствовала!

Когда Эрвин был в библиотеке, он положил там на пол пакет. Теперь он взял его, развернул испачканную газету и поставил на белоснежную скатерть найденный в болотной трясины грязный лакированный ботинок.

Дороти потрогала ботинок пальцем, как будто она хотела удостовериться, не галлюцинация ли это.

Когда Эрвин рассказал, где его нашел, она сказала решительно:

— Нужно срочно найти жердь и прощупать весь пруд, чтобы найти Эванса.

Дороти встала, поглядела на Энн, крепко спавшую в кресле, и велела Эрвину следовать за ней.

Это было неприятное занятие — лазить по болоту и прощупывать шестом дно, пока Фишер не обнаружил тело Эванса. Тогда это занятие показалось всем жутким.

— Надо срочно позвонить инспектору Бейли. Совершенно ясно, что кто-то убил его, — заявила Дороти, придя в себя.

Несмотря на свою тучность, инспектор Бейли подчас был чрезвычайно расторопным. Обычно, поднявшись всего лишь на четыре-пять ступенек, он начинал пыхтеть, а достигнув первой лестничной площадки, еще раз убеждал себя в том, что уже самое время увеличить взнос за страхование жизни. Но когда требовала ситуация, он забывал о своем ожиревшем сердце, равно как и о весе, и перелезал через полтора метра паркет или бесшумно поднимался на цыпочках на пятый этаж. После посещения Карентина он все время думал о происшедшем. Интуиция подсказывала ему, что трагикомедия с наследством вступила лишь в свой первый акт. Поэтому вполне понятно, что он с глубоким внутренним недовольством воспринял сообщение, что смерть, как обычно говорил его любимый автор, основатель английского антиромана Бенджамин Братт, сорвала свое первое яблоко.

Дороти ждала его у подъезда и явно удивилась тому, как проворно на этот раз толстяк Бейли выпрыгнул из автомобиля, как кратко он формулировал вопросы и как энергично давал необходимые указания своим людям. Осмотрев труп и место происшествия, он приказал Дороти позаботиться, чтобы все жители замка оставались в своих комнатах до специального указания.

Первым он решил допросить Эрвина.

— Где мы можем спокойно поговорить? — спросил Бейли.

— Лучше всего в библиотеке, — предложила Дороти, совсем забыв, что там в кресле спит Энн.

Когда инспектор и Эрвин вошли в библиотеку, сплошь заставленную книгами, которые за последние пятьдесят лет никто в руки не брал, они услышали странный свист.

— Это моя жена, — объяснил молодой археолог, — разбудить ее? Это будет, правда, довольно сложно. Она не спала всю ночь.

Бейли, некоторое время разглядывавший Энн, заинтересовался, почему она спит не в кровати, а в кресле, и решил, что ее не следует будить. Похожее на свист похрапывание впервые за это утро заставило его улыбнуться. За этим последовала еще одна улыбка, когда он услышал тихий, боязливый стук в дверь. Облизывая губы, он сказал Эрвину:

— Опять несут восемь бутылок. Добрая душа дома хочет утопить меня в портере.

Добрая душа, как всегда одетая в черное, с достоинством и в то же время смущенно держала в руках корзину и подыскивала слова, как лучше предложить свой дар инспектору.

Бейли отрицательно покачал головой и указал большим пальцем на угол:

— Поставьте туда. Выпьем после окончания допросов.

Едва за Патрицией закрылась дверь, как Бейли сказал Эрвину:

— Откройте для нас бутылочку. Допросы могут продлиться до позднего вечера, и у меня нет никакого желания кончить жизнь мучеником криминалистики.

Осушив одним залпом три четверти бутылки, Бейли спросил:

— Почему вы ночевали у Шеннона и не приехали сюда вчера?

— Потому что Локридж пригласил меня лишь к пяти часам, чтобы информировать о подробностях этого неожиданного наследства.

— Человека, который получает наследство в пятьдесят тысяч фунтов, адвокат к себе не приглашает,— заметил Бейли.— Он сам бежит рысцой, когда его вызывают.

— В этом отношении у меня еще нет опыта. До сих пор я не видел больше ста фунтов. Археология— такая область, где не загребают больших денег.

— До приезда супруги вы ночью спали?

— Нет, я не спал и несколько часов бродил по округе. Я должен был решить одну проблему, а в таких случаях я никогда не могу спать.

— Какую проблему?

— Что делать с деньгами. До меня не доходило, что я наследую такую кучу денег.

— Итак, вы гуляли, чтобы иметь возможность поразмышлять. Такое бывает. Правда, для ночных размышлений нескольких часов многовато.

— Когда я думаю, я не смотрю на часы, так же, как вы не считаете бутылки портера, когда, размышляя, опорожняете их.

Бейли сделал вид, что не услышал этой дерзости, и уже собирался задать следующий вопрос, как сержант Вильямс попросил его на минутку выйти.

Когда Бейли вернулся, выражение его лица было задумчивым.

— Вы помните, где гуляли ночью?— спросил он.

— По Уолсу. Потом я вышел за город и побрел дальше. Вокруг были луга, небольшой лесок. Теперь я и не помню точно, поскольку плохо знаю эту местность.

— А вы случайно не были около замка?

Эрвин на мгновение заколебался.

— Как же, был.

— И что же вы здесь ночью искали?

— Хотелось посмотреть на замок. Ярko светила луна...

— Луны не было, небо было покрыто тучами. Я тоже плохо сплю,— заметил Бейли.

— Да, конечно, поэтому я и повернул назад. Я признаю, что это была дикая затея с моей стороны, потому что все равно я ничего не увидел.

— А в парке вы были?

— Я не мог туда попасть. Ворота были закрыты, а я ведь не такой специалист, как Эванс, который отмычкой может открыть сейф.

— Сможете ли вы повторить эти показания под присягой?

— Куда вы клоните? Разве я вас обманываю?

— Именно так, сын мой. Вы меня обманываете.— Бейли пошарил в кармане пиджака, вынул медное кольцо и поднес его к носу Эрвина.— Вам это знакомо?

— Конечно. Это уплотняющее кольцо свечи зажигания автодвигателя.

— Не свечи какого-то мифического автодвигателя, а двигателя именно вашей автомашины «Форд» модели 1924 года. Как вы полагаете, где нашел Вильямс это кольцо? В десяти метрах от главного входа, около стены со стороны парка. Когда вы перелезали или прыгали через забор, кольцо выпало из вашего кармана. Мои люди установили также, что при прыжке вы поскользнулись и упали, ударившись носом. Затем, как я полагаю, вы подошли к воротам. Хотя луна почти не светила, вы остановились, чтобы посмотреть на замок. Это продолжалось до тех пор, пока еще один любитель ночных прогулок, доктор Эванс, не вышел из замка, чтобы тоже пройтись. То, что он делал это почти каждую вторую ночь, вы могли узнать в Уолсе от десятка людей и не в последнюю очередь от самого Билла Шеннона. Что отсюда вытекает, можно установить с предельной ясностью.

— Из этого ничего не вытекает или в крайнем случае глупое подозрение, которое не имеет под собой ничего иного, кроме плохой работы серого вещества вашего мозга. Вы старый осел.

Перед начальством Эрвин не испытывал большого трепета.

— Осел или не осел,— ответил подчеркнуто дружелюбно Бейли, не будучи ни на йоту оскорбленным,— для меня ясно одно. О завещании и других наследниках вы могли узнать еще в Лондоне. Ну, а теперь предположим, что вы устанавливаете связь с Эвансом, выясняете, чем он занимается в подвале, и решаете стать единственным наследником. Дальше: покушение при помощи взрыва на ваших «любимых» не удалось, и Эванс знает, что только вы могли совершить покушение. Если это так, то

становится ясным, почему вы после того, как не удалось убить Эванса, решили утопить его. Ну, что вы скажете на это?

— Не отвечай ему. Тресни его как следует, чтобы портер брызнул,— послышалось из кресла, откуда только что раздавалось мирное похрапывание Энн.

— Нельзя же быть столь невоспитанной, миссис Конрой,— пробурчал Бейли благожелательно, как будто он ласково трепал по щечке милого, капризного ребенка.— Кстати, вам бы следовало бросить свою профессию актрисы. У меня нет никаких сомнений, что вы ничего не достигнете на этой стезе.

Энн очень хорошо знала, что она не обладала большим талантом, более того, даже малым или вообще каким-либо. Но признаться в этом она могла лишь себе.

— Толстый бовер,— фыркнула Энн.— Где и когда вы видели меня на сцене?

— Я слышал, как вы храпите. Это было жалкое зрелище.

Эрвин встал.

— Послушайте, охотник за убийцами, мне было приятно побеседовать с вами, но все хорошее имеет свой предел.

— У меня к вам еще один вопрос.

— Ни одного.— Эрвин направился к выходу.

— Тогда я предупреждаю: без моего разрешения вы не должны покидать Уолс, иначе я прикажу вас арестовать. И тогда вы уже не сможете больше прогуливаться ни днем, ни ночью.

Следующей на допрос была приглашена Дороти. Бейли попросил ее рассказать, как прошел вчерашний день, и прервал, когда она начала рассказывать о позднем визите доктора Эванса.

— Считаете ли вы, что он действительно знал, кто хотел взорвать зал?

— Никогда нельзя было понять, что хочет Эванс,— ответила Дороти.

— И в тот момент, когда вы разговаривали с доктором Эвансом, вошел дворецкий и сообщил об украденном виски. Это была случайность или он подслушивал за дверью?— спросил Бейли.

— На этот вопрос я не могу ответить с достоверностью.

— Тогда последний вопрос.— Бейли поставил пятую бутылку около себя на пол.— Ложились ли вы этой ночью спать? Вы понимаете, что это банальный вопрос, но я обязан...

— Я понимаю вас очень хорошо, инспектор. Ведь вы должны добросовестно выполнять свои обязанности, поскольку живете за счет грошей налогоплательщиков. Вы спрашиваете, где я провела эту ночь. Конечно, не в своей кровати! Но, к сожалению, я не могу сказать, где. В мои годы надо соблюдать такт. Вы все еще продолжаете меня подозревать?

— Почему бы, собственно, и нет?— вопросом на вопрос ответил Бейли.

— Конечно. Если бы вы недельку провели с этими мерзкими людьми, вместе бы ели и каждый вечер играли в бридж, то вы бы после этого попали в сумасшедший дом или совершили десяток покушений. И молили бы бога, чтобы хоть одно из них удалось.

— Я мог бы расценить это как признание, но я не сделаю этого.— Инспектор торжественно открыл шестую бутылку.— Только об одном прошу: если дворецкий попытается выведать, о чем мы беседовали, ни слова ему.

— Вы подозреваете дворецкого?

— Настоящий криминалист не исключает при расследовании даже самого себя, как преступника,— сострил Бейли. Затем он попросил прислать в библиотеку дворецкого.

Когда вошел Фишер, весь воплощение такта и достоинства, Бейли сделал вид, что совершенно не замечает его. Даже не пошевелившись в кресле, он неожиданно выпалил:

— Ну, старый лгун, симулянт и шантажист, что вы можете привести в доказательство своей невиновности в этом деле? Где вы шлялись в эту ночь?

— Сэр, прошу вас не разговаривать в таком тоне...

— Я назвал вас старым лгуном, симулянтом и шантажистом и остаюсь при этом мнении. Может быть, я должен напомнить вам, за что вы в 1953 году отсидели два с половиной года в Хэйтауне? Разве это был не шантаж, когда вы потребовали от владельца мебельной фабрики Стефенса пятьсот фунтов за тайну его связи с секретаршей? А чем вы занимались потом?

— Я был на Дальнем Востоке, плавал стюардом на различных торговых судах, которые брали на борт пассажиров. Там я старался безупречно вести себя как расквашивающийся, исправляющийся...

— Заткнитесь, а то я начну икать от ваших высокопарных оборотов речи. Перечислите мне названия судов.

Фишеру не составило труда вспомнить их названия. Он даже знал точное время службы на них.

— Почему вы вернулись в Англию? Вы, лгун, симулянт и шантажист!

Глаза Фишера вспыхнули ненавистью.

— Конечно, не для того, чтобы встретить таких... людей, как вы.

— Охотно верю. Сдается мне, что я еще превращу вашу жизнь в ад, а мое чутье редко подводит меня. Что вы делали вчера ночью? У вас есть алиби?

— Само собой разумеется, сэр.— Фишер вновь предстал почтенным, сдержанным дворецким.— Эту ночь я провел в своей постели с горничной Розой. Она может это подтвердить. А если вы не верите, то тому есть еще одно доказательство.

— Какие же?

— У Розы падают волосы, и, если вы осмотрите подушку и постель, вы определенно найдете там, как это уже не раз бывало, несколько чужих волос.

Ответ был явно издевательским, но вместо того, чтобы рывкнуть на Фишера, инспектор добродушно сказал:

— Что же, это можно учесть. Что вы торчите как пень, садитесь. Но только, пожалуйста, без выкрутас и так, чтобы не был слышен хруст ваших суставов.

Фишер присел на край стула.

— Ну, а теперь рассказывайте. Что вы заметили этой ночью?

— Вы, наверное, уже знаете, что леди Торп и доктор Эванс хорошо понимали друг друга,— начал Фишер.— Она интересовалась его изобретениями. Он планировал перестроить и некоторые другие помещения замка под свою лабораторию.

— Вы хотите сказать, что они были единомышленниками?

— Делать выводы я предоставляю вам, сэр.

— Зачем вы вчера вечером подслушивали под дверью леди Торп?

— Я не подслушивал, а хотел лишь сообщить, что этот музейный экспонат, полковник, втихую пьет ее виски. Но я услышал, что миледи и доктор Эванс оживленно разговаривают. Были слышны обрывки фраз: «...это не должно было случиться... атрофия мозга... лежали бы на кладбище рядом друг с другом...»

Бейли задумался и неожиданно отпустил Фишера без дальнейших вопросов.

Когда инспектор остался один, на его лице не осталось и следа от обычной жизнерадостности. Он выглядел усталым и изможденным.

Бейли размышлял, не пригласить ли ему полковника и бывшую начальницу почты. Затем он тяжело поднялся, с печальным видом вышел из библиотеки и направился по лестнице на второй этаж.

Декстер сидел за столом. Напротив него в кресла-качалке разместились Стелла Грэдди.

Комната была увешана и заставлена картинами, кубками, фотографиями и грамотами из славного прошлого полковника. На одной из пожелтевших фотографий был запечатлен воспитанник Гарвардского университета, на другой — победитель турнира по гольфу. Два серебряных и хрустальных кубка говорили о том, что Декстер был отличным жокеем. Но больше всего фотографий было из периода двадцатилетней службы в армии. Где бы ни было — в джунглях, пустыне или у стен форта, — Декстер везде стоял или сидел в центре группы молодых офицеров, и в его санке проглядывало превосходство над другими, любовь командовать, подчинять себе окружающих. И вместе с тем полное отсутствие мысли выражала его улыбающаяся, тщеславная физиономия.

Усмехнувшись и издав при этом звук, который можно было равно расценить как приветствие или рычание злого бульдога, Бейли сделал жест, который должен был показать полковнику, что он о нем думает. Затем инспектор молча взял со стола коньячную рюмку и понохал.

— Это и есть виски, которое вы украли из винного подвала?

Декстер вскочил, кипя благородным негодованием.

— Вы много позволяете себе, сэр! Я буду жаловаться вашему начальству, я...

— Вы заплатите пятьсот фунтов штрафа или поменяете свой дом на трехместную камеру в Ливерпульской тюрьме,— прорычал инспектор. В его характере окончательно проснулся бульдог.

Еще с детских лет Гарри Декстер слегка косил. Но до прихода Бейли этот дефект почти не был замечен. Теперь его окончательно перекосило. Он хотел испелить инспектора уничтожающим взглядом, но смог разглядеть лишь свой собственный нос, а никак не Бейли.

— Что вы знаете о докторе Эвансе? Каковы были его отношения с леди Торп?— спросил Бейли почтительно начальнически. Задав конкретный вопрос, он дал ей возможность прийти в себя перед тем, как перейти в наступление.

— Они всегда были неразлучны,— зло ответила

Стелла Грэдди.— К тому же Эванс был единственный человек, который выносил эту леди.

Декстер протянул руку к рюмке, но Бейли успел схватить ее быстрее. Красивым натренированным жестом он вылил коньяк в вазу с бессмертниками.

— Идет допрос, и я требую, чтобы вы давали предельно точные показания, а не лежали под столом.

Гарри Декстер подскокил, но тут же шлепнулся на свой стул. Бейли был не только тучным, но и сильным человеком.

— Значит, оба симпатизировали друг другу,— продолжал допрос инспектор.

— Алчность и только алчность объединяла их. Я могу поклясться, что не кто иной, как эта сельская учительница, уговорила Эванса взорвать зал, где мы находились.— На щеках Грэдди появились красные пятна.

— Он хотел вас взорвать и сам находился с вами?

— Вот это и есть то дьявольское в этой особе, которая титуловала себя миледи; хотя она всего лишь простая сельская учительница. Она ненавидит каждого, кому должна отдать хотя бы десять фунтов из наследства своего покойного мужа. Она ни на минуту не задумается перед тем, как убить тысячу людей, если это поможет ей одной завладеть наследством.

— Значит, вы считаете, что она намеревалась убить и Эванса?

— Само собой разумеется. Иначе, выходя из зала, она пригласила бы его с собой.

— И поскольку этот бедный человек все понял и не захотел больше быть ее сообщником, он должен был за это поплатиться,— заметил полковник, который после длительной внутренней борьбы наконец пришел в себя.

— В этом не может быть никакого сомнения. Это она убила его и бросила в болото,— добавила Стелла Грэдди.

— Инспектор, я очень боюсь, что может случиться несчастье... Не можете ли вы оставить здесь для нашей охраны своего сотрудника?

— Почему бы не собрать вам свои чемоданы, если боитесь, и не уехать отсюда хотя бы на время?— пробурчал Бейли.

— Но мы должны десять лет находиться вместе с этой особой. Таково условие покойного сэра Роберта.

— Если деньги вы цените дороже, чем собственную жизнь, то надо рисковать. Вы тоже можете оказаться с лягушками в болоте. Но это так, к слову.

Сделав это ядовитое замечание, Бейли вышел из комнаты. Он не сказал, что еще днем решил вызвать из Ливерпуля сотрудника для охраны замка.

В разрушенном после взрыва зале его ждал сержант Вильямс.

— Сэр, только что звонил доктор Поттер. Эванс не утопился и не был утоплен. Он был задушен. В его комнате мы обнаружили обрывок шнура от штормы, которым, по всей видимости, и воспользовался убийца.

Бейли сел в служебную машину и задумался: как быть? Что теперь делать? Поразмыслив, он решил посетить Билла Шеннона.

Едва машина тронулась, как двойной подбородок Бейли упал на грудь и он крепко заснул.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой инспектор Бейли неожиданно посещает таверну «Кровавая кузница». Тем временем совершается второе убийство, но труп убитого не могут обнаружить.

Уже смеркалось, когда машина въехала на булыжную мостовую главной улицы Уолса, ведущей в гавань. Шел мелкий дождь, туман наплывал с моря через весь старый городок, обволакивая узкие улицы и дворы. То там, то здесь в окнах загорались огни. Послышался гудок парохода. Часы на башне церкви из красного кирпича пробили шесть.

Проехав базарную площадь, шофер дал резкий сигнал, чтобы разбудить инспектора.

В «Кровавой кузнице», которая в сумерках производила на проезжающих торговцев впечатление разбойничьего вертепа, инспектор не застал Билла Шеннона. Экономка сообщила, что днем он уехал на рыбную лодку и, видимо, еще находится в гавани.

Небольшая шхуна стояла у причала с торчащими толстыми деревянными сваями. Почти трехметровый дельфин висел на лебедке, и трактирщик в высоких рыбацких сапогах и знойдвестке стоял с кем-то на борту, изучающе рассматривая добычу.

В зубах незнакомца была трубка, при каждой затяжке из нее с треском вылетали искры.казалось, что табак, который курил этот человек, был смешан с порохом.

— Пойдемте в трактир и выпьем по маленькой, что-то прохладно стало,— пригласил Шеннон инспектора. Он сразу узнал Бейли, потому, что, как и все другие в Уолсе, был в курсе событий в Карентине.

Но Бейли не спешил. Он влез на палубу шхуны и внимательно осматривал ее.

— Прекрасный экземпляр. Я и не знал, что в наших водах водятся такие большие дельфины. На какую наживку удалось вам поймать такую тушу?— Он поискал глазами незнакомца, но того и след простыл, будто он растворился в воздухе.

— Идемте, идемте, инспектор. Сейчас хлынет как из ведра,— настаивал трактирщик.

— Да, действительно великолепный экземпляр,— повторил инспектор.— Спустите-ка это морское чудо на палубу. Мне хотелось бы рассмотреть его поближе.

Шеннон пытался сопротивляться, но инспектор не уступал, и трактирщику не оставалось ничего другого, как исполнить требование Бейли.

Он спустил дельфина с лебедки и сказал равнодушным голосом:

— Мне приходилось ловить и покрупнее. Этот ничего собой не представляет.

— Дайте-ка нож. Я хочу поковыряться в этой огромной рыбке.

— Зачем вам в ней ковыряться, это же... Нет, не дам.— Шеннон спрятал нож за спину.

— Почему?— Бейли усмехнулся.— Я слышал, что есть сорт дельфинов, в артериях которых вместо крови течет настоящий «Бурбон». Мне сдается, что этот чудный дельфин как раз относится к такой разновидности. Представьте себе: я делаю отверстие в его брюхе, и оттуда бьет ключом настоящий французский коньяк! Целых две бочки! Доход от этого составил бы больше, чем я зарабатываю за целый год, обдирая при этом бедных налогоплательщиков.

Шеннон явно влип, но он был разумным человеком и умел воспринимать удары судьбы с должным юмором.

— Хорошо,— сказал он,— разделяйте моего дельфина. Но перед тем, как вы арестуете и уведете меня, я так напысь, что об увезде не будет и речи: вам придется нести меня на носилках.

— Давайте сначала попробуем вашего добротного коньячку, а затем вместе решим, что делать.

Шеннон сразу сообразил, что ангел-спаситель кружит над его грешной головой, и был готов поить инспектора хоть весь срок грозившего ему тюремного заключения.

Они спустились в каюту. Там было уютно и тепло. Начищенная до блеска керосиновая лампа излучала приятный свет.

Это был удачный вечер для инспектора. Напротив него сидел правонарушитель. Правда, хорошее настроение и шутки заставили Бейли забыть, что контрабанда является, собственно говоря, преступлением.

Шеннон доказывал Бейли, что контрабанда— это всегда риск и вызов существующему общественному порядку. «Так что,— продолжал владетель «Кровавой кузницы»,— я, как представитель трудящихся масс...»

— Замолчите, наконец, трудящийся человек, и ответьте мне на один вопрос, но честно, иначе я велю вас арестовать, и тогда вы будете лишь во сне видеть дельфинов и средства для пыток в вашей таверне.

— Мне ничего не остается, как быть честным и откровенным. По крайней мере в отношении вас,— заверил Шеннон.— В чем я должен признаться?

— Миссис Торп была вчера вечером в вашем притоне?

Шеннон утвердительно кивнул.

— Но это ничего не значит. Я имею в виду убийство,— добавил он тут же.— Она иногда ночует у меня, если выпьет больше трех стаканов своей адской смеси.

— Когда она появилась у вас вчера?

— Где-то около одиннадцати.

— Где вы ее разместили?

— В комнате рядом с ванной, там тихо.

— Могла ли она покинуть таверну незамеченной?

— Да. Это вполне возможно.

— Нарисуйте мне план дома.

Бейли достал карандаш и вырвал листок из записной книжки.

— Ну, а теперь покажите мне, где ночевал известный вам Конрой.

— Вот здесь.— Шеннон ткнул карандашом в прямоугольник, расположенный как раз напротив комнаты, в которой Дороти Торп готовила свой дьявольский напиток с перцем.

— Значит, оба могли приятно беседовать друг с другом, вот как мы с вами?

На улице шумел ветер, капли дождя стучали по палубе шхуны, волны с шумом разбивались о мол.

От этого каюта делалась еще уютнее. И все же Шеннон помрачнел.

— Я знаю, куда вы клоните,— сказал он.— И вообще вы чертовски хитры и коварны. Я таких същиков не встречал. Другой бы начал меня строго допрашивать, ничего не выудив. Я бы так водил его за нос, что без моей помощи он не знал бы, как выйти отсюда. Вы же прохаживаетесь по каюте, такой развеселый, и как бы между прочим выясняете, что я занимаюсь контрабандой; пьете мой контрабандный коньяк, и я, того не подозревая, выдаю вам все свои секреты, в том числе даже случай с моей теткой Корнелией и ангелом, которого она заказала на свою могилу у архитектора за три тысячи фунтов. А зачем ей это было надо? Да чтобы не оставить своим наследникам ни одного шиллинга. Теперь вы подозреваете Дороти и молодого Конроя, и в этом виноват я.

— Может быть, я подозреваю даже вас. Вполне возможно, что вы хотите помочь своей подруге детства уничтожить прочих наследников, чтобы затем напалить на нее фату и подвести к алтарю.

Когда час спустя инспектор покидал каюту, на улице бушевал такой ветер, что едва можно было слышать свой собственный голос.

Он крепко ругал себя за обещание Шеннону сделать вид, что ничего не знает о дельфине, начиненном коньяком. Все же Бейли решил обратить внимание своих коллег на то, что есть дельфины, которые в своих потрохах облагораживают морскую воду, превращая ее в коньяк. Шеннону же он порекомендует впредь сдерживать свои контрабандистские наклонности.

Придя домой, Бейли, несмотря на усталость, подготовил сообщение для начальства.

Он лег, но и в постели не находил покоя. На ночном столике громко тикал будильник, который Бейли купил в универсаме за пять шиллингов. Тиканье будильника напоминало ему звуки адской машины, навевало думы о бомбе в Карентине...

Наконец он уснул.

От резкого звонка Бейли вскочил. Но это был не будильник, а телефон.

Ругаясь, он снял трубку. Звонила Стелла Грэдди. От волнения она едва могла говорить.

Пока инспектор и Шеннон распивали коньяк в каюте шхуны, Эрвин привез свою жену ночевать в Уолс в таверну «Кровавая кузница».

— По крайней мере там ты будешь в безопасности.

— А если завтра утром я приеду, а тебя выживают из болота?— спросила Энн без особого огорчения. Она, видимо, и сама не верила в такую возможность.

Эрвин выдавил из себя громкий смех.

— На этот раз убийца придумает что-нибудь другое.

Вернувшись в Карентин, Эрвин направился к Дороти.

Она сидела с ногами на диване и курила сигарету необыкновенной длины.

— Я боюсь выходить из комнаты,— пожаловалась она.— Даже здесь, в этих четырех стенах, мне мерещатся в каждом углу убийцы. Наверняка кто-то стоит за дверью и подслушивает.

Эрвин резко открыл дверь. В слабо освещенном коридоре никого не было. Но в конце его бесшумно двигалась тень, которая тут же исчезла. Кто это был? Грэдди, Фишер или Декстер?

Вернувшись в комнату, он закрыл дверь на ключ, включил радио, достал шахматы и лишь после этого продолжил беседу с Дороти...

Фигуры на шахматной доске остались нетронутыми, когда Эрвин на цыпочках, со связанными ботинками на шее вышел от Дороти. В руках Эрвина мигал карманный фонарик.

Он дошел до конца коридора и открыл дверь, ведущую в просторную галерею. Эрвин обратил внимание, что дверные петли были смазаны и не издавали ни малейшего звука.

Лестницы по обе стороны галереи вели вниз, в зал. Эрвин подошел к балюстраде и осветил карманным фонариком. Повсюду можно было видеть следы взрыва: зияющие проломы в стенах, почти двухметровая дыра в полу...

Оглушающий удар обрушился сзади на его голову. От резкого толчка Эрвин свалился с шестиметровой высоты на кафельные плиты. Он дико закричал, заглушив треск ломающихся деревянных перил.

Распластав руки и как-то неестественно повернув голову в сторону, Эрвин остался лежать без движения, вокруг его головы растекались кровавые пятна.

В это время Стелла Грэдди, которую мучила бессонница, совершила обход. Она услышала крик и, вбежав в зал, увидела лежащего на полу Конроя. Об этом она позже сообщила на допросе...

Это было странно, но она не разбудила никого в доме, а позвонила инспектору.

Бейли погрузил свое тучное тело в ванну с горячей, если не сказать кипящей водой. Красный как рак, пытаясь, он принял после этого холодный душ и почувствовал себя настолько бодрым, что мог сесть за руль автомашины.

К своему удивлению, он не увидел ни в одном из окон замка света. Казалось, все погрузилось в глубокий сон. Неожиданно парадная дверь, перед которой он стоял, открылась, и появилась Стелла Грэди.

— Слава богу, инспектор, что вы наконец здесь,— прошептала она.— После того, как я обнаружила в зале труп, я почувствовала, что кто-то следит за мной. Поэтому я спряталась между двумя шкафами в прихожей, чтобы сразу открыть вам дверь.

— Почему вы думаете, что Конрой мертв?
— Во время войны я была медсестрой и умею отличить раненого от убитого.

Сразу у входа слева был выключатель. Бейли нажал на него. Зажглись люстра и торшер.

— Он лежит там!— сказала Стелла.
Но там, куда она указала рукой, никого не было.
— Это невероятно!— воскликнула Стелла.— Я видела его собственными глазами!

— Оказывается, есть трупы, которые восстают из мертвых не только в день Страшного суда.

Эта привычная шутка никак не отражала настроения инспектора. Пятно крови на кафеле не оставляло сомнений, что здесь лежал тяжелораненый человек. Исследовав сломанные перила балюстрады, он нашел следы, которые явно свидетельствовали об акте насилия. Перила были подпилены.

Когда обитатели замка появились в зале, Бейли сообщил им о происшедшем.

На голове у Дороти были бигуди, но она покрыла их шелковой шалью. Фишер был расстроен и не так вызывающе респектабелен, как обычно. Декстер, слегка шатаясь, бормотал что-то про себя, как будто он совершенно не понимал, почему его подняли среди ночи. Патриция стояла в длинной фиолетовой ночной рубашке, которая, как и все другое, что она носила, отражала ее пессимистическое мировоззрение, поскольку была отделана черными кружевами.

Поразмыслив, Бейли позвонил Вильямсу и в полицейпрезидиум в Ливерпуле. Завещание покойного Торпа таило смертельную опасность для всех его наследников.

Обыск, проведенный Бейли и Вильямсом, ничего не дал. Куда делся Конрой, узнать не удалось.

Когда сообщили Энн, что ее муж исчез, с нее как рукой сняло присущее ей озорство, и она разрыдалась.

— Вы действительно полагаете, инспектор, что он убит?— спросила она, всхлипывая.

Бейли решил сказать ей правду.
— Я этого не знаю. Если быть до конца честным, я и сам не понимаю, зачем нужно было его убирать.

Шеннон успокоил и подбодрил Энн. Поразмыслив, она пришла к выводу, что по сравнению с Карентином таверна «Кровавая кузница» со своими орудиями пыток была куда более спокойной обителью.

Продолжение следует.

ПОТРАНИРУЙТЕСЬ ПЕРЕД ОЛИМПИАДОЙ

Предлагаем вниманию читателей «Смены» две позиции из турнирной практики. Разбор этих интересных фрагментов явится хорошей тренировкой перед открывающейся вскоре нашей новой шахматной олимпиадой.

Ход черных. Какой комбинацией они могут форсировать победу?

Фамилии любителей шахмат, первыми приславших правильные ответы, мы опубликуем в журнале. Срок отправления этих писем истекает 28 февраля с. г.

Ход черных. Как должна закончиться борьба при наилучших действиях обеих сторон?

ДЕБЮТАНТУ ВСЕГО 15!

«Под занавес» минувшего года в Тбилиси состоялся традиционный форум сильнейших шахматистов СССР—высшая лига чемпионата страны. Среди 18 участников турнира было несколько молодых дебютантов и в их числе 15-летний бакинский комсомолец Гарик Каспаров. И его итоговый результат оказался достаточно хорошим (девятое место), и ряд сыгранных им шахматных партий заслужил высокую похвалу опытных специалистов и прежде всего его главного консультанта, экс-чемпиона мира М. М. Ботвинника.

Думается, что нашим читателям доставит немало удовольствия разбор двух примеров игрового почерка юного бакинца на всеоюзном первенстве.

К такому положению пришел после 22-го хода черных поединок Каспарова (у него были белые фигуры) с Геннадием Кузьми-

ным—гроссмейстером из Ворошиловграда. В плане Гарика активизация на королевском фланге, партнер же его сосредоточивает свои силы на ферзевом фланге.
23. Kf3—h2! Kh5—f4 24. Kh2—g4 Cf8—g7 25. h3—h4 Fc7—c8 26. Kg4—e3 Cb5:c4 27. b3:c4 Cg7—h6?

В сложной ситуации черные предпринимают естественный на вид маневр слона, однако на поверку он оказывается серьезной ошибкой.

28. La1:a8 Lb8:a8 29. Cc2—d1 La8—a3 30. g2—g3 Kf4—h5 31. Fd2—b2! Fc8—a8 32. Cd1:h5 Ch6:e3 33. Le1:e3 g6:h5 34. Kpg1—g2 Kb7—d8 35. Fb2—e2 Kd8—f7 36. Fe2:h5.

Белые умело воспользовались промахом соперника: они не только выиграли пешку, но и быстро развертывают на ослабленную позицию неприятельского короля опаснейшую атаку.

36. ...Fa8—a6 37. Le3—f3 Fa6—b7 38. Fh5—g4+ Kpg8—f8 39. Fg4—f5! Fb7—e7 40. Ff5:h7 La3—a4 41. Cc3—d2!, и черные сдались, так как удовлетворительной защиты у них нет никакой (скажем, 41. ...L:c4 42. Cg5! K:g5 43. Fh8+ K:f7 44. hg и т. д.).

На этой диаграмме изображен эндшпиль, возникший после 30-го хода черных у Каспарова (здесь он тоже играл белыми) с гроссмейстером из Московской области Львом Полугаевским. Несмотря на сравнительно небольшое количество фигур на поле «боя», Гарик

динамично взаимодействует ими, одновременно показывая завидную для 15-летнего мастера технику реализации позиционного перевеса.

31. Lf3—d3+! Kpd7—c7 32. Le1—e8 Kg8—e7 33. Le8—d8 Ke7—c6 34. Ld8—d7+ Kpc7—b6 35. Ld7:f7 Cf6—e7 36. Ld3—e3 Ce7—d6 37. f2—f4 c5—c4 38. Kpg1—h2 Cd6—c5 39. Le3—e2 b5—b4.

Черные упорно сопротивляются, но сдержать натиск ладейного дуэта противника они не в состоянии.

40. Le2—e4 b4:c3 41. b2:c3 Cc5—f2 42. Le4:c4 Cf2:g3+ 43. Kph2—h3 Cg3—e1 44. a2—a4 Kc6—a5 45. Lc4—b4+.

Не спасало черных и продолжение 45. ...Krc6 46. Lf5 C:c3 47. L:a5 C:b4 48. L:a6+ . Их же ход королем терпит фиаско мгновенно.

45. ...Krc6—c5? 46. Lf7—f5+ , и черные сложили «оружие».

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

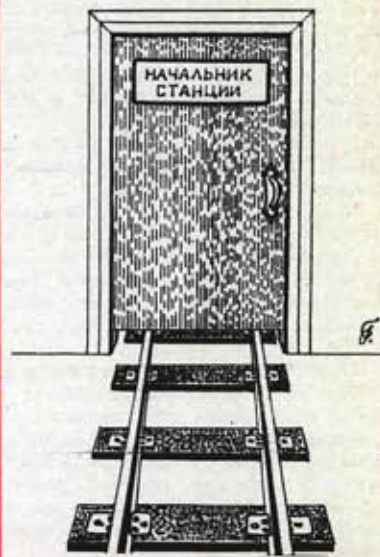

Рисунок Геннадия ГУБАРЕВА

Рисунок Юрия ВОСКОБОЙНИКОВА

Рисунок Виктора ФЕДОРОВА

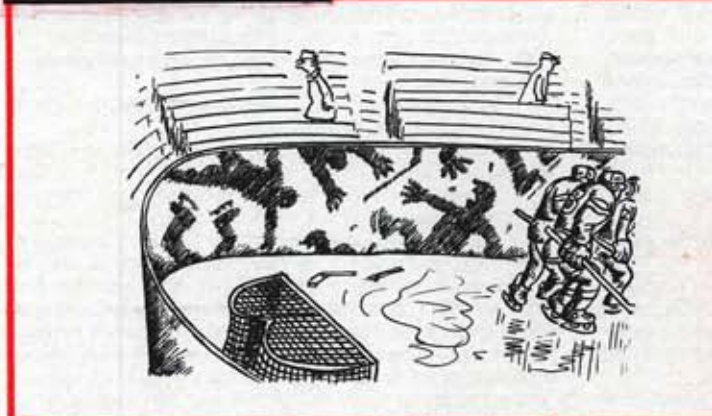
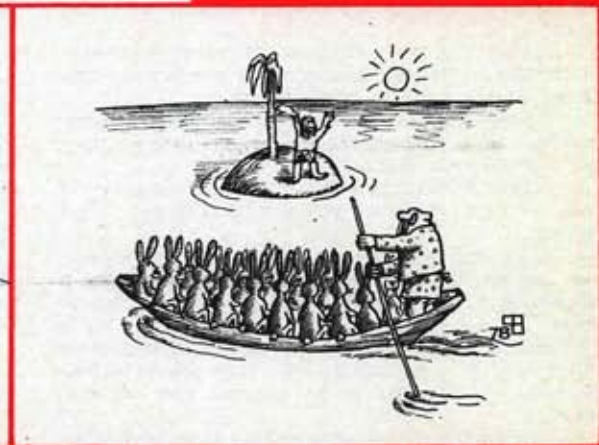

Рисунок Сергея СОЛОДОВНИКОВА

ПРИТЯЖЕНИЕ ЗЕМЛИ

Музыка Давида ТУХМАНОВА.

Стихи Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО.

Как безмерно оно — притяженье Земли,
Притяженье полей и печальных раки,
Всех дорог, по которым мы в детстве прошли,
И дорог, по которым пройти предстоит.

Припев:
Там горы высокие,
Там степи бескрайние,
Там ветры летят, по проселкам пыли.
Мы — дети галактики,
Но самое главное —
Мы дети твои, дорогая Земля.

Притяженье Земли, притяженье садов,
И закатов, и сосен в пушистом снегу,
Небольших деревень, и больших городов,
И ночного костра на пустом берегу.

Припев.

Не изменится этот порядок вещей,
И достигнет меня, и запомнится мне
Притяженье Земли, притяженье друзей,
Притяженье любимой в далеком окне.

Припев.

КРОССВОРД

Составил В. ФОМИНСКИЙ,
Москва

По горизонтали:

5. Дирижер, народный артист СССР.
7. Советский космонавт.
9. Озеро на Валдайской возвышенности.
10. Химический элемент.
11. Русский педагог, прогрессивный деятель народного образования в XIX веке.
13. Степень ценности продукции.
14. Русский композитор, пианист, дирижер.
15. Художник, живописец.
17. Раздел лингвистики.
22. Травянистое растение семейства розовых.
24. Город в Великобритании.
26. Минеральная краска.
27. Исполнительница ролей в театре.
28. Сорт яблок.
29. Геолог, академик, лауреат Ленинской премии.
30. Условная линия вокруг земного шара, проходящая на равном расстоянии от полюсов.

По вертикали:

1. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан».
2. Роман В. Кетлинской.
3. Международный съезд, совещание.
4. Песня А. Новикова на слова Л. Ошанина.
6. Аргентинская писательница, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
8. Город-герой.
11. Низкий женский голос.
12. Образы, явления, созданные воображением.
15. Причальное сооружение.
16. Приток Тобола.
18. Астрономический инструмент.
19. Водяная лилия.
20. Технологический процесс соединения металлических конструкций, деталей.
21. Река в Читинской области.
23. Летательный аппарат с реактивным двигателем.
25. Руководитель высшего учебного заведения.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 2**

По горизонтали:

3. «Перекол».
5. Семафор.
8. Елена.
9. Барбадос.
10. Теплоход.
11. Мортира.
13. «Тамара».
15. Лондон.
17. Гравюра.
18. Платина.
19. Беллини.
20. Дубовка.
22. Мушина.
24. Мадрас.
27. Нерида.
30. Шевченко.
31. Норвегия.
32. Ряска.
33. Комаров.
34. Овчарка.

По вертикали:

1. Чернавка.
2. Магеллан.
3. Паралет.
4. Престо.
5. Статор.
6. Рагозин.
7. Бекетов.
11. Магадан.
12. Алабама.
14. Амаду.
16. Осина.
21. Обелиск.
22. Материк.
23. Интервал.
25. Древоглаз.
26. Селитра.
28. Егоров.
29. «Динамо».

**Репортаж
об интересном**

обсуждение. Ведь это очень важно, чтобы олимпийский сувенир в течение многих лет не только напоминал его обладателю о 1980 году, но и радовал глаз своей неповторимой красотой.

Почетное место среди олимпийских сувениров занимают изделия великодушных мастеров Палеха, мастериц неповторимой дымковской игрушки, возвышенные и лиричные, как романс, миниатюры Федоскина, живописные творения «Золотой Хохломы», чудо из дерева богородских мастеров Подмосковья. Это о них, богородских умельцах, в свое время сказал не щедрый на похвалу Роден: «Велик народ, который может создавать эти вещи».

Дипломы Оргкомитета выданы также вознесенскому производственно-художественному объединению «Полохов-майданская роспись», Жостовской фабрике декоративной росписи. Станут олимпийскими сувенирами павловопосадские платки, расписанные букетами роз в сочетании с олимпийской символикой, ковры Люберецкого и Обуховского ковровых комбинатов, красочные ткани знаменитой Кренгольмской мануфактуры и Ивановской прядильно-отде-

раз в месяц в костянской переулке

**Петр СКОБЕЛКИН,
старший эксперт
Оргкомитета «Олимпиада-80».
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.**

Есть такой день в месяце, когда фойе здания Оргкомитета «Олимпиада-80» в тихом московском переулке превращается в некоторое подобие выставочного зала, в котором размещается обширная экспозиция произведений народных умельцев и мастеров оригинальных изделий.

Чего здесь только не увидишь в этот день — сверкающие никелем самовары и самотканые ковры, яркие вымпелы и замысловатые брелоки, расписные шкатулки и благородную чеканку, тончайшие изделия из дерева и веселую глиняную игрушку! И все это богатство разложено пока в беспорядке на столах, диванах, креслах, а то и прямо на полу.

Сюда собираются со всех уголков страны представители предприятий, претендующих на право ставить на лучших своих изделиях олимпийскую символику. Сейчас они с тревогой и волне-

БОЛЕЕ 6 ТЫСЯЧ ИЗДЕЛИЙ УЖЕ ВЫПУСКАЕТСЯ В НАШЕЙ СТРАНЕ С ОЛИМПИЙСКОЙ СИМВОЛИКОЙ. ОБ ОЛИМПИАДЕ-80 ГОСТЯМ МОСКВЫ БУДУТ НАПОМИНАТЬ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, СПЕЦИАЛЬНО ВЫПУЩЕННЫЕ МОНЕТЫ РАЗНОГО ДОСТОИНСТВА, ОРИГИНАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАРОДНЫХ УМЕЛЬЦЕВ.

нием, как студенты перед экзаменом, ждут своего часа, того самого момента, когда их пригласят к высокому столу, за которым заседает строгая комиссия по отбору и выпуску таких изделий.

Это и в самом деле своеобразный экзамен. И экзаменационная комиссия — очень солидное и серьезное собрание. В нее входят специалисты, высококомпетентные в области финансов и эстетики, торговли и спорта.

Естественно, что одному человеку трудно совместить все эти ипостаси. Потому здесь, в комиссии, трудятся представители министерств культуры, финансов, торговли, Государственного комитета цен СССР, Спорткомитета СССР, Союза художников СССР и, разумеется, Оргкомитета «Олимпиада-80», которые всесторонне и весьма строго оценивают образцы, представленные на

лочной фабрики «Красная Талка» (ей вручен юбилейный, тысячный, диплом).

Более 6 тысяч изделий уже выпускаются с олимпийской символикой, и специалисты многочисленных предприятий-изготовителей единодушно утверждают, что рисунок официальной эмблемы Московской Олимпиады (автор В. Арсентьев) очень удобен для использования на предметах самой различной формы и конфигурации.

Особую популярность завоевал талисман Миша. Ему всего лишь годик, а о нем уже знают не только в нашей стране. Оргкомитет получает массу писем из-за рубежа, авторы которых просят выслать им Мишу «в любом исполнении». Первый диплом на изготовление Миши был вручен Камчатскому производственно-художественному объединению художественных промыслов.

Дальневосточник Миша, изготовленный мастерицами Петропавловска-на-Камчатке, долгие месяцы находился в ответственной «командировке»: вместе с космонавтами Владимиром Коваленком и Александром Иванченковым он обживал свою первую «квартиру» — орбитальную станцию «Салют-6». А его брат, сибиряк из Красноярска, в качестве дублера по космическому полету обосновался в Музее космонавтики.

Олимпийские изделия уже сегодня создают добрую, праздничную атмосферу предстоящих Игр в Москве и еще долго будут служить спутниками олимпийского настроения.

